

Цетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 3 2015*]

Третий Форум
«Бердяевские чтения»

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

[Июль 2015 г.]

**Россия и Европа.
Диалог о ценностях
в пространстве цивилизации**
Третий Форум «Бердяевские чтения»

{ Апрель 2015 г. }

Цетради

по консерватизму

[№ 3 2015 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2015

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционная коллегия
Д.В. Бадовский, А.Ю. Зудин, Б.В. Межуев,
А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов, Л.В. Поляков (председатель),
М.В. Ремизов, А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников (гл. редактор)

Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: № 3. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2015. – 168 с.

В очередном номере альманаха «Тетради по консерватизму» представлены материалы третьего Форума «Бердяевские чтения» «Россия и Европа. Диалог о ценностях в пространстве цивилизации», проведенного Фондом ИСЭПИ 17–18 апреля 2015 года в Калининграде.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 59947.

© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2015

Дмитрий Бадовский
К читателю
7

Историко-ретроспективная секция
Истоки и смысл европейского консерватизма

А.В. Рачинский
Александр I и Священный Союз 1815 года
11

А.Ю. Минаков
Антизападнические мотивы в раннем русском консерватизме
16

М.А. Маслин
Европа и Россия: диалог о русской философии
25

В.В. Ванчугов
Образ Европы в «этнософических портретах» русских философов
34

Пол Гренье
Русский консерватизм и его восприятие на Западе через призму
либеральной идеологии
47

О.А. Матвейчев
«Философия неравенства» Н.А. Бердяева – манифест либерального
консерватизма
52

Л.В. Бибикина
Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки
59

А.П. Козырев
Проблема человеческого достоинства в прошлом и настоящем
русской мысли
73

Актуальная секция
На страже традиционных ценностей – в Европе и России

Я.И. Ваславский
Россия и Европа: на очередном перепутье
81

Себастиано Маффетоне
Кризис либеральной демократии
86

Содержание

Б.И. Макаренко

И с мест они не сойдут?.. (Консерватизм на Западе и в России)

89

К.С. Бенедиктов

Россия – Франция: возможен ли консервативный союз?

95

А.А. Закутин

*Современный консерватизм Великобритании и России: точки
возможного консенсуса*

101

Перспективная секция

Традиции и образы будущего

Л.Г. Ионин

*Проекты тотальной демократии: власть референдумов, интернет-
демократия, «один человек – один голос»*

109

К.В. Симонов

Консерватизм перед лицом неизвестности

118

Е.С. Холмогоров

*Консервативный поворот в России в зеркале глобальной истории
Фернана Броделя*

121

С.В. Хатунцев

Европа: суверенитет, культурная идентичность и цивилизационная будущность

124

А.В. Щипков

Российская идентичность и русская традиция на исходе эпохи глобализма

129

А.Р. Никифоров

*Крымский вклад в Революцию геополитической справедливости и новая
миссия России*

133

Хосе Хесус Санмартин Пардо

*Бердяев и русское/европейское самосознание: история как миф, религия как
духовность и творческая свобода*

136

С.Ф. Черняховский

*Консервация и конструирование: поиск философии будущего в советской
политической мысли*

139

Дискуссия в Кантовской библиотеке

Sub specie aeternitatis

145

Участники Чтений

165

К читателю

Очередной номер «Тетрадей по консерватизму» содержит материалы третьих Бердяевских чтений, прошедших на родине Иммануила Канта. Дискуссия получилась увлекательной и плодотворной – стены Балтийского федерального университета и Кантовской библиотеки городского собора помогли ее участникам.

На этих Чтениях, в соответствии с формирующейся традицией, мы стремились соединить прошлое и настоящее, увидеть контуры будущего. В одном из выступлений даже прозвучал и не нашел удовлетворительного ответа вопрос: что такое быть консерватором по отношению к будущему?

Предметом обсуждения были, прежде всего, ценности – человеческое достоинство, семья, национальный суверенитет, социальная солидарность, справедливость... В городе Канта, в год 200-летия Венского конгресса, положившего христианские ценности в основу мирового порядка, в высшей степени уместен разговор о сущности европейской цивилизации. Обсуждалась проблема ослабления ее политической субъектности и этнокультурной идентичности. В фокусе внимания была и проблема российской идентичности.

Бердяевские чтения накопили не просто интереснейший опыт диалога на эти и сопредельные темы, но опыт диалога об этом в контексте консервативной традиции мысли. На сей раз с российскими участниками университетскую кафедру делили философы и политологи из Италии, Испании, Франции, США, из Люксембурга. Очевидно, что на философских треках потенциал диалога с нашими западными коллегами сегодня существенней, чем на геополитических. Вроде бы дистанцировавшись от того, что в политическом обиходе именуется Европой, мы обретаем заинтересованных визави из иной Европы, и из иной Америки. Единомышленники находят друг друга с помощью такого «маркера», как консерватизм. Он помогает подняться и над государственными, и над партийно-политическими границами.

Консерватизм – не только и не столько партийная идеология, сколько широкое идейно-интеллектуальное пространство, способное интегрировать базовые смыслы общественной жизни и политической деятельности. Что оставляет определенные надежды на расширение границ возможного в европейской политике: как в отношении внутри-

европейских сюжетов и проблем, так и в отношении перспектив сотрудничества в рамках Большой Европы, которое будет плодотворно развиваться, в том числе, посредством постоянного диалога интеллектуалов.

В Калининграде был презентован и новый интеллектуальный проект Фонда ИСЭПИ – «Самопознание», информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». Выпущено сразу три номера: первый посвящен сакральной географии и, в частности, значению Крыма в истории России, второй – Ивану Ильину, третий – Константину Леонтьеву. «Самопознание» – так называется книга Николая Бердяева, вышедшая уже после его смерти с авторским подзаголовком «Философская биография».

Истоки и смысл европейского консерватизма

{ Историко-ретроспективная секция }

А.В. Рачинский
Александр I и Священный Союз 1815 года

А.Ю. Минаков
Антизападнические мотивы в раннем русском консерватизме

М.А. Маслин
Европа и Россия: диалог о русской философии

В.В. Ванчугов
Образ Европы в «этнософических портретах» русских философов

Пол Грень
Русский консерватизм и его восприятие на Западе через призму либеральной идеологии

О.А. Матвейчев
«Философия неравенства» Н.А. Бердяева – манифест либерального консерватизма

Л.В. Бибикина
Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки

А.П. Козырев
Проблема человеческого достоинства в прошлом и настоящем русской мысли

Л.В. Поляков. Подзаголовок нашей сессии я сформулировал бы таким образом: «Русское и европейское сквозь призму консервативной парадигмы. Парадоксы взаимопрезентации». Мы будем обсуждать актуальную и в прошлом,

и в настоящем проблему несовпадения взаимных восприятий. Насколько эти восприятия, эти образы близки к реальности – каждый раз проблема.

Александр I и Священный Союз 1815 года

Пользуюсь случаем, чтобы напомнить о юбилее, который мы празднуем в этом году. Речь идет о Священном Союзе. В 1815 году был заключен Священный Союз, в который вступили 50 государств. Мировой порядок, установленный в Вене, инициатором которого был Александр I, сохранялся на протяжении 40 лет – до Крымской войны.

Итак, 200 лет назад по инициативе российского императора Александра I, или, как его именовали, Александра Благословенного, были предприняты шаги в направлении установления нового мирового порядка. Во избежание новых войн, подобных тем, что вел Наполеон, была выдвинута идея создания коллективного договора безопасности, гарантом которого стал Священный Союз (la Sainte-Alliance) при руководящей роли России.

Личность Александра Благословенного остается одной из самых сложных и загадочных в русской истории. «Сфинкс, неразгаданный до гроба», – скажет о нем князь П.А. Вяземский. К этому можно добавить, что и за гробом судьба Александра I столь же загадочна. Речь идет о житии праведного старца Феодора Кузьмича Благословенного, причисленного Русской Православной Церковью к лику святых.

Мировая история знает немного деятелей, сопоставимых по масштабу с императором Александром. Эта удивительная личность остается непонятой и сегодня. Александровская эпоха была, возможно, наивысшим взлетом России, ее «золотым веком», тогда Петербург был столицей Европы, и судьбы мира решались в Зимнем дворце.

Современники называли Александра I царём-царей, победителем антихриста, освободителем Европы. Европейские столицы с восторгом приветствовали царя-освободителя: население Парижа встречало его цветами, главная площадь Берлина названа его именем – Alexander Platz. На миротворческой деятельности царя Александра я и хочу остановиться. Но вначале кратко – исторический контекст Александровской эпохи.

Глобальная война, развязанная революционной Францией в 1795 году, продолжалась без малого 20 лет (до 1815 года) и по-настоящему заслуживает названия Первой мировой как по своему размаху, так и по длительности. Тогда впервые на полях сражений Европы, Азии и Америки сталкиваются миллионные армии, впервые война велась в масштабах планеты за господство тотальной идеологии.

Рассадником этой идеологии была Франция, а распространителем – Наполеон. Впервые войне предшествовала пропаганда тайных сект и массовая

*Рачинский Андрей Владиславович (Andrei Ratchinski), доктор истории, доцент. Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO), Париж, Франция.
E-mail: ratchinski@wanadoo.fr*

психологическая обработка населения. Просвещенцы-иллюминаты работали, не покладая рук, создавая управляемый хаос. Век просвещения, а точнее по-мрачения, закончился революцией, гильотиной, террором и мировой войной.

Богоборческая и антихристианская основа нового порядка была очевидна для современников.

В 1806 году Святейший Синод Русской Православной Церкви предал анафеме Наполеона за его гонения на Западную Церковь. Во всех храмах Российской империи (православных и католических) Наполеон был объявлен антихристом и врагом рода человеческого.

Зато европейская и русская интеллигенция приветствовали Наполеона как нового Мессию, который сделает революцию всемирной и объединит под своей державой все народы. Так, Фихте воспринимал революцию во главе с Наполеоном как подготовку к построению идеального мирового государства.

Для Гегеля во Французской революции «явилось само содержание воли человеческого духа». Гегель, несомненно, прав в своем определении, но с уточнением, что этот европейский дух был апостасийным. Незадолго до Французской революции глава баварских иллюминатов Вайсхаупт стремился вернуть человека в его «природное состояние». Его кредо: «мы должны разрушить всё без сожаления, как можно больше и как можно быстрее. Мое человеческое достоинство не позволяет мне никому повиноваться». Наполеон стал исполнителем этой воли.

После разгрома австрийской армии в 1805 году, тысячелетняя Священная Римская империя была упразднена, и Наполеон – официально «Император Республики» – стал фактически императором Запада. Пушкин скажет о нем:

*Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладнокровный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший как сон, как тень зари.*

После 1805 года Александр I, оставаясь единственным христианским императором в мире, противостоял духам злобы и силам хаоса. Но об этом не любят вспоминать идеологи мировой революции и глобалисты. Александровская эпоха необычайно насыщена событиями: в сравнении с ней бледнеют даже Петровское и Екатерининское царствования.

За неполные четверть века император выиграл четыре военные кампании, отразив агрессию Турции, Швеции, Персии и в 1812 году – вторжение европейских армий. В 1813 году он освобождает Европу и в Битве народов под Лейпцигом, где лично руководит союзными армиями, наносит смертельное поражение Наполеону. В марте 1814 года Александр I во главе русской армии с триумфом вступает в Париж.

Тонкий и дальновидный политик, великий стратег, дипломат и мыслитель – Александр Павлович был необыкновенно одарен от природы. Его глубокий и пронизательный ум признавали даже враги: «Он неуловим, как морская пена», – говорил о нем Наполеон.

Как же после всего этого объяснить, что царь Александр I остается одной из самых оклеветанных фигур русской истории? Он – победитель Наполеона – объявляется бездарностью, а разбитый им Наполеон (кстати, проигравший за свою жизнь шесть военных кампаний) – военным гением. Глобалисты и клеветники России не могут простить Александру Благословенному его победы над «глобальной революцией» и тоталитарным мировым порядком.

Это длинное вступление мне потребовалось для того, чтобы обрисовать в общих чертах положение мира в 1814 году, когда после окончания Мировой войны, все главы европейских государств собрались на конгресс в Вене, чтобы определить будущее устройство мира.

Главным вопросом Венского конгресса стал вопрос о предотвращении войн на континенте, определении новых границ, но прежде всего – пресечении подрывной деятельности тайных обществ. Победа над Наполеоном не означала победы над идеологией иллюминатов, которая успела пронизать все структуры общества в Европе и России.

Логика Александра была ясна: кто зло попускает, тот сам зло творит. Зло не знает ни границ, ни меры, поэтому противостоять силам зла нужно всегда и везде. Внешняя политика является продолжением политики внутренней, и как не бывает двойной морали – для себя и для других, – так нет политики внутренней и внешней. Православный царь и во внешней политике, в отношениях с неправославными народами, не мог руководствоваться иными нравственными принципами. Александр по-христиански прощает французам все их вины перед Россией: пепел Москвы и Смоленска, грабежи, взорванный Кремль, расстрелы русских пленных. Русский царь не позволил своим союзникам разграбить и разделить на части побежденную Францию. Александр отказывается от репарации с обескровленной и голодной страны. Союзники (Пруссия, Австрия и Англия) были вынуждены покориться воле русского царя и в свою очередь отказались от репараций. Париж не был ни ограблен, ни разрушен: Лувр с его сокровищами и все дворцы остались в неприкосновенности.

Европа была ошеломлена великодушием царя.

В оккупированном Париже, переполненном наполеоновскими солдатами, Александр Павлович гулял по городу без эскорта, в сопровождении одного флигель-адъютанта. Парижане, узнавая царя на улице, целовали его коня и сапоги. Никому из наполеоновских ветеранов не пришло в голову поднять руку на русского царя: все понимали, что он был единственным защитником поверженной Франции.

Александр I амнистировал всех поляков и литовцев, воевавших против России. Он проповедовал личным примером, твердо зная, что изменить другого можно только собой. По словам Святителя Филарета Московского: «Александр наказал французов милостью».

Русская интеллигенция – вчерашние бонапартисты и будущие декабристы – осуждали великодушие Александра и в то же время готовили царевубийство.

Как глава Венского конгресса Александр Павлович приглашает побежденную Францию к участию в работе на равных и выступает в Конгрессе с невероятным предложением о строительстве новой Европы на основе евангельских принципов. Никогда ещё за всю историю Евангелие не закладывалось в фундамент международных отношений. В Вене император Александр дает определение правам народов: они должны покоиться на заветах Священного Писания. Православный царь предлагает всем монархам и правительствам Европы отказаться от национального эгоизма и макиавеллизма во внешней политике и подписать Хартию Священного Союза. Важно отметить, что сам термин «Священный Союз» по-немецки и по-французски звучит как «Священный Завет», что усиливает его Библейское значение.

Окончательно Хартия Священного Союза будет подписана участниками Конгресса 26 сентября 1815 года. Текст был составлен лично императором Александром и только слегка подправлен императором австрийским и королем прусским.

Три монарха, представлявшие три христианские конфессии – православие, католицизм и протестантизм, – обращаются к миру в преамбуле: «Торжественно заявляем, что настоящий акт не имеет другой цели, кроме как желания перед всем миром явить своё непоколебимое намерение избрать правилом, как во внутреннем управлении своими государствами, так и

в отношениях с другими правительствами, заповеди Святой религии, заповеди справедливости, любви, миролюбия, которые соблюдаются не только в частной жизни, но должны руководить политикой государей, будучи единственным средством упрочения человеческих учреждений и исправления их несовершенства».

С 1815 по 1818 год устав Священного Союза подписали пятьдесят государств. Не все подписи были поставлены искренне, оппортунизм присущ всем эпохам. Но тогда, перед лицом Европы, правители Запада не посмели открыто опровергнуть Евангелие.

С самого возникновения Священного Союза Александра I обвиняли в идеализме, мистицизме и мечтательности. Но он не был ни мечтателем, ни мистиком; Александр был человеком глубокой веры и ясного ума, и любил повторять слова царя Соломона (Притчи, 8: 13–16): *«Страх Господень – ненавидит зло, гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я ненавижу. У меня совет и правда, я – разум, у меня сила. Мною цари царствуют, и правители узаконяют правду. Мною начальствуют начальники и вельможи и все судьи земли»*.

Для Александра I история была проявлением Промысла Божия, Богоявлением в мире. На медали, которой награждали русских воинов-победителей, были выбиты слова царя Давида: *«Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему дай славу»* (Псалом 113: 9).

Планы устройства европейской политики на евангельских принципах были продолжением идей Павла I – отца Александра I – и строились на святоотеческой традиции. Великий современник Александра I Святитель Филарет (Дроздов) провозглашал библиоцентризм основой государственной политики.

Враги Священного Союза прекрасно понимали, против кого направлен Союз. Либеральная пропаганда и тогда, и после всячески очерняла «реакционную» политику русских царей. По словам Ф. Энгельса: «Мировая революция будет невозможна, пока существует Россия».

Вплоть до смерти Александра I в 1825 году главы европейских правительств собирались на конгрессы для согласования своей политики. На Конгрессе в Вероне царь сказал министру иностранных дел Франции и знаменитому писателю Ф. Шатобриану: «Считаете ли Вы, что, как говорят наши враги, Союз лишь слово, прикрывающее амбиции? [...] Больше нет политики английской, французской, русской, прусской, австрийской, а есть только общая политика, её-то ради общего блага и должны принять народы и цари. Мне первому следует проявить твердость в принципах, на которых я основал Союз».

В своей книге «История России» французский поэт и политический деятель Альфонс де Ламартин напишет: «Такова была идея Священного Союза, идея, которую оболгали в её существе, представляя её низким лицемерием и сговором о взаимной поддержке для угнетения народов. Долг истории вернуть Священному Союзу его истинное значение».

В течение сорока лет, с 1815 по 1855 год, Европа не знала войн. В то время митрополит Филарет Московский говорил о роли России в мире: «Историческая миссия России – утверждение нравственного порядка в Европе, на основе Евангельских заповедей».

Наполеоновский дух воскреснет с племянником Наполеона I – Наполеоном III, который при помощи революции захватит трон. При нем Франция в союзе с Англией, Турцией, Пьемонтом, при поддержке Австрии развяжет войну против России. Европа Венского конгресса закончится в Крыму, в Севастополе. В 1855 году будет похоронен Священный Союз.

Многие важные истины могут постигаться от противного. Попытки отрицания часто приводят к утверждению. Последствия нарушения мирового порядка хорошо известны: Пруссия разбивает Австрию и, объединив германские госу-

дарства, громит Францию в 1870 году. Продолжением этой войны будет война 1914–1920 годов, а следствием Первой мировой – Вторая мировая война.

Священный Союз Александра I остался в истории благородной попыткой возвысить человечество. Это единственный пример бескорыстия в области мировой политики в истории, когда Евангелие стало Уставом в международных делах.

В заключение хочется привести слова Гёте, сказанные в 1827 году по поводу Священного Союза, уже после смерти Александра Благословенного: «Миру необходимо ненавидеть что-нибудь великое, что и подтверждалось его суждениями о Священном Союзе, хотя еще не задумывалось ничего более великого и более благодетельного для человечества! Но чернь этого не понимает. Величие ей нестерпимо».

Аннотация. В докладе трактуется роль императора Александра I в установлении нового мирового порядка – Священного Союза, ставшего гарантом системы коллективной безопасности. В Александровскую эпоху Петербург был столицей всей Европы, и судьбы мира решались в Зимнем дворце. Автор задается вопросом: как объяснить, что Александр I остается одной из самых оклеветанных фигур русской истории? И отвечает на него: клеветники России не могут простить императору его победы над «глобальной революцией» и тоталитарным мировым порядком наполеоновской эпохи.

Ключевые слова: Александр I, Священный Союз.

Andrei Ratchinski, Ph.D. in History, Associate Professor, National Institute of for Oriental Languages and Civilizations (INALCO), Paris, France. E-mail: ratchinski@wanadoo.fr

Alexander I of Russia and the Holy Alliance of 1815

Abstract: The report interprets Emperor Alexander I's contribution to a new world order, the Holy Alliance, which underpinned the collective security system. During his reign Petersburg was virtually the capital of Europe, and the world's fate was decided in the Winter Palace. The expert ponders on how to account for slanders against Alexander I, which made him a most maligned figure in Russian history, and arrives at the conclusion that slanderers are resentful of the Emperor's victory against "global revolution" and Napoleon's totalitarian world order.

Keywords: Alexander I of Russia, Holy Alliance.

Л.В. Поляков. Поразительно, как русское общество могло трансформироваться от очевидной западофобии в сторону вот этого глобального универсального проекта, который явно превосхищает соловьевское предчувствие создания всемирной свободной теократии, основанной на единстве трех христианских конфессий. Очень своевременное напоминание – 200 лет Священного Союза. И, может быть, это задача

прежде всего для российской исторической школы: переосмыслить данное событие и ввести его в современный международный контекст. Здесь среди наших коллег есть редактор одного из ведущих международных журналов Федор Лукьянов. Это своеобразный вызов и для вас – подумать над тем, что 200-летней давности российский проект всемирного мира сегодня особенно актуален.

Антизападнические мотивы в раннем русском консерватизме

Исторически первыми в Российской империи в начале XIX века возникли течения консерватизма, ставящие своей целью борьбу с русским западничеством, точнее с галломанией, «французолобием». Франция тогда абсолютно доминировала в Европе и представлялась своего рода «квинтэссенцией» Запада в сознании тогдашних русских западников. Французские языковые, культурные и идеологические модели рассматривались влиятельной частью российской элиты как объект для подражания, как то, что необходимо во что бы то ни стало пересадить на русскую почву: от языка и моды до политической идеологии и государственного устройства. При этом российские галломаны, как правило, не осознавали, что основная угроза Российской империи исходила именно от наполеоновской Франции, стремящейся к господству в Европе и агрессивно распространявшей своего рода модифицированный «глобальный проект», возникший в результате Великой французской революции.

Заметнее всего галломания сказывалась на бытовом уровне. В результате ее распространения появлялись «градоначальники, затруднявшиеся в объяснениях с подчиненными, которые не говорили по-французски» [3, с. 6]. Можно найти свидетельства того, что представители высшего общества «красоту и силу природного языка изучали у псарей, лакеев, кучеров, и надо отдать справедливость, что изученное таким путем красноречие знали в совершенстве» [5, с. 126]. Забвением родного языка, впрочем, дело не ограничивалось.

Галломания, с точки зрения русских консерваторов, как минимум вела к распаду семейных связей и традиций, деградации нравов: иностранные воспитатели делались «повелителями в семействе и тиранами детей», которые «внушали детям неуважение к родителям и, если не презрение, то полное равнодушие ко всему русскому и сочувствие ко всему иностранному» [5, с. 132]. Одним из последствий иностранного воспитания было нравственное разложение части русской дворянской молодежи: «в десять – двенадцать лет мальчики пили мертвую чашу и знали все проделки разврата» [5, с. 133]. В русской жизни появились доселе неслыханные новшества: «тайные развратные общества: в Москве – клуб адамистов, а в Петербурге – общество свиней» [5, с. 131].

Как максимум в консервативном дискурсе воспитание, осуществляемое иностранцами, воспринималось как орудие европейской политики для достижения «анти-русских целей» [3, с. 1]. Галломания представлялась консерваторам тем идейным злом, в котором оказались как бы сфокусированы все угрозы, которые несли с собой идеология Просвещения, Французская революция и наполеоновская агрессия.

Минаков Аркадий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма.
E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

В рамках раннего русского консерватизма главным борцом против галломании русского дворянского общества первой четверти XIX века были и остается А.С. Шишков. Наиболее рельефно его взгляды отражены в знаменитом трактате «Рассуждение о старом и новом слоге языка российского». В «Рассуждении» Шишков резко выступил против тех, кто, по его словам, был «заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к Французскому языку» [18, с. 1].

В описании Шишкова галломания выглядела как тяжкая духовная болезнь, поразившая русское общество: «Они (французы. – А.М.) учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как пить, как говорить, как кланяться, и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по Французски. Благородные девицы наши стыдятся спеть Рускую песню» [18, с. 252]. Всё это, по его мнению, чрезвычайно опасно для самой будущности русского государства и народа, поскольку «ненавидеть свое и любить чужое почитается ныне достоинством» [18, с. 6].

Подобное положение, по Шишкову, было совершенно недопустимо, ибо означало, по его мнению, что французы, по сути дела, завладели Россией без единого выстрела и господствуют в ней: «они запрягли нас в колесницу, сели на оную торжественно и управляют нами – а мы их возим с гордостью, и те у нас в посмеянии, которые не спешат отличать себя честию возить их!» [18, с. 252–253]. В итоге, заявлял Шишков, возникло своего рода моральное рабство, которое по своим последствиям хуже физического порабощения, всё же оставляющего надежду на грядущее освобождение: «Народ, который все перенимает у другого народа, его воспитанию, его одежде, его обычаям наследует; такой народ унижает себя и теряет собственное свое достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением» [18, с. 225–226].

Процессы всеобщей нравственной деградации, «растления», «заразы», предшествующих революции, по Шишкову, начались прежде всего в результате массового наплыва галлицизмов в русский язык и заимствования чужих обычаев. Всё это однозначно расценивалось им как своеобразная подрывная акция со стороны сознательных и бессознательных врагов России, которые «вломились к нам насильственно и наводняют язык наш, как потоп землю» [18, с. 3]. А это вело к разрушению нравственных устоев общества. Любопытно отметить известный параллелизм взглядов на язык Шишкова и Ж. де Местра, который писал: «всякое вырождение отдельного человека или целого народа тотчас же дает о себе знать строго пропорциональной деградацией языка» [10, с. 58].

Причины подобного отношения Шишкова и других консерваторов к французскому языку, литературе и в целом к французам очевидным образом определялись полным неприятием идей Просвещения и негативным опытом Французской революции, реализовавшей эти идеи на практике. С их точки зрения, нация, уничтожившая монархический принцип и религию, установившая якобинский террор, не может дать миру никаких конструктивных идей [1, с. 30].

Н.М. Карамзин, которого в либеральной и советской историографии обычно противопоставляют Шишкову как своего рода литературный символ утонченной галломании (хотя идейными антагонистами к началу XIX века они не были), не менее резко выступал против повсеместного использования образованным слоем французского языка, против воспитания русских детей за границей, западной моды, против подражательства всему иностранному и т.д. Наиболее яркое произведение Карамзина, которое отразило подобные мотивы, – «О любви к отечеству и народной гордости» (1802).

Консервативно-патриотический пафос Карамзина в этом произведении чрезвычайно силен: «...смирение в политике вредно. Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но... станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое, и повторим его с благородною гордостью» [6, с. 253–254]. Оценить подобное изменение общественно-политических и культурных установок бывшего масона и космополита можно лишь, зная о том, что в «Письмах русского путешественника» (своего рода «священном тексте» русского западничества, созданном молодым Карамзиным) он утверждал, что после России для него нет земли «приятнее Франции», а французы – «самый любезный из всех народов».

Карамзин призвал прекратить безоглядное заимствование опыта Запада: «Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках <...> Хорошо и должно учиться: но горе <...> народу, который будет всегдашним учеником» [6, с. 257].

Карамзина немало беспокоило то обстоятельство, что большую часть учителей и воспитателей в России составляют иностранцы, и он не раз предлагал заменить их «природными русскими»: «нельзя ли завести особенной педагогической школы, для которой российскийское дворянство в нынешние счастливые времена не пожалело бы денег? <...> У нас не будет совершенно морального воспитания, пока не будет русских хороших учителей <...> Никогда иностранец не поймет нашего народного характера и, следовательно, не может сообразоваться с ним в воспитании. Иностранцы весьма редко отдают нам справедливость: мы их ласкаем, награждаем. А они, выехав за курляндский шлагбаум, смеются над нами или бранят нас <...> и печатают нелепости о русских» [7, с. 363].

В 1807 году вышел памфлет «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» Ф.В. Ростопчина. Это был своего рода антигалломанский манифест складывающегося русского консервативного национализма. Произведение носило не только антинаполеоновскую, но и антифранцузскую направленность: «Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать француз: сгинь ты дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, все равно – только не будь на Руси» [13, с. 148]. Французы обвинялись Ростопчиным в деградации России, в том, что своим влиянием они разрушили почитание Бога, царя, отечества, внушили презрение к русскому языку.

Ростопчин использовал для характеристики французов особый, «лубочный» стиль, в духе карикатур И.И. Теременина: «Вить что, проклятые, наделали в эти двадцать лет! Все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потом спорить, браниться, драться; ничего на месте не оставили, закон попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! – отца. Головы рубили, как капусту; всё повелевали – то тот, то другой злодей. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смел рта разинуть, носу показать и суд был хуже Шемякина. Только и было два определения: либо в петлю, либо под нож. Мало показалось своих резать, стрелять, топить, мучить, жарить и есть, опрокинулись к соседям и начали грабить и душить <...> приговаривая: “После спасибо скажете”. А там явился Бонапарт <...> шикнул, и все замолчало. Погнал Сенат взащей, забрал все в руки, запряг в военных, и светских, и духовных и стал погонять по всем по трем. Сперва стали роптать, потом шептать, там головой качать, а, наконец кричать: “Шабаш республика!”. Давай Бонапарта короновать, а ему настать. Вот он и

стал глава французская, и опять стало свободно и равно всем, то есть: плакать и кряхтеть; а он, как угорелая кошка, и пошел метаться из угла в угол и до сих пор в чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революция – пожар, Франция – головешки, а Бонапарте – кочерга» [13, с. 149].

В 1807 году возникло литературное объединение русских консерваторов, ядро которого составляли так называемые «архаисты», противники сентименталистского «нового слога»: А.С. Шишков, Г.Р. Державин, И.А. Крылов, С.А. Ширинский-Шихматов и др. – «Беседа любителей русского слова». «Беседа» была консервативной по своему составу и идейной направленности. По словам ее участника А.С. Стурдзы, она была «выражением пламенной любви ко всему отечественному, родному – любви пробужденной роковыми событиями того времени. Россия <...> готовилась к отчаянной схватке с Западной Европой» [14, с. 5–6]. К 1811 году кружок был формализован, был выработан его устав, а на заседания собиралось по несколько сот человек из высшего столичного общества, включая министров, генералитет, членов Святейшего Синода и т.д. «Плюралистический» состав «Беседы», состоявшей из лиц, принадлежавших к различным политическим и литературным группировкам и направлениям, зачастую находившихся друг с другом во враждебных отношениях (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, М.М. Сперанский, М.Л. Магницкий, С.С. Уваров, А.Н. Голицын, Ф.В. Ростопчин, А.С. Шишков, П.И. Голенищев-Кутузов и т.д.), заставляет предположить, что одной из недекларируемых ее целей было объединение прежних идейных оппонентов в атмосфере резкого усиления угрозы со стороны наполеоновской Франции на основе национально-патриотических настроений.

Одним из самых выдающихся событий за весь период существования «Беседы» стало чтение Шишковым «Рассуждения о любви к Отечеству», в котором он обрушился на космополитизм дворянского общества, особенно опасный в преддверии войны с Наполеоном: «человек, почитающий себя гражданином света, то есть, не принадлежащим никакому народу, делает то же, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных <...> Все веки, все народы, земля и небеса возопияли бы против него: один ад стал бы ему рукоплескать» [17, с. 147–148, 149]. Пренебрежение к национальным обычаям и традициям, отсутствие патриотизма и любовь к иностранному могут оказаться смертельно опасными в момент военных испытаний для России: «Когда станут увеселять нас чужие обычаи, чужие игры, чужие обряды, чужой язык, обворожая и прельщая воображение наше, тогда при всех правилах, при всех добрых расположениях и намерениях станет уменьшаться первейшее основание любви к отечеству, дух народной гордости <...> Когда один народ идет на другого с мечем и пламенем в руках, откуда у сего последнего возьмутся силы отвратить сию страшную тучу, сей громовой удар, если любовь к отечеству и народная гордость не дадут ему оных. <...> Отсюда явствует, что не одно оружие и сила одного народа опасна бывает другому – тайное покушение прельстить умы, очаровать сердца, поколебать в них любовь к земле своей и гордость к имени своему есть средство надежнейшее мечей и пушек» [17, с. 166, 170–171].

«Беседа любителей русского слова» актуализировала складывавшуюся консервативную идеологию для значительной части столичного общества и послужила своего рода «трамплином» для политической карьеры А.С. Шишкова, который в 1812–1814 годах фактически выполнял роль главного идеолога и пропагандиста Отечественной войны и зарубежных походов русской армии.

Огромное воздействие на складывание русского консерватизма оказали события 1805–1807 годов, когда, став участником антинаполеоновских коалиций, Россия потерпела ряд военных поражений и вынуждена была

в 1807 году заключить Тильзитский мир, воспринимавшийся современниками как крайне позорный. В обществе возникло исключительное по интенсивности национально-патриотическое настроение. Процитируем П.А. Вяземского, которого трудно упрекнуть в обскурантизме и ксенофобии: «Дух чужеземства мог быть тогда в самом деле опасен. Нужно было противодействовать ему всеми силами и средствами. В таких обстоятельствах даже излишества и крайность убеждений были у места. Укорительные слова: галломания, французолубцы, бывшие тогда в употреблении, имели полное значение. Ими стреляли не на воздух, а в прямую цель. Надлежало драться не только на полях битвы, но и воевать против нравов, предубеждений, малодушных привычек. Европа онаполеонилась. России, прижатой к своим степям, предлежал вопрос: быть или не быть, то есть следовать за общим потоком и поглотиться в нем, или упорствовать до смерти или до победы?» [цит. по: 4, с. 438]. Галломания постепенно начала становиться явлением неприемлемым не только для консерваторов, но и для значительной части образованных людей того времени.

Следует отметить, что консервативно настроенные иностранцы осуждали галломанию едва ли не в более резких выражениях, нежели их русские единомышленники. Так, Ж. де Местр писал: «У меня нет слов описать вам французское влияние в сей стране. Гений Франции оседлал гения России буквально так, как человек обуздывает лошадь» [9, с. 178]. Этот факт расценивался французским консерватором крайне негативно, поскольку «российская цивилизация по времени совпала с эпохой максимального развращения человеческого духа, и множество обстоятельств <...> пришли в соединение и, так сказать, смешали русский народ с народом, который одновременно был самым ужасным орудием и самой жалкой жертвой этого развращения. <...> Ужасная литература XVIII века сразу, без какой-либо подготовки проникла в Россию, и на первых уроках французского языка, который слышало русское ухо, звучали слова богохульства» [11, с. 40–41].

В ходе борьбы с галломанией постепенно возникла первоначальная программа русских консерваторов, сформулированная преимущественно Н.М. Карамзиным, А.С. Шишковым, Ф.В. Ростопчиным, С.Н. Глинкой. Они воспринимали либеральные проекты начала царствования Александра I как проявление все того же французского влияния, как пересаживание на русскую почву принципов Французской революции. В своих воспоминаниях Шишков противопоставлял молодых реформаторов, окружавших императора, екатерининским вельможам, которые «должны были умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новым понятиям, возникшим из хаоса чудовищной французской революции. Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбием, не имея ни опытности, ни познаний, стали все прежние в России постановления, законы и обряды порицать, называть устарелыми и невежественными. Имена вольности и равенства, приемлемые в превратном и уродливом смысле, начали твориться пред младым царем» [16, с. 84–85]. Особую неприязнь вызывала у консерваторов деятельность Негласного комитета, который, впрочем, сам Александр I полушутя-полусерьезно называл именем карательного органа якобинской диктатуры – «Комитет общественного спасения».

Представленный в Государственный Совет Сперанским знаменитый конституционный проект общего гражданского законодательства «Введение к уложению государственных законов», по утверждению Карамзина, являлся лишь перифразом французского законодательства: «издаются две книжки под именем проекта Уложения. Что же находим? Перевод Наполеонова кодекса» [8, с. 422].

Антизападничество консерваторов совпадало с их же антиконституционализмом. С их точки зрения «вводимые законы и учреждения в подражание

европейским государствам, кроме замешательства, в Российском государстве никогда ничего произвести не могли, и никогда в нем остепениться и укрепиться оным невозможно, потому что все оные <...> противуестественны духу народа русского, его почвенным нравам, обычаям, образу мыслей и склонности. Наружность европейскую приняли некоторые сословия, но корень русской правды непоколебимым пребывает и донныне; разве развращение нравов, от Европейцев принимаемое, сгноит корень, но тогда все рухнет!» [цит. по: 2, с. 94].

Самодержавие, в противоположность таким феноменам, как республика, парламент и конституция, представлялось им как особый, самобытно-русский тип власти, тесно связанной с православием и православной церковью. Вся система государственных и общественных институтов Руси-России была своего рода «излиянием монаршей власти», монархический стержень пронизывал всю политическую систему сверху донизу. Самодержавие, таким образом, было демиургом, создавшим русскую государственность и русский народ, проявлением национального, самобытного русского Духа, «Палладиумом» России, являвшимся в сознании консерваторов главной причиной и гарантией ее могущества и процветания. Ограничить самодержавие означало столкнуть страну в катастрофу, как минимум резко ее ослабить. Создателем этой концепции был Н.М. Карамзин.

Православие играло во взглядах консерваторов огромную роль. Так называемая православная дружина (современные историки называют ее православной оппозицией, поскольку представители ее противостояли официальной конфессиональной политике, которая базировалась на идеях западноевропейского мистицизма и масонства) была, по сути, своего рода «консервативной партией» в церковной и околоцерковной среде. Среди нее наиболее яркими фигурами были архимандрит Юрьева Новгородского монастыря Фотий (Спасский), митрополиты Серафим (Глаголевский) и Евгений (Болховитинов), А.А. Аракчеев, А.С. Шишков, М.Л. Магницкий, С.А. Ширинский-Шихматов. Самым выдающимся светским консервативным православным мыслителем, примыкавшим к «православной дружине», был А.С. Стурдза.

Система православных ценностей оказала существенное воздействие на формирование русского консерватизма, оказав блокирующее действие на процесс рецепции иноконфессиональных консервативных западных доктрин. Так, консерваторы заблокировали масштабный проект реформации Церкви, вынашиваемый Александром I и его ближайшим сотрудником А.Н. Голицыным, который предусматривал распространение некоего экуменического варианта христианства, связанного с антицерковными западноевропейскими учениями, в частности протестантским мистицизмом и масонством, что могло бы изменить религиозную и, соответственно, национальную идентичность вначале элиты, а затем народа. С 1824 года монархическая власть более не ставила под сомнение статус православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на православии.

Одна из причин, по которой ряд консерваторов приняли самое активное участие в устранении с политической арены великого либерального реформатора М.М. Сперанского, заключалась в том, что он воспринимался ими как своего рода «агент влияния», центральная фигура ненавистной им либеральной «французской партии». Н.К. Шильдер следующим образом описывает то, как восприняла консервативная часть русского общества опалу Сперанского: ее «торжествовали как первую победу над французами. Таким образом, предначертанная цель была вполне достигнута и сопровождалась замечательным успехом; дух патриотизма и приверженности к правительству был пробужден и укреплен во всех сословиях, подготавливая ведение национальной войны, в которой видели спасение России» [15, с. 45].

Таким образом, консерваторы заблокировали реализацию масштабного конституционного либерального проекта, который на том этапе должен был реально ограничить самодержавие. И, как небезосновательно опасались консерваторы, одновременно существенно ослабить мощь России перед большой войной.

Консервативно-патриотические настроения и взгляды начала XIX века объективно оказались необходимым политическим инструментом для победы в Отечественной войне 1812 года и преодоления галломании части дворянского высшего общества. С началом войны с Наполеоном антифранцузские настроения достигли своего апогея. В.К. Надлер, опираясь на свидетельства современников, отмечал по этому поводу: «Высшие классы нашего общества внезапно переродились; из французов и космополитов они вдруг превратились в русских. Дамы и светские кавалеры вдруг отказались от французского языка. Они начали говорить по-русски и с удивлением замечали, что говорить на родном языке для них легче и что русский язык совершенно удобен для употребления в гостиных. Французская мода также подверглась всеобщему гонению. Многие дамы поспешили нарядиться в сарафаны, кокошники и повязки; мужчины начали носить серые ополченские кафтаны. В Петербурге никто не хотел более слышать французских актеров; толпа встречала их неистовым свистом, криком, ругательствами и гнала их со сцены. Правительство поспешило закрыть французский театр» [12, с. 13].

Во многом благодаря усилиям консерваторов высший образованный слой вновь начал говорить на русском, а не французском языке. А победы 1812 года и военные походы русской армии, в которых консервативная «русская партия» сыграла весьма важную роль, привели к тому, что Российская империя вплоть до Крымской войны доминировала в Европе.

В полемике с галломанами русские консерваторы сформулировали некоторые основные постулаты нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость некритического подражательства западноевропейским образцам, ставка на собственные самобытные традиции, языковые, религиозные, политические, культурные; опора на патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность традициям мощной государственности – самодержавной монархии. Показательна их предметная любовь к русской культурной традиции и русской истории, стремление сделать их опорой для консервативного мировоззрения. Шишков одним из первых делает перевод «Слова о полку Игореве» и обширнейший комментарий к нему, а Карамзин создает «Историю государства Российского», которая оказала огромное влияние на формирование национальной идентичности образованного слоя, лояльного государству и Церкви. Вклад в русскую культуру таких ранних русских консерваторов, как гениальные Г.Р. Державин, И.А. Крылов, трудно переоценить. Как минимум небезызвестными литераторами были С.А. Ширинский-Шихматов, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка. Все они вместе готовили почву для грядущего «золотого века» русской культуры.

Любопытно отметить, что в условиях борьбы против наполеоновской Франции некоторые западноевропейские консерваторы готовы были признать желательность, конструктивность и реалистичность некоторых существенных элементов программы ранних русских консерваторов. В частности, барон Генрих-Фридрих-Карл фон Штейн писал в 1812 году, что, заимствуя в Европе «общеполезные знания и учреждения», Россия «должна была сохранить в то же время свои первоначальные нравы, образ жизни, одежду; она не должна была подкапывать и портить свою самобытность, изменяя все это. Ей не нужно было ни французской кухни, ни французской одежды, ни иностранного типа; она могла исключить из собственного все грубое, не отказываясь от всех его осо-

бенностей. Положение столицы России (т. е. Петербурга), пример правителей, естественная склонность нации к подражанию, способствовали усилению страсти к иностранным обычаям. И кого же избрали себе за образец русские? Самую изнеженную и испорченную нацию из всех европейских – французскую. Язык французов, их литература, их способ воспитания сделали господствующими в высших классах и имели самые гибельные последствия для нравственности и народного образования. Не пора ли <...> в виду этого последнего обстоятельства положить предел дальнейшему вторжению иностранного элемента, не следовало ли бы возвратиться к столь целесообразной и удобной национальной одежде, не следовало ли бы императорскому двору перенестись в Москву» [цит. по: 12, с. 42].

Таким образом, первоначальный вариант русского консерватизма явился непосредственной и очень острой реакцией на западничество наиболее активной и влиятельной части правящего слоя и культурной элиты.

Литература

1. *Альтшуллер М.Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor, 1984.
2. *Бокова В.М.* Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003.
3. *Галахов А.Д.* Русская патриотическая литература 1805–1812 // Филологические записки. 1867. Вып. 1.
4. *Глинка С.Н.* Записки. М., 2004.
5. *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007.
6. *Карамзин Н.М.* О любви к Отечеству и народной гордости // О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.
7. *Карамзин Н.М.* О новых благородных училищах, заводимых в России // Вестник Европы. 1802. № 8.
8. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.
9. *Местр, Ж. де.* Петербургские письма // Звезда. 1994. № 11.
10. *Местр, Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998.
11. *Местр, Ж. де.* Сочинения. СПб., 2007.
12. *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886. Т. 2.
13. *Ростопчин Ф.В.* «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» // Ох, французы! М., 1992.
14. *Стурдза А.С.* «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания // Москвитянин. 1851. Ноябрь. Кн. 1. № 21.
15. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый: его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 3.
16. *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1.
17. *Шишков А.С.* Рассуждение о любви к Отечеству // Собрание сочинений и переводов. СПб., 1825. Ч. IV.
18. *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собрание сочинений и переводов. СПб., 1824. Ч. II.

Аннотация. В статье анализируются причины возникновения русского консерватизма в начале XIX века. Первоначальная версия русского консерватизма была реакцией на галломанию, которая являлась одной из исторических форм русского западничества. Ранний русский консерватизм окончательно сложился в годы масштабной агрессии со стороны наполеоновской Франции.

Ключевые слова: русский консерватизм, галломания, западничество.

Arkady Minakov, PhD, Professor, Voronezh State University; Director, The Center for the Study of Conservatism. E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

Anti-Westernism in Early Russian Conservatism

Abstract. The article analyzes the root causes of Russian conservatism in the early nineteenth century. Russian conservatism arose as a reaction against Gallophilia (Gallomania), a strain of Russian Westernism. Early Russian conservatism took shape amid full-scale aggression by Napoleonic France.

Keywords: Russian conservatism, Gallomania, Westernism.

Европа и Россия: диалог о русской философии

Опубликованные в 94–96-м томах полного собрания сочинений Мартина Хайдеггера «Черные тетради» стали сенсацией и породили на Западе острые дискуссии, которые вышли за пределы философских изданий. В России эти тексты, опубликованные в 2014 году, пока что малоизвестны, между тем в них даны острейшие метафизические диагнозы современной болезни Европы. Единственный в России на сегодня научный анализ части посмертных текстов великого немецкого метафизика дан в статье Н.В. Мотрошиловой [7]. По следам публикации «Черных тетрадей» она обратила внимание на открывшийся в этих текстах новый взгляд на Россию и на необходимость расширения диалога между европейской и русской культурами. «Русские, – писал Хайдеггер, – уже столетие назад много знали, и знали точно, о немецком начале, о метафизике и поэзии немцев. А немцы не имели никакого понятия о России. Перед каждым практически-политическим вопросом, [вместе] с которым мы должны соотнести себя с Россией, стоит единственный вопрос: кем же, собственно, являются русские? Как коммунизм (взятый в виде безусловного марксизма), так и современная техника суть полностью европейские явления. Оба – только инструменты русского начала, а не оно само» [7]¹.

Характерно, что это своеобразное философское завещание Хайдеггера, написанное в эпоху существования СССР с антикоммунистических позиций, отнюдь не сводилось лишь к обвинению России и русского коммунизма в тех кризисных явлениях, которые испытывает современное общество в эпоху «нового времени» (термин Хайдеггера). Распространение массовой культуры, падение нравственности, дегуманизация, «коммунизм в виде безусловного марксизма», современная техника, – все это, по Хайдеггеру, суть полностью европейские явления. Коммунизм и марксизм – «только инструменты русскости, а не она сама». Причем «русскость» охарактеризована Хайдеггером более сочувственно, чем англо-американское начало, и с акцентированием устремлений, имеющих не меркантильно-расчетливый, а скорее духовный характер. Такова же роль «англичанства» в формировании идущего к своему концу «нововременного человека». И те, и другие «ведут борьбу за ничто», выступают в качестве отрицателей бытия, нигилистов. Причем своего апогея нигилизм достигает именно в американизме. Сущность американизма, по Хайдеггеру, «состоит в безусловном исчерпании Нового времени через его опустошение». Русскость же при всей своей брутальности и жесткости, выраженной в большевизме,

¹ Здесь и ниже цитаты из «Черных тетрадей» даны в переводе и в изложении Н.В. Мотрошиловой.

одновременно обладает качествами укорененности в бытии, отсутствующими в беспочвенном американизме. «Опустошение Европы» уже началось в виде господства «американизма» в его худшей форме, причем и в политическом, и в экономическом, и в культурном отношениях. Поэтому однажды, предсказывает Хайдеггер, перед европейской историей возникнет миссия борьбы против американизма с его отсутствием корней.

Борьба Хайдеггера против деградации «нововременного человека» имеет немало общего, несмотря на мировоззренческие несходства, с поставленным Н.А. Бердяевым диагнозом болезни новоевропейского гуманизма, «устремляющегося вниз, к Царству Антихриста». Этот вывод Бердяев сделал в качестве осмысления итогов Второй мировой войны в послевоенном произведении «Русская идея» (1946). Но и в своем предвоенном сочинении «Судьба человека в современном мире» (1934), получившем известность и переведенном на многие иностранные языки, Бердяев высказал сходное ощущение европейского кризиса, приближающейся катастрофы. Он прямо сослался на близость своих мыслей к мыслям, высказанным в предвоенных сочинениях Хайдеггером: «Сознание падшести мира очень сильно у Гейдеггера в его философии». Бердяев писал: «Именно в наше время настолько выявились результаты длительного исторического процесса, что стал возможен и неизбежен суд над историей, над ее неудачей. Эти результаты обнаружались в жизни национальной, политической и экономической, они обнаружались и в духовной культуре, в литературе, в философии, ибо и там пошатнулся образ человека, и там разлагается целостность человеческого существования. И над всем царствует только одна положительная, созидательная сила – сила техники. Человек переходит в новый космос. Все элементы нашего времени были уже в прошлом, но эти элементы обобщаются, универсализируются и окончательно выявляются. Именно в наши дни агонии мира остро чувствуется, что мы живем в падшем мире, разодранном непреодолимыми противоречиями» [1, с. 323].

Сходство позиций Бердяева и Хайдеггера, одинаково озабоченных судьбами человека в современном мире, указывает на то, что русская философия имеет свою неповторимую судьбу, оставаясь при этом философией – носителем универсального опыта, обращенного ко всеобщему. Источник этого универсального опыта во многом определяется связью русской мысли с европейской философской традицией, которая никогда не прерывалась при всех драматических переломах отечественной истории. Философско-богословское общение Древней Руси с христианской Европой восходит ко времени Крещения Руси в конце X века. После падения второго Рима – Константинополя – и завоевания Византийской империи турками в 1453 году Московское царство становится единственным центром православия, способным сохранить чистоту христианской веры. Отсюда ведет свое происхождение средневековая религиозная идея «Москва – Третий Рим», имеющая европейский источник в качестве идей *Roma aeterna* и *translatio imperii* и получившая широкое распространение в православной философско-богословской мысли. Само присутствие «римской темы» в сознании русского средневековья, как и мысль о преемстве Москвы Риму и Константинополю, говорит о том, что осмысление Русью самой себя осуществлялось в европейском контексте. Собственно философское общение русских философов с философами Европы восходит к XVII–XVIII векам, ко времени основания первых высших учебных заведений на территории России. Это Киево-Могилянская академия (1632) в Киеве и Славяно-греко-латинская академия в Москве (1685). Предпосылкой для такого общения становится начало преподавания в России философии как самостоятельного, отдельного от богословия предмета.

В XVIII веке, в эпоху реформ Петра I, общение светских, нерелигиозных русских философов с мыслителями Европы особенно активизировалось. Как извест-

но, Лейбниц был научным консультантом у Петра I, по его проекту были основаны Петербургская академия наук и университет при академии (1724). Русское Просвещение становится частью европейского Просвещения, большое распространение получают труды французских и немецких мыслителей. Основатель Московского университета и первый русский ученый мирового значения М.В. Ломоносов учился в Германии, в Марбурге и Фрейберге, его учителем был известный ученый и философ Христиан Вольф. В XIX веке связи русской и европейской философии расширились. Первым иностранным языком, на который был переведен «Капитал» К. Маркса, был русский язык (1872). Маркс, как известно, специально изучил русский язык, чтобы читать сочинения Н.Г. Чернышевского, а первыми русскими текстами для него стали мемуары А.И. Герцена «Былое и думы».

Первые работы, специально посвященные русской философии, появились в Европе в 10–20-х годах XX века, будучи результатом диалога представителей русской и европейской философии, Томаша Гаррига Масарика (1850–1937), чешского и словацкого философа, политика и общественного деятеля, первого президента Чехословакии, и Эрнеста Львовича Радлова (1854–1928), русского философа и переводчика Гегеля, автора «Философского словаря» (1904, 1913), «Очерка истории русской философии» (1912), редактора (после смерти В.С. Соловьева) философского отдела «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, друга и биографа Владимира Соловьева. Первые работы были написаны также: в США (Джулиус Хеккер «Русская социология», 1915); во Франции – ученым русского происхождения Александром Койре «Философия и национальная проблема в России XIX века» (1929). Известная работа, посвященная А.И. Герцену, была опубликована также по-французски славистом Раулем Лабри в 1928 году.

Как Масарик, так и Радлов принадлежали к числу первых в Европе и в России исследователей истории русской философской мысли. Они познакомились в Вене в начале 1880-х годов на почве общих интересов к истории античной философии, которую Радлов изучал во время научной стажировки у профессора Теодора Гомперца. Позднее их интересы сместились (у Радлова раньше, у Масарика позже) в сторону освоения русской философской мысли. Это путь, который проделали и другие известные философы, например, братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие. В целом же в России в начале XX века наступает осознание «существенной оригинальности» русской философской мысли (В.Ф. Эрн), ее изучение становится научным и общественным проектом, в нем участвуют лучшие философские силы, которые группировались вокруг Московского психологического общества и журнала «Вопросы философии и психологии», а также вокруг книгоиздательства «Путь» под руководством М.К. Морозовой. Достаточно упомянуть Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, В.П. Свенцицкого, А.С. Волжского, С.Л. Франка и др. Активными участниками этого движения по изучению русской философской мысли становятся также Радлов и Масарик¹.

Кстати сказать, Т.Г. Масарик благодаря своим философским трудам на немецком языке (по истории философии и логике) был принят в качестве иностранного члена в Московское психологическое общество при Императорском Московском университете, где состояли также Герберт Спенсер, Уильям Джеймс, Эдуард Гартман, Куно Фишер, Анри Бергсон и другие знаменитые европейские и американские философы. Причем членство Масарика в русском научном обществе стало отнюдь не формальным, поскольку он со временем стал выдающимся знатоком русской философии, лучшим в свое время (и на де-

¹ Истории опубликования первой в Европе книги о русской философии, написанной Т. Масариком, посвящена серия работ Е.Ф. Фирсова, основанных на архивных материалах [11; 12].

сятилетия вперед) в Европе. Интересно, что для своего членства Масарик выбрал русифицированное имя и отчество – Фома Осипович.

В 1922 году из советской России была выслана большая группа философов, среди них Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков. Все они публиковали на Западе специальные работы по истории русской философии, которые в настоящее время рассматриваются в качестве собственно русской историографии. Наибольшую известность среди этих работ получили исследования В.В. Зеньковского «История русской философии» (в двух томах. Париж, 1948–1950) и Н.А. Бердяева «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX столетия» (Париж, 1946). Обе работы были опубликованы по-русски и впоследствии переведены на европейские языки. Однако участие русских философов-эмигрантов в западной интеллектуальной и академической жизни в период до Второй мировой войны не привело к формированию специального интереса к русской философии среди ученых нерусского происхождения на Западе. Например, попыткой ознакомить Европу с русской философией было издание Б.В. Яковенко в 1929–1931 годах на немецком языке журнала «Русская мысль», в котором публиковались русские авторы. Он же издавал работы о русской философии на чешском («История русской философии». Прага, 1939) и на итальянском (1925, 1927) языках. Франк, Шестов, Лосский, Степун, Бердяев, И. Ильин также выступали в различных аудиториях с лекциями о русской философии, но не вызвали на Западе широкой волны интереса к русской философии как таковой.

Массовый интерес к русской философии возникает на Западе только в послевоенный период, после победы СССР в Великой Отечественной войне против фашистской Германии и особенно после запуска СССР искусственного спутника Земли. В результате специальной поддержки правительств западных стран, прежде всего США, начинаются систематические «русские исследования», касающиеся в том числе и русской философии, формируется разветвленное, имевшее развитую инфраструктуру, влиятельное течение общественнонаучного, ориентированное на исследование интеллектуальной истории России. В 1960–1980-х годах бесспорное мировое лидерство в области «русских исследований» принадлежало США. Начало исследований в области русистологии, на основе которых произошло разрастание на Западе соответствующих институтов, государственных и частных структур, координировавших *Russian studies*, следует отнести к законодательному акту *National Defence Education Act (NDEA)* – Закону об образовании в интересах национальной обороны (принят Конгрессом США в 1958 году)¹. В своде американских законов, принятых Конгрессом, текст этого законодательного акта занимает 25 страниц, причем данный акт относится к категории так называемых публичных федеральных законов, то есть законов общей федеральной юрисдикции (в отличие от частных законов, касающихся отдельных лиц или учреждений). Целью закона, как было указано в преамбуле, являлись «укрепление национальной обороны и расширение и поддержка распространения и улучшения образовательных программ, направленных на защиту важнейших национальных интересов»². Каждая статья NDEA (всего их насчитывалось десять) подкреплялась обширным финансированием, насчитывающим десятки миллионов долларов.

Под влиянием NDEA в США сложилась система стипендий, грантов, институтов, организаций и других регуляций, касающихся всех возможных аспектов изучения России и СССР, включая экономику, политику, историю, науку, культуру. К этому следует добавить содействие частных благотворительных организаций – фондов Форда, Карнеги, Рокфеллера и др., которые также обеспе-

¹ United States Statutes at Large. Vol. 72. P. 1580–1605.

² Ibid. P. 1580.

чили мощную поддержку руссиеведческим публикациям и обучению русскому языку, научному туризму в Россию и др. С самого начала NDEA был нацелен на создание развитой организационно-идеологической структуры при американских университетах, на преподавание различных дисциплин и исследования в области *Russian studies*. К началу 1980-х годов в США насчитывалось более 200 русских центров, рассредоточенных по всей территории страны. Благодаря солидной финансовой поддержке уже в конце 1950-х – начале 1960-х годов в США было опубликовано около девяти тысяч монографий и статей, посвященных России и Советскому Союзу. По русской проблематике ежегодно защищалось порядка двухсот магистерских и докторских диссертаций.

Разумеется, подобные учебно-научные подразделения возникли в университетах США не на пустом месте, но благодаря интеллекту русских учёных. Ведущую роль в организации и чтении лекционных курсов по русской истории и культуре и в подготовке соответствующих специалистов сыграли работавшие в США русские эмигранты, главным образом второй, послевоенной волны эмиграции. Среди них М. Ростовский, А. Васильев, Г. Федотов, М. Флоринский, Г. Флоровский, М. Карпович, А. Лобанов-Ростовский, В. Рязановский, Л. Страховский, Г. Вернадский, А. Мазур, Н. Рязановский, М. Раев, С. Зеньковский, А. Гершенкрон. Первая пореволюционная волна эмиграции, как известно, локализовалась по преимуществу в Европе, тогда как вторая переместилась за океан, куда устремились рассыпанные по разоренной войной Европе русские эмигранты. Выдающийся специалист по истории русской литературы Глеб Струве, сын русского философа П.Б. Струве, ставший профессором университета штата Калифорния, дал следующее объяснение причин возрастания влияния русских интеллигентов второй волны в послевоенной интеллектуальной жизни Америки: «...в силу сложившегося в послевоенные годы международного положения вторая волна быстро приобрела влияние, к ее голосу стали прислушиваться, ее услугами стали пользоваться и правительственные учреждения (особенно в США), и общественные организации в размерах, в которых это и не снилось старой эмиграции» [цит. по: 13, с. 99].

Быстрое развитие *Russian studies* в условиях холодной войны с СССР привело к тому, что русские выходцы формировали значительную часть кадрового состава в различных исследовательских центрах, на радиостанциях, вещающих за «железный занавес» – радио «Свобода», «Голос Америки», Би-би-си. Идеи русских мыслителей во второй половине XX века стали интерпретироваться и распространяться в западном информационном пространстве в невиданных до Второй мировой войны объемах. Огромной популярностью пользовался, например, многолетний цикл радиопередач о русских мыслителях на всемирной сети радиовещания Би-би-си, подготовленный выходцем из России Исасей Берлином, выдающимся популяризатором идей Толстого, Белинского, Герцена, Чернышевского, Бакунина и других русских мыслителей. В 1979 году материалы этих радиопередач были в переработанном виде изданы в виде отдельной книги, впоследствии переведенной на китайский, датский, французский, немецкий, иврит, итальянский, польский, португальский, испанский, японский языки [15]¹.

Американские *Russian studies* имели преимущественные стартовые возможности даже по сравнению с более укоренившимися и начинавшимися ранее европейскими исследованиями в этой области. Если иметь в виду двух мыслителей, переехавших в США во время и после Второй мировой войны, а именно Г.П. Федотова и Г.В. Флоровского, то планка философского руссиеведения в их лице была настолько высока, что опережала мировой уровень буквально на

¹ О роли Исасей Берлина в развитии зарубежной историографии русской философии см.: [3].

десятилетия вперед. Опубликованные в США монографии Федотова, посвященные религиозной мысли Киевской Руси и богатству русской средневековой религиозной духовности, стали совершенно новым словом в медиевистике и в историографии русской философско-богословской мысли [16; 17; 18]. Они были первыми в своем роде исследованиями русской философско-богословской мысли XI–XVII веков; аналогичные работы М.Н. Громова, а затем В.В. Милькова появились в России лишь в постсоветское время¹.

Значительные научно-организационные заслуги в становлении американских *Russian studies* принадлежат выдающемуся богослову и религиозному философу Г.В. Флоровскому, который работал в Колумбийском, Гарвардском и Принстонском университетах. Известнейший американский русист, директор Библиотеки Конгресса Джеймс Биллингтон пишет во введении к своей главной монографии о том, что он «должен высказать особую признательность профессору преподобному отцу Георгию Флоровскому», он «во многих отношениях» является «духовным отцом этой книги» [2, с. 8]. Всемирно известный польский историк русской мысли Анджей Валицкий дает Флоровскому еще более высокую оценку, он считает его одним из самых выдающихся мыслителей XX века, а встречу с ним – важным событием своей жизни [6, с. 110].

Разумеется, высокая планка, заданная работами Федотова и Флоровского, выходящими в США и практически неизвестными в СССР, далеко не была характерна в целом для работ западных авторов второй половины XX века. Но несомненно то, что вплоть до начала 1990-х годов западным российеводам принадлежала практически монополия в области историографии русской религиозной философии ввиду практического отсутствия в СССР соответствующих трудов, посвященных философии Соловьёва, славянофилов, Данилевского, Леонтьева, Бердяева и русскому религиозному ренессансу начала XX столетия. Первая европейская книга о русской философии, написанная Т. Масариком, в Советском Союзе была совершенно неизвестна. В лучшем случае избранным специалистам был доступен в спецхране ее английский перевод, изданный в 1955 году [24]. Советский запрет на труды Масарика, широко известные в научных кругах России до Первой мировой войны, очевидно, объяснялся тем, что в годы его президентства он организовал широкую акцию по поддержке философов русского зарубежья, в том числе высланных из Советской России в 1922 году и оказавшихся в Праге, среди которых были П.А. Сорокин, Н.О. Лосский, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, И.И. Лапшин. Вот почему первое русское издание «России и Европы» Масарика вышло лишь в начале нынешнего столетия [5].

Именно под влиянием выдающегося сочинения Масарика, впервые познакомившего западного читателя с философией Достоевского, исследования по русской религиозной философии рассматривались в Европе в качестве приоритетных, поскольку могли быть интерпретированы в качестве различных вариан-

¹ Монография Г.П. Федотова «Русская религиозная мысль» была опубликована в русском переводе в 2001 году (перевод С. Бычкова) в качестве X тома собрания сочинений Г.П. Федотова в 12 томах. Однако название тома, в русском переводе звучащее как «Русская религиозность», не точно передаёт замысел автора. Дело в том, что Федотов остановился на англоязычном термине «Russian religious mind» (по-русски звучащем буквально как «русская религиозная мысль») как раз из-за стремления избежать того, что в других европейских языках звучит как «религиозность» (нем. Religiosität, фр. sentiment religieux). Поэтому во введении к своей монографии он акцентирует то, что по-русски определяется как «религиозное сознание», а по-английски ассоциируется именно с интеллектуальной, рациональной деятельностью, а не с религиозностью как таковой. Он пишет: «Мой интерес сосредоточен на сознании человека: религиозного человека и его отношении к Богу, миру, собратьям; это отношение не только чисто эмоциональное, но также рациональное и волевое, то есть проявление всего человеческого существа» [10, с. 29].

тов христианского социализма и «идеалистического либерализма» как «русские альтернативы марксизму». Такова, вкратце, была концепция американского автора Дж.Ф. Патнэма, изложенная в его монографии [25]. Рассматривая социально-философские построения С.Н. Булгакова и П.И. Новгородцева, Патнэм вполне убедительно критиковал позиции догматического марксизма, обосновывая прямую связь между философскими воззрениями и классовыми буржуазными установками. Ведь существует множество различного рода интеллектуальных течений, в которых бесполезно искать какое-либо воплощение классовых интересов. Так и «философский персонализм» Новгородцева, и «христианский социализм» Булгакова вовсе не были выражением какого-то классового редукционизма, но, напротив, выступали в защиту «политической свободы, социальной справедливости, экономического изобилия, совершенствования личности» [25, p. 158].

В 1983 году Конгресс США принимает закон о «Советско-восточно-европейских исследованиях и обучении» (Soviet-Eastern European Research and Training Act of 1983). Это был последний публичный федеральный закон, нацеленный на регулирование *Russian studies*. Интенсивность русских исследований в США после распада СССР заметно снизилась, и подобные законы уже не принимались. Русские исследования были переданы в ведение Государственного департамента в качестве грантовой программы под названием «Программа исследований и обучения Восточной Европы и СНГ (бывшего Советского Союза)» (Program for Research and Training on Eastern Europe and the Independent States of the Former Soviet Union (Title VIII)). Title VIII – это локальная грантовая программа Государственного департамента, по своему масштабу она не выдерживает никакого сравнения с первым американским законодательным актом в этой области – NDEA от 1958 года, породившим советологию и *Russian studies*.

* * *

После распада СССР западные приоритеты в оценке русской философии изменились. К преемникам бывших советологов пришло осознание того, что русская религиозная философия гораздо более враждебна по отношению к Западу и западным ценностям, чем коммунистическая марксистско-ленинская идеология. Об этом пишет, например, в своей докторской диссертации голландский ученый Эверт ван дер Зверде, ныне являющийся профессором католического университета Наймеген в Нидерландах [26]. Это действительно так, ибо марксизм и коммунизм, несмотря на свою антикапиталистическую направленность, являются плотью от плоти детищем Запада. В конце концов, марксизм родился не в Китае и не в Индии, а представлял собой новейшее слово европейской философии. Сходная мысль, как мы видели, выражена и в «Черных тетрадах» М. Хайдеггера.

Сегодня на Западе можно наблюдать – в противоположность тому, что было во времена существования СССР – резкий критицизм в адрес антизападного содержания оригинальной русской философско-политической традиции. В связи с этим характерен тезис французской исследовательницы евразийства Марлен Ларюэль о «евразийском империализме», который якобы стремился лишь узаконить масштабы Российской империи в пределах Евразии [4]¹. Ларюэль является ныне профессором столичного университета

¹ См. также серию работ Марлен Ларюэль на английском языке [19; 20; 21]. Ларюэль представляет евразийцев русскими имперскими националистами, взявшими на вооружение средневековую идею «Москва – Третий Рим». Однако она ничего не говорит о том, что данная идея вовсе не являлась русским изобретением, а распространялась по всей средневековой, в том числе католической, Европе как идея *Roma aeterna* (Рим вечный). В Европе на роль третьего Рима претендовал также Краков, а в России – не только Москва, но и Псков. Эта христианская концепция специально изучается в рамках постоянно действующего международного научного семинара «Da Roma alla Terza Roma». Об этом см.: [9].

Джорджа Вашингтона (США) и в последние годы выступает наиболее активным и последовательным критиком современной «имперской версии русского национализма». Эту версию она усматривает в «кремлевском повороте от либерализма к консерватизму», выраженном во внимании к наследию русских религиозных философов [22; 23].

Наиболее позитивной особенностью современного этапа зарубежного философского россиеведения является участие иностранных ученых в российских научных проектах, их публикации в российских научных журналах и перевод зарубежных монографий на русский язык. Нельзя не сказать и о том, что за рубежом растет число переводов русских философских текстов. В качестве примера приведу перевод энциклопедии «Русская философия» [8] на сербский (2009, 2014) и французский (2010) языки. Нельзя не отметить также тенденцию, проявляющуюся в Европе в связи с современным ростом дехристианизации европейского сознания. Озабоченные этим процессом представители католических кругов обращают свои взоры на Россию и русскую религиозную мысль. Особо надо выделить работы недавно ушедшего из жизни кардинала Томаша Шпидлика, ведущего специалиста Ватикана по истории русской религиозной мысли. Он является автором более двадцати книг на эту тему, написанных главным образом на французском языке. Среди его работ выделяется фундаментальная монография «Русская идея: Иное видение человека», переведенная на несколько языков [14]. В этой книге особо подчеркивается значение русской религиозной мысли для современного человека как философии сердца в отличие от западной философии, где остро ощущается дефицит сердца и любви.

В настоящее время центр зарубежных исследований русской философии перемещается в Европу, главным образом во Францию и Германию – туда, где они и зарождались. В данном случае позиция кардинала Томаша Шпидлика, выраженная в книге «Русская идея: Иное видение человека» близка мысли Мартина Хайдеггера, высказанной в «Черных тетрадах»: брутальность и жесткость русского коммунизма имеет главным образом европейские источники и подлежит отрицанию, тогда как духовный, консервативный потенциал русскости достоин сохранения. Для его развития необходим диалог с европейской метафизической традицией.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
2. Биллингтон Дж. Х. От автора // Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.
3. Ванчугов В.В. Берлин Исая // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 2014. С. 51–52.
4. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи / Пер. с фр. М., 2004.
5. Масарик Т.Г. Россия и Европа. Кн. I–III. М., 2000–2003.
6. Маслин М.А. Анджей Валицкий как историк русской философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. № 6. С. 107–117.
7. Мотрошилова Н.В. «Черные тетради» М. Хайдеггера: по следам публикации // Вопросы философии. 2015. № 4. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1146&Itemid=52
8. Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. Изд. 2-е, дораб. и доп. М., 2014.
9. Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
10. Федотов Г.П. Русская религиозность. Ч. I: Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М.: Мартис, 2001.

11. *Фирсов Е.Ф.* Т.Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2012.
12. *Фирсов Е.Ф.* Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. По архивам Чехии и России. Ч. 1. М., 2005.
13. *Фрейнкман-Хрусталёва Н., Новиков А.* Эмиграция и эмигранты. СПб., 1995.
14. *Шпидлик, Томаш.* Русская идея: Иное видение человека / Пер. с фр. В. Зелинского, Н. Костомаровой. СПб., 2006.
15. *Berlin I.* Russian Thinkers. N.Y., 1979.
16. *Fedotov G.* The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. The Tenth to the Thirteenth Centuries. Cambridge, Mass., 1946.
17. *Fedotov G.* A Treasury of Russian Spirituality. N.Y., 1948.
18. *Fedotov G.* The Russian Religious Mind. Vol. 2: The Middle Ages: The Thirteenth to the Fifteenth Centuries. Cambridge, Mass., 1966.
19. *Laruelle M.* Russian Eurasianism: an Ideology of Empire. Washington, DC; Baltimore, Md., 2008.
20. *Laruelle M.* Russian Nationalism and the National Reassertion of Russia. London: Routledge, 2010.
21. *Laruelle M.* In the Name of the Nation. Nationalism and Politics in Contemporary Russia. N.Y.: Palgrave; MacMillan, 2009.
22. *Laruelle M.* The Two Faces of Contemporary Eurasianism. An Imperial Version of the Russian Nationalism // Nationalities Papers 32, 2004, no. 1.
23. *Laruelle M.* Conservatism as the Kremlin's New Toolkit: an Ideology at the Lowest Cost // Russian Analytical Digest, 2013. No. 138.
24. *Masaryk Th.* The Spirit of Russia: Studies in History, Literature and Philosophy. 2 vols. N.Y., 1955.
25. *Putnam G.F.* Russian Alternatives to Marxism. Christian Socialism and Idealistic Liberalism in Twentieth Century Russia. Knoxville: University of Tennessee Press, 1978.
26. *Zweerde, van der E.* Soviet Historiography of Philosophy: Istoriko-filosofskaja Nauka. Hague: Mouton, 1997.

Аннотация. Статья акцентирует внимание на недавней сенсационной публикации посмертных «Черных тетрадей» Мартина Хайдеггера, где автор подчеркивает необходимость расширения философского диалога Европы и России. Статья посвящена анализу оценки истории русской философии на Западе: от первого исследования Т. Масарика «Россия и Европа» (1913) до работ советологов и современных специалистов по русским философским исследованиям.

Ключевые слова: «Черные тетради» М. Хайдеггера, «Россия и Европа» Т. Масарика, русская эмиграция, русская философия за рубежом, советология и россиеведение, диалог России и Европы.

Mikhail Maslin, Ph.D. in Philosophy; Head of Department, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Professor emeritus. E-mail: mmaslin@yandex.ru

Russia and Europe: Dialogue on Russian Philosophy

Abstract. The author focuses attention on the recent publishing sensation – «The Black Notebooks» by Martin Heidegger, which emphasized the need for broadening the philosophical dialogue between Europe and Russia. The article analyzes the evaluation of Russian philosophy in the West: from the first study of T. Masaryk (1913) to the works of sovietologists and modern experts in Russian philosophical studies.

Keywords: «The Black Notebooks» by M. Heidegger, «Russia and Europe» by T. Masaryk, Russian Emigration, Russian Philosophy Abroad, Sovietology and Russian Studies, Europe-Russia Dialogue.

Образ Европы в «этнософических портретах» русских философов

Сразу оговорюсь, что, в соответствии с целями одной из секций Бердяевских чтений, направленность моей статьи исключительно ретроспективная. Впрочем, обозревая прошлое, я вижу его в контексте политической повестки дня, помня все время тот список актуальных задач, которые должны решаться нами в приоритетном порядке. А потому рассмотрение прошедших событий предполагает обращение к таким темам, как образ России в представлениях европейских мыслителей; генеалогия русофобской мысли; образ Европы в русской философии во всем ее спектре мнений. Также сразу хочу отметить, что ретроспекция, историко-философские экскурсы – это не форма академического ухода от действительности, от реальных проблем, а возможность поставить вопросы, не всегда, может быть, политкорректные, и посредством прошлого поговорить о настоящем.

Развал СССР дал начало, среди прочего, очередному процессу самоидентификации, первая фаза которого может быть определена как «еврооптимизм». Тогда при попытке культурной самоидентификации россияне предпочитали соотносить себя с европейским сообществом, считая себя его естественной частью, и свое будущее связывали по преимуществу с Европой, положительно воспринимая намерения правительства интегрироваться с ней, не считая геополитической утопией строительство «Большой Европы» в форме ассоциации двух равноправных партнеров – Евросоюза и сообщества исторически связанных с Россией государств на востоке континента. Образ Европы является для россиян чрезвычайно привлекательным, а уровень симпатий к ведущим европейским странам намного превышает соответствующий показатель стран Азии. Европа видится оплотом стабильности, материального благополучия, комфортного существования, уважения прав человека. Вскоре в полной мере проявил себя и «евроскептицизм», обусловленный вооруженной акцией НАТО в бывшей Югославии, планами размещения американской ПРО в Польше и Чехии, позицией ведущих европейских государств по поводу действий России, последовавших за нападением Грузии на Цхинвал. Действия НАТО показали, что правительства ведущих европейских стран придерживаются политики двойных стандартов и готовы навязывать свою точку зрения силой, не считаясь с жертвами среди гражданских лиц. Зрелище пылающего Белграда излечило россиян от многих иллюзий, как когда-то пожар Москвы, куда Наполеон привел войска просвещенной Европы, и в свете тех событий пришло осознание, что Европа является окраинной частью той евроатлантической цивилизации, центр которой находится в США.

Ванчугов Василий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора портала «Русская idea».
E-mail: vanchugov@gmail.com

В итоге поиски идентичности в сложной геополитической обстановке привели к усилению евразийской составляющей, а в массовом сознании закрепились две взаимоисключающие модели идентичности. Согласно первой Россия представляет собой естественную часть Европы, и в будущем, так же как в прошлом, где имеется множество соответствующих свидетельств, она будет интегрирована именно в этот регион. Согласно другой модели Россия не является вполне европейской страной, а представляет собой своеобразную цивилизацию, евразийскую, и в дальнейшем центр геополитической активности будет смещаться на Восток, олицетворяемый Китаем. При этом никакой враждебности к Европе россияне не проявляют, сохраняя прежний объем взаимодействия, однако свой «национальный характер» отделяя от европейского типа, уже не проявляя прежнего безудержного стремления быть «такими же как...». И теперь уже культурно-историческая самобытность России, обосновываемая посредством обращения к различным текстам¹, воспринимается не как «проклятие», а как непреходящая ценность. А потому, отдавая должное европейской цивилизованности, россияне усомнились в духовном превосходстве Европы. Впрочем, подобные перемены умонастроения у нас переживало каждое поколение.

В 1839–1840 годах в Казани архимандрит Гавриил (Воскресенский) опубликовал шеститомную «Историю философии», шестая часть которой была посвящена «Русской философии». Особый интерес представляет здесь место, где автор, рассуждая о народах, проявивших себя на ниве философии, дает им «ментальные» характеристики: «Грек есть как бы самая воплощенная изящная людскость. Рим <...> есть эгоизм, изображенный в лицах. Скандинав задумчив, угрюм. Германец – идеалист, чувствителен, неутомим в изысканиях и часто односторонен в построении умственных теорий... Француз любезен, весел, нравен, переимчив, склонен к удовольствиям и поверхностной изящности <...>. Россиянин богобоязлив, до бесконечности привержен к вере, престолу и отечеству, послушен, нерешителен и даже недеятелен там, где подозревает какое-либо зло от поспешности, трудолюбив, хитер, непобедим в терпении, рассудителен. По отношению же к любознанию отличительный характер его мышления есть рационализм, соображаемый с опытом» [7, с. 4–5].

Современному читателю подобные «характеры народов» могут показаться наивными, а то и просто комичными, однако в описываемые времена это было совсем не так, более того, подобные суждения воспринимались как «точные», достаточно обоснованные. Современник архимандрита Гавриила – Магницкий – опубликовал в «Радуге» ряд статей, в которых он выступил против философии и науки без христианских начал (ибо «только одна религия есть аромат, предохраняющий науки от гниения»), и заявил, среди прочего, что есть у философий отличия, обусловленные национальными характерами: «холодно-богохульная в Англии, затейливо-ругательная во Франции, грубо-чувственная в Испании, теософо-иллюминатская в Германии», всегда только тем и занимавшаяся, что «облекала ереси в новые формы». В другом месте, в одном из выпусков журнала «Телескоп», редактор Н.И. Надеждин, ординарный профессор по кафедре словесности Московского университета, поместил статью «Европеизм и народность в отношении к русской словесности». «Посмотрите, – пишет Надеждин, – на жителя седой туманной Британии: он везде один и тот же, везде верен и ровен себе, везде ходит облещенным волканом (вулканом – В.В.), везде расчетлив до скарденности и своенравен до самозабвения, величайший

¹ Чаще всего, конечно же, к сочинению Н.Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому», статье К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство», книге Н.А. Бердяева «Русская идея».

эгоист и величайший энтузиаст, в то же время, роскошничает и тяготеет к жизни. Во Франции легкомыслие и суетность, родимые пятна народной физиономии, равно выглядывают из-под мантии, пера и блузы погонщика мулов, равно светятся в лекции Сорбонны и в статье «Фигаро», равно оттеняются в красном колпаке республиканца и на красных каблуках вандетского маркиза. В Германии романтическая мечтательность, невнимание к положительным условиям жизни и страсть к идеализму звучат в стихах Шиллера и в системе Шеллинга, отражаются в пылком бреде молодого студента и в бессмысленной задумчивости честного бюргера, поникшего за кружкой пива, в табачном дыму, над заветным листком «Гамбургского корреспондента». И никто из них не стыдится себя, не гнушается собой... И литературы их в высшей степени самобытны, своеобразны, народны! – Отчего же мы, русские, боимся быть русскими? Отчего нам стыдиться даже наших штей, нашего квасу, когда англичанин с гордостью воспекает свой ростбиф и пудинг, когда немец считает нектаром свое пиво, которое, сказать по совести, нельзя взять в рот православному русскому? Отчего нам не хвалиться своим богатством, драгоценным наследием удалых предков, когда француз не ступит шагу, чтобы не вскричать, оглянувшись во все стороны: «я француз, я родился бравым»» [9, с. 259–260]...

Приведенные выше и многие другие подобные суждения, оставленные мною, за недостатком места, за скобками, показывают нам, что рассуждения о «душе народов», «психологии наций», «характере стран» были распространены и типичными среди пишущих в то время, причем, на самые разные темы. Для них вполне естественным казалось убеждение, что помимо индивидуальной души есть еще коллективная, имеющая множество вариаций: душа народа, нации, цивилизации. И при таких допущениях лучшие умы того или иного общества, занятые постижением коллективной сущности, рано или поздно начинали заниматься конструированием этнократических мифов. И в их создании принимали участие, среди прочих гуманитариев, философы.

Философия для цивилизации все еще не только необходимый элемент, но и форма, в которой она находит свое существенное выражение. Понимание сути философских проблем варьируется не только у различных народов, но и внутри каждого из сообществ. В зависимости от «духа времени», эпохи, происходят перемены в определении целей философии, и все эти изменения фиксируются ее историей. Главное, что требуется от философии независимо от времени и места, – разрешение мировоззренческих проблем в принятых той или иной культурой приемах объяснения, гарантирующего хотя бы приблизительное, но понимание сути происходящего, смысла прошлого и видения будущего. А потому, хотя проблемы остаются неизменными, приемы и терминология находятся в процессе постоянного обновления. Такие проблемы, как «в чем смысл жизни?», «откуда все произошло?», «что значит знать?» и тому подобные, передаются от поколения к поколению, словно проверяя интеллект наследников на умение приспособливаться к вечному, неизбежному, на способность жить в ситуации условно решенных проблем. И всякий раз жить приходится так, как если бы важнейшие проблемы были действительно решаемы. Применительно к своему времени потомки своеобразно решают ту проблему, с которой не менее оригинальным образом справлялись предки. Но накопление опыта, осуществляемое историей философии, несколько не облегчает решения проблем – задачи всё те же, возрастает точность их описания, но мы столь же далеки от всеведения, как и наши предки.

Как системообразующий элемент философия распространяется не только вширь (географически), но и вглубь цивилизации. Последнее проявляется в том, что время от времени среди интеллектуалов того или иного народа с особой остротой ставится такая задача, как постижение «коллективного

духа», «души народа», «разума рода». И в этом случае народ рассматривается не в своей конкретности (что является задачей этнографии и этнологии), а в своей умопостигаемой сущности, то есть спекулятивно. Философами постигается высшая идея нации, то есть в метафизических терминах воспроизводится то, что она «сама думает о себе»... Или то, что высший разум (Бог) думает о ней в вечности. И все это становится известно общественному сознанию посредством спекулятивных способностей тех мыслителей, которым кажется, что они конгениальны абсолютному разуму, Всевышнему и т.д. и т.п. Тогда-то и появляются нетрадиционные для чисто академической философии рассуждения о «национальной идее», «эйдосах нации».

В России из всего многообразия случаев последнего рода достаточно указать на некоторые произведения В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, посвященные «идее России», или «русской идее». Последний, например, нисколько не сомневался в том, что его текст есть не что иное, как аутентичный рассказ о замыслах, имеющих в Божественном разуме относительно русского народа. Оставаясь достаточно аморфными, маргинальными, рассуждения в этом роде становятся традицией, хотя далеко не всегда получают академический статус. Чтобы более четко определить подобного рода рассуждения, терминологически выделить этот вид «философствования», назовем его этнософией.

В то время как этнография описывает этносы, их генезис и культуру, а этнология исследует структуру их обычаев и традиций, этнософия претендует на выявление эйдосов национальной жизни. Термин «этнософия» придуман не мною, он использовался уже хотя бы евразийцами, как только речь зашла у них о необходимости наряду с чисто описательными научными действиями сформировать исследования, осмысляющие имеющийся у ряда наук их фактический материал¹. Но используя этот термин, я решаю другие задачи.

Под этнософией следует понимать «философию народа», основу которой составляют рассуждения о «сущности народа». Цель подобных рассуждений, как правило, составляет определение как преимуществ, так и недостатков народа (нации) в интеллектуальной сфере, составление коллективного психологического портрета, выявление роли во всемирной истории, значения, призвания, миссии. При этом мы не будем сейчас вдаваться в дискуссию относительно того, насколько научны эти суждения. Нам достаточно того, что такого рода суждения многочисленны, часты, систематичны, и этого достаточно для выделения их в особую группу. Изобилуя метафорами, рассуждения этого круга мыслителей направлены, тем не менее, на открытие «формулы» народа. А всякая формула в этой сфере есть способ конструирования индивидом коллективных представлений о самих себе и о других.

Этнософические мотивы можно найти в творчестве различных мыслителей с самых давних времен. Так, например, Аристотель в «Политике» (IV в. до н. э.) распределил племена на три категории. При делении он принимал во внимание интеллектуальные особенности, в формировании которых сыграли свою роль и климатические условия. 1) Племена, обитающие в странах с холодным климатом (в Европе), «преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам». Поэтому хотя они могут долго сохранять свою свободу, все же «неспособны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями». 2) Населяющие Азию «обладают умом и отличаются способностями к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии». 3) Эллинский же род, занимая

¹ «...Наряду с исследования историческими – исследования *историософские*, наряду с этнографическими – исследования *этнософские*, наряду с географическими – *геософские* и т.д.» (Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания, 1927) [12, с. 109].

как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем» [1, с. 601].

Как понимают друг друга представители европейских народов? Исследования психологов показали, что представители всех народов в детстве способны одинаково хорошо понимать друг друга, однако по мере взросления человека ситуация меняется. Понимание между «выросшими» происходит с затруднениями, которые нынче принято разрешать посредством «диалога», формирования особой коммуникативной среды.

Народы взаимодействуют друг с другом в различных сферах, занимаясь торговлей, путешествуя, отдыхая, обучаясь, и даже воюя. Одним словом, между ними происходит постоянный культурный обмен. При этом обмен культурами не всегда симметричен: доминирующая, лидирующая, образцовая культура дает другой больше, чем получает. Для России в разное время образцами для подражания выступали различные представители европейской культуры: Франция, Англия, Германия... Изучая философию, французскую, немецкую или английскую, нередко одновременно хотели постигнуть не только «софию» или «логию» в виде различных направлений, но и дух народа, их сформировавший.

Философия, «импортированная» из той или иной культурной среды, часто интересовала воспринимающую сторону как путь не только к истине, но и к сердцу и уму народа. Существенное место в такого рода трансляциях отводится рассуждениям о национальных особенностях философии, поскольку на философию смотрят не только как на поиск истины, но и как на своеобразное проявление «духа народа». Всякого рода характеристики национального своеобразия философствующих народов можно отыскать у многих мыслителей, высказанных ими в различных текстах – от специальных разделов в трактатах до писем к частным лицам, включая дневниковые записи. Все это при желании легко фиксируется уже при изучении того материала, который дает традиционная история философии, с присущей ей источниковедческой базой, эмпирическим материалом.

Существует множество источников, составляющих эмпирическую базу, феноменологическую основу этнософии. Не имея перед собой цели именно здесь дать их полный перечень, ограничусь лишь иллюстрацией примеров некоторых из них. Простейший пример этнософии можно найти, например, у нашего поэта А.И. Полежаева, в его стихотворении, точнее, памфлете «Четыре нации»¹. Используя расхожие образы, он дает краткую характеристику англичанам, немцам, французам и русским, позволяющую не только точно обрисовать «лицо нации», но и выразить ее «душу», «идею». Начинается этот обзор с Англии, которую олицетворяет «лорд», который отважен и горд, властелин и верный сын страны, и носит меч, чтоб когти сечь... Затем на сцену выступают Германия и Франция, репрезентирующие их «немец» и «француз». Германец смел, но переспел в котле ума, он в колпаке, нос в табаке, сидеть готов хоть пять веков за кучей книг, и проклинать отца и мать за пару строк халдейских слов, которых толк понять не мог; а француз – дитя, и он шутя разрушит трон, издаст закон, самолюбив, нетерпелив, и быстр, как взор, и пуст, как вздор, он смел и слаб, и царь и раб, и насмешит, и удивит... [5, с. 9–13; 6, с. 439–447]. Пройдет десять лет, и появится еще один этнософический портрет, столь же лестный для Европы, но нелюбезный для России, – в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева.

Затем можно отметить «Пушкинскую речь» Достоевского, «Русскую идею» В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, где мы найдем суждения и ком-

¹ 1827 год. По другой версии этот памфлет имел название «Четыре народа».

плиментарного характера. Попытки составления коллективных портретов мы обнаруживаем в самых разных местах, по разным поводам. Так, например, в 1920 году стараниями членов Калужского общества изучения природы и местного края тиражом 300 экземпляров издается научно-фантастическая повесть Циолковского «Вне Земли». В этом произведении, над которым Циолковский начал работать в 1916 году, описан полет с Земли на Луну. Но нас интересует не маршрут и детали полета, а экипаж корабля – очередной коллективный портрет народов мира, запечатление «духов» народов. Этот экипаж, снаряженный в космический полет, состоял из очень характерных типажей, с говорящими фамилиями и национальными чертами поведения: Ньютон (Англия), Франклин (Америка), Гельмгольц (Германия), Галилей (Италия), Лаплас (Франция), Иванов (Россия). При этом Ньютон – наиболее философ и глубокий мыслитель-флегматик; Франклин – с оттенком практичности и религиозности; Гельмгольц сделал множество открытий в области физики, но был иногда до того рассеян, что забывал, где у него правая рука, и был скорее холериком; Галилей – восторженный астроном и страстный любитель искусств, хотя в душе и презирал почему-то эту свою страсть к изящному; Лаплас – по преимуществу математик, и Иванов – «большой фантазер, хотя и с огромными познаниями; он больше всех был мыслителем и чаще других возбуждал те странные вопросы, один из которых уже обсуждался в истекший день нашим обществом» [13, с. 66].

Наблюдения, например, над «мыслящим немцем» позволяют представителям других этносов говорить о «туманности немецких трактатов», «воспарениях немецкого разума в заоблачные высоты», «плаваньях по океану абстракции»... Собрав всевозможные сравнения, получаем в итоге, что чаще всего для этого используется «влага», «вода». Но это уже не просто вода, а «метафизическая» вода, – то есть «вода» как элемент философского «космоса», одно из первоначал. Зато француз тем же наблюдателям видится уже как «огонь» – представитель страны не только пылких любовников, но и «пламенных речей», «искрометных афоризмов», сверкающего, «подобно молнии», остроумия и т.п.). Образ огня чаще всего провоцируется просветительской философией и пожаром революции. Англичанин, окруженный со всех сторон водой, тем не менее оказывается ближе в системе первоначал к «земле», чему обязан в немалой степени своим предпочтением эксперимента... Таким образом, выявляются как минимум три «элемента», если использовать древнюю натурфилософскую терминологию: «вода», «огонь», «земля». Ментальные особенности наций (умозрение, остроумное суждение, эксперимент) представляются элементами философского «космоса». Наряду с «натурфилософской» квази-квалификацией находим и систематизацию в формате «бестиария», как положительного (Россия – «медведь»; Британия – «лев»), так и уничижительного (француз – «лягушатник»; японец – «макака»).

Таким образом, уже в этой сфере оценочных суждений – составленной из разных источников, включая даже очень «серьезных» авторов – создается своего рода «натурфилософский» раздел этнософии. И хотя к этому нельзя относиться серьезно, то есть не стоит искать там тех же закономерностей, что и в периодической таблице Менделеева, тем не менее нельзя отрицать и определенную ценность такого рода характеристик, в составлении которых – сознательно или непроизвольно – участвовали, как правило, лучшие умы народа. Конечно, многое сегодня выглядит наивно. Однако мы должны выделить главное – потребность в составлении своеобразных «ментальных карт». Для нормального функционирования сообществ между собою им нужны карты не только политические, географические, но и ментальные.

Хотя этнософия в своем возможном облачении выступает как парафилософия, но иногда ее выводы в определенных ситуациях могут получать более

высокий статус, чем иные из распространенных рациональных схем. Говоря другими словами, пытаюсь объяснить ее роль без преувеличений и упрощений, можно подобрать следующее сравнение: этнософия – некая тень философии, но не потемнение рассудка, не мракобесие. Здесь мы наблюдаем как чистые формы работы сознания, так и образное проявление бессознательного в ситуации столкновения с иным мыслящим существом (народом, этносом). Несмотря на странность некоторых суждений философов одного народа о другом, в совокупности они все же являются ценным источником, эмпирической базой для такой формы знания, которую можно определить как – если не нравится термин «этнософия» – *философское страноведение*.

Критерием успеха в этнософическом жанре можно считать то состояние, когда автор говорит о нации в целом, и в этом коллективном портрете каждый узнает свое лицо. Но нередко в такого рода «портретах» хорошо узнаваемо лишь лицо автора, использующего всю совокупность фактов из истории страны как неиссякаемый источник для подтверждения реальности своих ретроспективных утопий и благочестивых проектов.

Я употребляю выражение «этнософические портреты»... В этнографии используется такое понятие, как «этнонимы» – названия, которые люди дают этническим общностям. Этноним (русский, немец, француз, англичанин) в свою очередь является простейшим проявлением этнического самосознания, подтверждением сложения этнической общности. Имея дело с этнонимом, мы не довольствуемся простым именем, но стремимся постичь суть всего им обозначаемого. При этом формированием этнонимов занимается не только сам этнос, но и те, кто соприкасается с ним. Помимо самообозначений, существуют и имена (а также и прозвища, клички – то, что принято называть нисходящими этнонимами), данные соседями. Национальное самосознание русского, немца, англичанина и француза формировалось не изолированно, а в соотношении себя с другими («мы» – «они»). Поскольку из всего многообразия соотношений мы выбираем преимущественно философскую сферу, то вместо привычных этнонимов получаем этнософические портреты. Перечень этнических наименований в этнософии несопоставим с аналогичным списком этнографа¹.

В российской этнософии используется лишь несколько этнонимов. Их чуть более десятка, поскольку они представляют лишь те народы, которые стали объектом философской (философической) рефлексии. А причиной этой рефлексии чаще всего было лишь тесное культурное сотрудничество вообще и философское в частности. Поэтому в этнософии задействованы прежде всего такие этнонимы, как «француз», «англичанин», «немец», «грек», «итальянец», «американец», «китаец», «индеец»... Опираясь готовыми этнонимами – уже данными именами народов, – этнософия со стороны интеллектуального сообщества видится попыткой передать сущность народа, выделить философскую составляющую его характера... Задача эта, безусловно, трудная. Настолько, что нисколько не гарантирует успеха, не приводит к той степени признания результатов, как это бывает у представителей опытных, прикладных наук. Так что не удивительно, если совокупность суждений философов прошлого относительно того или иного народа покажется кому-то скорее подобием мифа, чем формулой, которой стоит доверять при непосредственном взаимодействии с одной из частей человечества.

Существенное отличие мы найдем не только на уровне этнонимов, но и антропонимов². Философ, имея дело с другим народом, предпочитает строить

¹ Алфавитный перечень национальностей и языков для кодирования ответов на вопросы 7 и 9 форм К и Д и вопроса 6 формы В в переписных листах Всероссийской переписи населения 2002 года насчитывает полторы тысячи названий.

² Как имена, которые присваиваются людям официально, так и именованья прозвищного типа.

свои суждения, имея в качестве эмпирического материала своих же коллег по цеху. Постигая сущность «немца», русский философ чаще всего строит свои суждения, имея перед глазами образ Канта, Гегеля или иного философа. Но это уже не те Кант и Гегель, что представлены в чистой философии лишь как авторы идей. Это уже «Кант», «Гегель», выступающие индивидуализациями коллективного духа, персонифицирующие «немца». И потому в области этнософии свои специфические антропонимы. И не все из них положительные. Так, например, Гегель здесь предстает не просто «Гегелем», а как нечто выражающее «типично немецкое» в философии, а потому он получает дополнительные имена и ряд именовании прозвищного типа: «Егор Федорович», «немецкий клоп», «философ-контрабандист», «философ-чиновник» и т.д., а его философия – «идеалистическая хлыстовщина», «чичиковщина» и т.п.; Кант – «головной философ», «мещанская философия», «немецкая пародия на платонизм», «психология начинающейся старости», «философия галлюцинирующего невротика»...

Потребность в обобщении при взаимодействии с конкретным проявлением «иногo» не довольствуется только одним этносом. Например, нам приходится иметь дело и с таким типом, как «европеец». В России с давних времен появлялись поводы поговорить и о «европейце», и о «европеизме», «Европе», используя эти категории как средства культурной ориентации и самоидентификации. При этом рассуждающие о «Европе» как типе культуры, геополитическом субъекте, исходят из убеждения, что существуют как врожденные, так и благоприобретенные относительно устойчивые свойства, которые выступают причиной поведения человека, обозначаемого как «европеец», обладающий своеобразной «физиономией» и «душой».

Иные заключения делались как бы мимоходом, какие-то – на волне вдохновения, вызванного удачно складывающимся заграничным отдыхом, другие же появлялись в результате систематического изучения положения вещей и образа мыслей, существующего в том месте, которое принято называть Европой. Так, Достоевский словами Версилова из романа «Подросток» (1875) подмечает одну культурную «странность», согласно которой «всякий француз может служить не только своей Франции, но даже и человечеству, единственно под тем лишь условием, что останется наиболее французом; равно – англичанин и немец. Один лишь русский, даже в наше время, то есть гораздо еще раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец». А один из персонажей «Трех разговоров» В.С. Соловьева – Политик – замечает в одном из диалогов, что «на самом же деле мы бесповоротные европейцы, только с азиатским осадком на дне души» [11, с. 696–697]. Для него это даже «грамматически ясно». Что такое «русские» в грамматическом смысле? Имя прилагательное, а существительное к такому прилагательному есть «европеец», и потому мы есть «русские европейцы», в то время как есть европейцы английские, французские, немецкие. Он также убежден, что наступает эпоха распространения европейской культуры и все должны стать европейцами, понятие европейца должно совпасть с понятием человека, и понятие европейского культурного мира – с понятием человечества, и в этом и заключается смысл истории. Ну а Чаадаев, к примеру, полагает необходимым говорить о «европейском лице», отмечая в первом «Философическом письме» (1836), что «народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство. Несмотря на их разделение на ветви латинскую и тевтонскую, на южан и северян, существует общая связь, соединяющая их всех в одно целое, явная для всякого, кто углубится в их общую историю».

Примечательно, что когда Соловьев защищал свою магистерскую диссертацию «Кризис западной философии (против позитивистов)» (1874), это событие дало возможность А.С. Суворину отметить и негативное отношение

к Европе. Под псевдонимом «Неизвестный» он сообщал читателям «Санкт-Петербургских ведомостей» о своем желании, чтобы сын известного историка положил основание новой философской школе, русской, поскольку на Европу надежды нет – она «давно гниет», находится в кризисе, а потому в самом заглавии магистерской диссертации Соловьева он усматривает как бы указательный перст «На Восток», туда, где наше спасение. Поскольку все приходит к своему началу, то и мы, «выйдя с Востока, нагулявшись на Западе, вновь возвращаемся к своему источнику» [10].

Выражение «гнилой Запад» стало популярным в русской среде благодаря Белинскому, который употребил это словосочетание в порядке иронии над взглядами своего идейного противника – историка русской литературы и публициста славянофильского толка, профессора Московского университета Степана Петровича Шевырева. Хотя напрямую это выражение сам Шевырев никогда и нигде не употреблял, он очень много говорил о «нездоровье» Запада, так что один из знакомых М.П. Погодина, редактора и издателя журнала «Москвитянин», где часто публиковался Шевырев, даже написал ему (1844): «Сделай милость, уйми ты Шевырева, он помешан на гниющем Западе» [2, с. 259]. Впервые этот тезис появляется у Шевырева в статье «Взгляд русского на образование Европы», опубликованной в первом номере журнала «Москвитянин» за 1841 год, где он пишет: «В наших искренних дружеских тесных сношениях с Западом мы не примечаем, что имеем дело как будто с человеком, носящим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферою опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет».

Белинский вступил в полемику с Шевыревым в статье «Сочинения В.Ф. Одоевского», отвергая «мысль о нравственном гниении Запада», а в разборе повести В.А. Соллогуба «Тарантас» (1845) Белинский, заочно полемизируя с Шевыревым, впервые формулирует это выражение – «гнилой Запад», которое впоследствии будет восприниматься как выражение, рожденное в среде славянофилов. Впоследствии это выражение будут использовать и М.Е. Салтыков-Щедрин, и И.С. Тургенев, который вложит в уста героя романа «Дым» (1868) «западника» Потугина следующие слова (гл. 5): «Сойдется десять русских, мгновенно возникает вопрос... о значении, о будущности России... Ну и конечно, тут же достанется и гнилому Западу...». И не удивительно, что Н.Я. Данилевский в научном сочинении «Россия и Европа» посвятит этому специальную главу (VII), вынеся в ее заголовок вопрос «Гниет ли Запад?». «Сама мысль, высказанная славянофилами о гниении Запада, – признается он, – кажется мне совершенно верною, только выразилась она в жару борьбы и спора слишком резко и потому с некоторым преувеличением». Ему вторит и К.Н. Леонтьев, написавший в статье «Сочувствие и содействие», что «...если славянофилы были правы, воскликнув: “Запад гниет”, то гниет он, без сомнения – главным образом оттого, что в нем везде (даже в Англии и Германии) слишком много стало этого равенства и этой свободы, ведущих в высшей степени вредному, однообразию воспитания и потребностей» [8, с. 440].

Особого внимания заслуживает его статья «Византизм и славянство», написанная в 1873 году, где он высказал догадку о грядущем слиянии Европы в единое сообщество, предположив, что «романо-германские государства могут слиться со временем в одну рабочую федеративную республику»... Теперь это – не проект, как во времена Леонтьева, а реальный европейский союз, Единая Европа. Каким же будет ее обитатель – новый европеец? Образ представителя европейского сообщества у Леонтьева выражается двумя словами – «европейский буржуа». В понимании Леонтьева это «нечто среднее»: «ни мужик, ни ба-

рин, ни воин, ни жрец, ни бретонец или баск, ни тиронец или черкес, ни маркиза в бархате и перьях». Это некий «средний тип»... Он «менее эстетичен, менее выразителен, менее прекрасен, менее героичен, чем типы более сложные или более односторонне крайние». Европейец нового типа – средний человек. А это означает также, что он по сути своей – скучен и посредствен.

И что же (про)являет собою тип европейца в понимании Леонтьева? Ничего хорошего в этом типе – увеличивающемся в количестве – Леонтьев не видел, поскольку увеличение подобного типа людей можно сравнить с появлением трупных пятен на организме. А они, как правило, свидетельствуют о наступившей смерти. Глядя на «европейца», Леонтьев признавал правоту слов ранних славянофилов, говоривших, что «Запад / Европа гниет». Не только в самом выражении лица «европейца», в образе его поведения и мышления, но и в способе существования Европы как культурного организма нет ничего хорошего. Здесь уже очевиден процесс «вторичного смешения», ведущего к однообразию; однообразию принимает массовый характер (однообразие лиц, учреждений, мод, городов и вообще культурных идеалов и форм, сводящее всех и все к одному весьма простому, среднему, так называемому «буржуазному» типу западного европейца); и это смешение однообразных составных частей ведет не к солидарности, а к разрушению и смерти целого, организма, культуры. Так что тип «европейца», в версии Леонтьева, являет собою всего лишь способ разложения, тихое приближение смерти. И кому захочется после этого быть европейцем?

Метафора «гниения Европы» будет рефреном для значительной части российских мыслителей, довольствующихся также и образом «заката», «сумерек». Последнее было использовано Н.А. Бердяевым в работе «Смысл истории» (1922), где, отмечая вступление «в ночь нового средневековья», «в ночную эпоху истории» и пророчествуя о «новом смещении рас и культурных типов», он замечает также, что «наступают сумерки Европы» [3, с. 138–139]. А задолго до этого он сообщал и о конце Европы, в соответствующей статье – «Конец Европы» («Судьба России», 1918): «Могущественнейшее чувство, вызванное мировой войной, можно выразить так: конец Европы, как монополиста культуры, как замкнутой провинции земного шара, претендующей быть вселенной» [4, с. 326]. А после Второй мировой войны Бердяев отметит, что центр тяжести Западной Европы, по всей вероятности, сместится на Запад, в Америку, и что Европа «перестает быть центром мировой истории, единственной носительницей высшей культуры» [4, с. 331].

Идея то «бегства» от Европы, то «возвращения» пронизывала все области национальной жизни, становясь категорией политического, социального, культурного и нравственного порядка. Сегодня несколько иная ситуация, в значительной части отличная от той, в которой находились Данилевский, Леонтьев, Бердяев да и другие российские мыслители, составлявшие в своем сознании образы Европы и европейца. В наше время мы соседствуем уже с объединенной Европой. Мы имеем дело не с прогнозом, а с реальностью. И эта новая реальность требует анализа. Ведь и Советский Союз когда-то был новой реальностью, и многие верили в его незыблемость... И жил там «советский человек», веривший в свою вечность посредством коммунистической идеи.

Какие страны и по каким основаниям считать Европой? Как выстраивать отношения с Западной, Центральной и Восточной Европой, и можно ли нам, не входящим ныне в Европейский Союз, рассуждать о своей европейской идентичности? В политическом контексте «Европа» обозначает государственные и военно-политические образования, находящиеся на определенной территории, и в зависимости от контекста под имя «Европа» попадают то все европейские страны, то государства Западной Европы, или Европейский Союз.

На территории объединенной Европы исчезли из повседневного обращения национальные валюты. Они теперь – достояние нумизматов. Вместо прежних национальных валют – общее средство платежа «евро». Окажется ли Единая Европа «плавильным котлом» для наций, как евро для валют? Курс евро пока стабилен, дизайн проработан. Но образ нового европейца пока не имеет четких контуров и явного смысла. Каковы его перспективы? И среди обывателей, и внутри научного сообщества сегодня можно найти много смутных ощущений, дурных предчувствий, абстрактных схем.

Может ли Россия быть образцом для Европы? Такая постановка вопроса многими воспринимается как дерзость. Нам говорят – не стоит мучиться, сами учитесь! Чему мы можем научить Европу? Ваша участь – поставлять энергоресурсы, а не формировать смыслы! Как только речь заходит о ценностях, которые можно распространить за пределы России, оппоненты в лучшем случае пребывают в состоянии иронии, но чаще всего – агрессии. Стандартная реакция с их стороны: какие у вас ценности, если вы не в состоянии усвоить уроки демократии!

Человек неосознанно предпочитает делить людей на «своих» и «чужих», причем «своих» он узнает гораздо лучше, чем «чужаков». Деление проводится не только на расовой, но и на иной основе – принадлежности к определенной социальной группе, общему месту проживания, наличию общих увлечений и прочее. Но далеко не всегда свои – хорошие, а чужие – плохие. И среди нашего сообщества незначительная его часть испытывает антипатию к своим, и влечение к чужим, ими все европейское маркируется как «отличное», а все отечественное обладает отрицательным качеством.

Также отметим, что либеральная модель ориентирована на универсальные схемы, наднациональные образы, а консервативная тяготеет к локальным, местным, национальным образам. Последняя являет собою здоровый, конструктивный национализм, где органичная связка «мы и они», в то время как в либеральной модели преобладают «мы как они», желание и даже долженствование раствориться в «они». Либеральный россиянин хочет непременно превратиться во француза, немца, европейца и свою жизнь готов положить на то, чтобы достичь успеха в подражательности, желая избавиться от данной идентичности, перейти в иное, которое имеет для него исключительно позитивное значение. Для него вдруг почему-то мучительно стыдно стало быть «русским», «россиянином», и он вожделеет стать европейцем.

Вопрос об отношениях с Европой и в прошлом и в настоящем связан с проблематикой российской идентичности. Выявляя место, которое Россия занимает в современных процессах, важно учитывать как реалии, так и культурно-психологическую мотивацию участников взаимодействия, эмоции, стереотипы, смысловые ассоциации, сопоставлять складывающийся в массовом сознании образ Европы с тем, что формируют в этом отношении интеллектуалы, как сегодня, так и в прошлом. И они, безусловно, не свободны от конъюнктуры, ангажированы, однако сопоставление текстов, произведенных в разные эпохи и годы, позволяет выявлять инварианты, представляемые схожими метафорами, модифицируемые политическими событиями, но обусловленные глубинными процессами. Эти философские тексты, этнически центрированные, не только показывают нам историю поиска ценностей и ориентиров, но и снабжают необходимым материалом наших современников, дают ценный материал для актуальной политики, для конструктивной пропаганды и информационной войны.

Всякий раз, создавая чей-либо «портрет», мы одновременно проявляем отчасти и самих себя. Так что, знакомясь с образами европейских наций в русском сознании, те же европейцы лучше узнают и образ наших мыслей, наши проекции, узнают и ту «физиономию», за которой укрывается – принимая облик

то «маски», то «лика», то «лица», в зависимости от ситуации – дух и душа россиянина. И чаще всего о нем можно сказать, что он желает жить одним большим и дружным «семейством», в миролюбивом соседстве с другими народами.

Контуры Европы меняются, вновь актуализируется план Большой Европы от Лиссабона до Владивостока. Набирает силу и Евразийский проект, где имеет место свое предствление о европейской составляющей. Кто и как сформирует образ «европейца» и в самой Европе, и в мире? Хотелось бы этого или нет членам Европейского Союза, но и Россия примет в этом участие. И не потому, что ей до всего есть дело, а потому, что нам нужна не только определенность в представлении «инога», всего того, что рядом и по соседству, а и уверенность. Но это чувство – уверенности – приходит лишь тогда, когда мы сами создаем портрет, а не довольствуемся предложенным нам со стороны образом. Ведь тот «образ» со стороны может оказаться всего лишь симулякром – изображением без оригинала, репрезентацией чего-то, что на самом деле не существует.

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. М., 1984. Т. 4.
2. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. VIII. СПб., 1894.
3. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990.
4. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М., 1997.
5. *Бобров Е.А.* Мелочи из истории русской литературы. Тетрадь 3. Варшава, 1908. С. 9–13.
6. *Бобров Е.А.* Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий: (Рузаевский список «Четырех наций» А.И. Полежаева. О стихотворениях, приписываемых А.И. Полежаеву) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1906. Т. XII. Вып. 3. Кн. 2. С. 439–458.
7. История философии архимандрита Гавриила. Ч. VI. Прибавление второе. Русская философия. Казань: Университетская типография, 1840.
8. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. М., 1996.
9. *Надеждин Н.И.* Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. № 1. С. 259–260.
10. Недельные очерки и картинки // С.-Петербургские ведомости. 1874. 1 декабря.
11. *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 696–697.
12. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995.
13. *Циолковский К.Э.* Грезы о земле и небе. Тула, 1986.

Аннотация. Автор обращается к той части философского наследия, где российские мыслители рассуждают о национальных свойствах и качествах, о ментальных особенностях европейских народов, рассуждают о собирательном образе Европы, ее позитивных и негативных свойствах. Таким образом удастся обозначить материал, который не только в прошлом, но и в настоящем влияет на формирование образов «иного», и показать роль интеллектуалов в создании стереотипов, принимаемых массовым сознанием, для которого они выступают как «формулы», объясняющие поведение оппонента.

Ключевые слова: этнософия, этнология, этнография, нация, ментальность, национальный образ, стереотип, коллективная душа, психология, мифология, философия, регионоведение, страноведение, геополитика, Европа, идентичность, самопознание

Vasily Vanchugov, Ph.D. in History; Professor, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Editor-in-Chief, The Russian Idea (politconservatism.ru). E-mail: vanchugov@gmail.com

The Image of Europe in Ethnosophical Portraits by Russian Philosophers

Abstract. The author refers to the part of the philosophical legacy in which Russian philosophers dwell on national characteristics and qualities, on perception peculiarities of European peoples, on collective European identity and its positive and negative attributes. Thus, the author manages to highlight information which affects the images of “otherness” nowadays as well as it did in the past, and to bring to the fore the role of intellectuals in creating stereotypes, adopted by the masses, which use them as a “formula” to account for the behavior of the opponent.

Keywords: Ethnosophy, Ethnology, Ethnography, Nation, Mentality, National Image, Stereotype, Collective Soul, Psychology, Mythology, Philosophy, Regional Studies, Country Study, Regional Geography, Geopolitics, Europe, Identity, Self-Knowledge.

Русский консерватизм и его восприятие на Западе через призму либеральной идеологии

Русской философией я начал заниматься довольно давно, в Колумбийском университете, у Марка Раева. И тогда я понял, что люблю не только русскую литературу, но также русскую философию. Хотел бы оговорить, что в своем выступлении буду говорить о России так, как будто говорю о нас, потому что считаю себя не только американцем. Полюбив Россию, я считаю себя в какой-то мере и русским тоже.

Меня пригласили на эту конференцию, если не ошибаюсь, в связи с моими недавними двумя статьями о роли идей и идеологии в новой холодной войне между США и Россией [1; 2]. Надеюсь, они скоро будут доступны и русскоязычному читателю. Сейчас я познакомлю вас с некоторыми главными идеями этих статей, тематически близких нашей конференции.

Следует иметь в виду, что статьи были написаны прежде всего для американского читателя и главным образом для тех, кто сегодня враждебно относится к России. Именно поэтому Америка является главным объектом критики в этих статьях. Я повторю часть этой критики и сейчас, но, учитывая характер аудитории, не менее важно бросить критический взгляд и на противоположную сторону.

В первой из двух статей я начинаю с того, что всем нам давно хорошо известно: в области внешней политики США говорят одно, а делают другое. Об этом уже неоднократно писали. Скажем, Джон Миршаймер в 2001 году¹. Но, констатировав эту банальность, мы должны поставить другой вопрос, на который трудно ответить сразу. Почему это «покупают» американцы и не только они? Почему, например, никто не засмеялся, когда недавно в Брюсселе президент Обама сказал, что Соединенные Штаты даже в Ираке старались действовать в рамках международного права?

Без сомнения, частично это объясняется тем, что западные СМИ и западные политические деятели все время подчеркивают центральную роль так называемых западных идеалов и ценностей. Это, как известно, в основном, либеральные идеалы и либеральные ценности. Ясно, что тем самым отводят глаза

¹ "It should be obvious to intelligent observers that the United States speaks one way and acts another. In fact, policy makers in other states have always remarked about this tendency in American foreign policy" [3, p. 26].

Пол Гренье, исследователь русской и сравнительной политической философии, эссеист, публицист. Окончил аспирантуру и Русский институт (ныне Институт имени А. Гарримана) в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Там же изучал русскую интеллектуальную историю у Марка Раева. Работал как синхронный переводчик по контракту для Госдепартамента, Министерства обороны США, Всемирного банка. Был научным руководителем Совета по экономическим приоритетам (The Council on Economic Priorities, CEP, Нью-Йорк). Является одним из основателей сообщества мыслителей-публицистов и издательства "Solidarity Hall".
E-mail: psgrenier@gmail.com

международной общественности от грязных поступков, от применения насилия Соединенными Штатами. Своими статьями я акцентирую внимание на американских лицемерии и демагогии. Первая по времени публикации статья так и называется: «Попытка спасти дипломатию в эпоху демагогии» [1].

Тем не менее следует признать, что этот прием отчасти работает, потому что известные всему миру американские идеалы – права, законы, свобода, демократия – пользуются популярностью на Западе, в том числе в самой Америке. Они популярны, потому что при всей их ограниченности худо-бедно осуществляются на практике. Именно поэтому многие у нас готовы простить или по крайней мере воспринимают как временные трудности всякие абу-грейбы, ираки, широкое использование пыток и т.д. Это, дескать, временные трудности на пути к полному осуществлению либеральных идеалов.

Россию же очернить легко. В то время как в отношении США внимание акцентируется на светлых американских идеалах, применительно к России всё внимание обращается на действия, реальные или в той или иной мере вымышленные (откуда простому человеку знать разницу?). Все время повторяется, что Россия действовала незаконно, когда присоединила Крым. Что Россия нарушила права человека, когда посадила “Pussy Riot”. Что Путин был неправ, когда снял рубашку и ехал верхом. Американские идеалы сравниваются с русскими непопулярными действиями. В то же время специфических русских идеалов как бы и не существует вообще.

Как я подробно показываю в последующей статье – «Россия стала консервативной страной, значит, война неизбежна» [2], – в тех редких случаях, когда внимание обращается на русские идеалы, они до смешного искажаются. Но такое искажение имело место не всегда. До 2014 года западные специалисты всегда особенно нежно, даже с пиететом, относились к Бердяеву, Соловьеву и многим другим знаковым фигурам Серебряного века. Это было общее место – их уважать. После 2014 года, по известным причинам, видные американские издания, такие как “New York Times”, “Washington Post” и “Foreign Policy”, вдруг открыли для себя, что Соловьев и Бердяев – страшные националисты, фанатики православной веры, готовые на всемирную мессианскую религиозную войну. Раз их уважает Путин, значит, они плохие. Подобный «анализ» – очевидное продолжение холодной войны, с целью доказать непросвещенным, что не существует легитимного русского мира.

В таких трудных ситуациях полезно определиться с категориями, то есть договориться, хотя бы условно, что обозначают те или иные политические категории, которыми мы оперируем. Насколько я понимаю, задача Бердяевских чтений – сформулировать, в чем заключается правильная политическая ориентация для России. В качестве гипотезы выдвигается предположение, что правильный идеал – консерватизм.

Но я поставил бы вопрос несколько иначе (и шире): что такое Россия? Или, говоря иначе, в чем заключается суть российского наследия, того наследия, на основании которого можно и нужно строить Российскую Федерацию? Если поставить вопрос так, разве не хочется сразу сказать, что нам, то есть России, нужно всё хорошее, нужно сохранить российское наследие как некое целое.

Что такое консерватизм? Консерватизм можно определить как такую политическую и культурологическую позицию, которая ориентирована на защиту всего самого ценного из прошлого. Но такое определение получается несколько бледным. Добавлю к вышесказанному следующее. Консерватизм – это направление, которое сохраняет свои корни в религиозном и античном мире, то есть в том мире, который предшествует современности.

Консерватизм в таком смысле нужно строго отличать от того, что я назвал бы «идеологическим» (идеологизированным – ideologized – превращенным в

идеологию) консерватизмом. Такой консерватизм отождествляет наши идеалы и всего лишь часть этого целого, ту часть, которая по той или иной причине ближе той или иной группе. Мне кажется, что сегодня в России некоторые консерваторы ценят только ту часть наследия, которая созвучна с ценностями лояльности, послушности, сохранения чести и другими аналогичными ценностями государственного порядка¹. Это те ценности, которые у Платона в «Государстве» являются определяющими для тех, кто выполняет функцию стражей в полисе.

Небольшое отступление. Нередко термин «идеология» используется как синоним для философии. Но важно четко различать эти два понятия. Идеология, по определению Ханны Арендт, это всегда упрощение действительности. Это некая формула, которая якобы всегда дает правильный ответ на любой вопрос. Идеология в строгом смысле слова – это сектантство, которое делит мир на две группы – «наших» и «плохих». Те в Америке, которые видят в России только зло и отсутствие должного уровня либерализма, являются как раз «идеологами».

Что такое либерализм? Воспользовавшись в определенной степени толкованием и Николая Бердяева [4, с. 601], и русского историка Георгия Федотова [5, с. 257–259], можно сказать, что либерализм – это политическая позиция, ориентированная на создание места в мире, где человек свободен от недолжного и нелегитимного контроля или вмешательства со стороны государства. Либерализм в этом смысле четко отличается от идеологизированного либерализма. Последний лучше всех определил французский философ Пьер Мане (Pierre Manent). По Мане, это некий бесконечный проект, имеющий своей целью бесконечное увеличение в мире сферы действия абстрактной свободы (см. его “La cité de l’homme”) [6, p. 48, et passim].

Вернемся к первоначальному вопросу: в чем заключается суть российского наследия? Совершенно ясно, что эта традиция включает в себя и либеральные, и консервативные элементы, и, в основном, свободна от идеологии. Это явствует уже из выводов таких философов, как Бердяев, Соловьев и Ильин, которых и здесь, и там, то есть и в Америке, и в России, рассматривают как важнейшие опоры в определении русской идеи. Совершенно ясно, что их идеи не сводятся без остатка ни к либерализму, ни к консерватизму в том определении, которое я сейчас дал. Все они и многие другие (Семен Франк, Струве, Чичерин, Федотов) несут в своем мировоззрении и либеральный, и консервативный элементы.

И Бердяев, и Соловьев считают, что либеральный политический порядок формален. И это само по себе не плохо. Бердяев в «Философии неравенства», Соловьев в «Критике отвлеченных начал» дают понять, что либерализм прав, когда отстаивает права людей и их свободу. Но оба мыслителя также показывают: нельзя достаточно убедительно обосновать эти права, если оставаться в рамках секулярного рационализма. Как и либерал Кант, Соловьев считает, что человек не может быть всего лишь средством (для общества), он должен быть целью, даже абсолютной целью. Но быть такой целью может «лишь человек как существо божественное, человек в Боге...» [7, с. 65; см. также 8].

Нельзя не вспомнить и Г. Федотова, его утверждение, что идея свободы в либеральном смысле (в моей трактовке этого термина) родилась не во времена Просвещения, как это обычно считается, а в Средневековье, благодаря христи-

¹ Данная проблематика была блестяще изложена американско-канадским ученым Джейн Джекобс в ее “Systems of Survival: A Dialogue on the Moral Foundations of Commerce and Politics” (New York: Vintage, 1992). Джекобс использует (но творчески развивает) категории, находящиеся в «Государстве» Платона, и показывает, как этика «стражей» и этика «торговцев» по-разному функционируют в здоровом обществе.

анской церкви [5, с. 257–259]. Русские либералы любят Федотова и часто его цитируют, и правильно делают. Но Федотов ни в коей мере не секулярист.

Наконец, возьмем Ивана Ильина. Казалось бы, куда уж консервативнее? Разве не Ильин оправдывает авторитарный строй для России? Он и не западник. В отличие от Соловьева и Бердяева, он даже не очень уважает католиков.

Но ведь и Ильин во многих отношениях либерал! В отличие от славянофилов, уважение к закону стоит прямо в центре его политического мира. Ильин – крупнейший специалист по Гегелю, находившийся под его огромным влиянием. А разве Гегель не ценил свободу прежде всего – «свободу как выражение абсолютного духа»?

Впрочем, оставим абсолютный дух и вернемся к реальности. Как известно, Путин уважает Ильина. Вот цитата из речи Путина от 25 апреля 2005 года: «Государственная власть, – писал великий русский философ Иван Ильин, – имеет свои пределы, обозначающие именно тем, что она есть власть, извне подходящая к человеку... И все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться... Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество... Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт и без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей»¹.

Как говорят юристы, заканчивая выступление перед присяжными, мне нечего добавить.

Литература

1. Grenier, Paul R. Rescuing Diplomacy in an Age of Demagogy // Consortiumnews, December 9, 2014. URL: <https://consortiumnews.com/2014/12/09/rescuing-diplomacy-in-an-age-of-demagogy/>
2. Grenier, Paul R. A Conservative Russia? This Means War! (The Tragedy of American Ideology) // Russia List, March 24, 2015. URL: <http://russialist.org/paul-grenier-a-conservative-russia-this-means-war-the-tragedy-of-american-ideology>
3. Mearsheimer, John J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Co., 2001.
4. Бердяев Николай. Философия неравенства. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
5. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб.: София, 1992.
6. Manent, Pierre. The City of Man. Princeton: Princeton University Press, 1998.
7. Козлова О.В. Проблема поиска правового идеала в дискуссии либералов В.С. Соловьева и Б.Н. Чичерина // Соловьевские исследования. 2013. Вып. 3 (39).
8. Poole, Randall A. Kant and the Kingdom of Ends in Russian Religious Thought (Vladimir Solov'ev) // Michelson, Patrick L.; Kornblatt, Judith Deutsch, ed. Thinking Orthodox in Modern Russia. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2014.

Л.В. Поляков. Большое спасибо, коллега Гренье. Очень интересная постановка вопроса – заняться не определением консерватизма, который должен будет представлять российскую идентичность, а, наоборот, сначала подумать о российской идентичности, чтобы затем уже более четко определить консерватизм. Вообще же попытка определить

российскую традицию как синтез либерального и консервативного начала мне представляется весьма перспективной. Во всяком случае, сразу вспоминается упомянутый коллегой Гренье Борис Николаевич Чичерин, который, как вы помните, ввел формулу «охранительный либерализм» с очень четкой программой: либеральные меры и сильная власть.

¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 25 апреля 2005 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>

Аннотация. Сначала автор акцентирует внимание на неприятии Западом попыток России определить свою национальную идею с опорой на собственную философскую традицию, заложенную еще в докоммунистическую эпоху. Следует учесть, что в настоящее время вряд ли стоит ожидать объективности или одобрения в оценке каких-либо действий российского руководства со стороны ключевых американских изданий. Вместе с тем, автор указывает на то, что неприятие, вероятно, вызвано временными политическими и идеологическими расхождениями, что дает повод с оптимизмом смотреть в будущее. Вплоть до 2014 года русская религиозная философская традиция была на Западе предметом всеобщего восхищения и считалась конструктивной. Сейчас же американская и европейская пресса зачастую противопоставляют российскому Realpolitik-курсу некие абстрактные идеалы, которыми руководствуется Запад, а не собственный политический курс, выстроенный на принципах Realpolitik. Наряду с этим в СМИ отрицается сама возможность того, что у России могут быть иные идеалы. Россия пытается выстроить свою систему приоритетов в консервативном ключе. По мнению автора, следует аккуратно проанализировать те категории, которыми она оперирует, а для этого – выделить идеологическое и неидеологическое течения в рамках и консерватизма, и либерализма. Он призывает интеллектуалов взять всё от русской философской традиции (то есть лучшее), а не ограничиваться частью идей. Автор отмечает, что для русского консерватизма характерно стремление подчеркивать особую роль привилегированного класса, то есть противопоставлять высшему классу «воинов» («стражей») «торговцев», как их называл Платон в своем диалоге «Государство». Но, по мнению автора, русская философская традиция включает как либеральную, так и консервативную составляющие, даже учитывая то, что в конечном счете она восходит к идеям, лежащим за пределами либеральной и консервативной мысли.

Ключевые слова: международные отношения, реализм, Барак Обама, демагогия, либерализм, консерватизм, идеология, русская национальная идея, Н. Бердяев, Г. Федотов, В. Соловьев, И. Ильин, Пьер Мане, Джейн Джекобс, «Государство» Платона.

Paul Grenier is an essayist, political writer and scholar of Russian and comparative political philosophy. He is a graduate of the Russian Institute (now the Harriman Institute) at Columbia University (New York). While at Columbia he studied Russian intellectual history under professor Mark Raeff. He worked as a simultaneous interpreter on contract with the U.S. State Department, the U.S. Department of Defense and World Bank, and was a research director at the New York-based Council on Economic Priorities. He is one of the founders of Solidarity Hall, a publishing house and community of thinkers and publicists. E-mail: psgrenier@gmail.com

Russian Conservatism and its Reception the West through the Prism of Ideological Liberalism

Abstract. The author focuses attention, first, on the poor reception in the West of Russia's current attempt to define its national idea by reference to its own pre-communist philosophical tradition. He demonstrates that this negative reception, however, is conditioned by what may, optimistically, be temporary political-ideological exigencies, at a period when very little that is associated with the Russian leadership is able to get a fair or warm reception in mainstream U.S. publications. The author points out that the Russian religious philosophical tradition was widely considered admirable and constructive in the West prior to 2014. At present, however, the typical approach in the U.S. and European press is to contrast Russian realpolitik policies with abstract Western ideals rather than Western realpolitik policies. Meanwhile, the very existence of legitimate Russian ideals is dismissed. The author then turns his attention to Russia's present efforts to define its own ideals in a conservative vein. He suggests that this effort demands a careful definition of categories and to this end distinguishes between ideological and non-ideological brands of both conservatism and liberalism. He urges Russia's intellectual leadership to embrace the whole of its tradition (i.e. the best of its tradition) rather than only a part. He notes a tendency by Russian conservatism to privilege what in Plato's Republic were the virtues of the Guardians (as opposed to the Traders). But the Russian heritage incorporates, according to the author, both liberal and conservative elements, even as it is ultimately grounded in a realm that lies beyond liberalism and conservatism.

Keywords: International Relations, Realism, Barack Obama, Demagoguery, Liberalism, Conservatism, Ideology, Russian national idea, N. Berdyaev, G. Fedotov, V. Solovyov, I. Ilyin, Pierre Manent, Jane Jacobs, Plato's Republic.

«Философия неравенства» Н.А. Бердяева – манифест либерального консерватизма

В европейском мышлении в Новое время присутствуют три идеологии: либерализм, где альфой и омегой является человеческая индивидуальность, человеческая личность с ее свободными потребностями; социализм, где субъектом является общество, а не индивидуальность; консерватизм, когда берется некий трансцендентальный субъект, и в зависимости от содержания этого субъекта возникают различные виды консерватизма.

Любимые темы трех идеологий: либерализм – защита прав индивидуальностей, против государства, общества, церкви и любых иных институций, которые эти права поработщают; социализм – первенство общества перед правами отдельного человека; консерватизм – некая миссия, идущая от трансцендентального субъекта, государство и личность – инструменты ее реализации.

Каждая из этих идеологий стремится две другие представить как нечто по сути одинаковое и различающееся только по видимости. Скажем, для либерализма и социализм, и консерватизм будут всего лишь различными формами тоталитарного сознания. Поэтому они легко говорят о том, что и Сталин, и Гитлер – это примерно одно и то же. Для социализма либерализм и консерватизм тоже выступают чем-то родственным, причем консерваторы – это как бы исконное ядро, а либерализм – всего лишь ширма. Иногда говорят наоборот: либерализм, дескать, приводит к консерватизму, так как и тот и другой – два последовательных способа закабаления. Так же и консерватизм: Наталья Алексеевна Нарочницкая любит повторять, что из Чубайса всегда видны уши Карла Маркса, то есть либерализм и социализм – это формы одного и того же явления.

Мы редко встречаем эти три идеологии в чистом их виде. Как правило, они существуют в виде миксов: одна идеология как бы симпатизирует другой и острее своей критики направляет против третьего члена триады. Можно выделить микс либерально-консервативный, микс либерально-социальный и социально-консервативный микс. Если мы к трем типичным, в чистом виде, идеологиям добавим еще эти три микса, то с шестью получившимися идеологиями можем исчерпать всю идеологическую палитру, которая есть в Новое время.

Современную Россию невозможно отождествить с одним из шести названных видов. У нас на протяжении последней четверти века менялись общественные тенденции. Крайний либерализм и либерал-социализм 1990-х годов, либерал-консерватизм, который был для 2000-х годов, сейчас же имеет место крен в социал-консерватизм.

Если мы возьмем «Философию неравенства» Бердяева, то обнаружим, что он последовательно проводит линию, которую в моей этой классификации

Матвейчев Олег Анатольевич, кандидат философских наук, профессор кафедры практической философии факультета философии НИУ «Высшая школа экономики».
E-mail: matveyol@yandex.ru

можно было бы назвать либерально-консервативной. То есть у него господствуют именно либеральные, и консервативные моменты, а острое его полемики направлено на социалистическую идеологию, которая в тот момент господствовала в России.

«Философия неравенства» – единственное произведение Н.А. Бердяева, которое полно и достаточно систематически излагает его политические взгляды и позиции. Конечно, политические выводы можно сделать и из «Философии свободы», и из «Смысла истории», и из других работ, но ни в одной из них Бердяев не ставил задачу систематически изложить свою политическую доктрину. Кроме того, ни одна другая работа не писалась как непосредственный отклик на политические события своего времени, ни одна из них не несет в себе такого политического пафоса (который позже не понравился и самому Бердяеву, что послужило причиной отречения автора от своей книги), ни одна другая его книга не содержит такой тотальной критики своих противников. «Философия неравенства» выделяется и в ряду подобных произведений русских философов, писателей, публицистов. В ней в каком-то смысле обобщено содержание таких книг, как «Вехи» и «Из глубины», «Философия хозяйства» Булгакова и «Грядущий хам» Мережковского. Все это делает книгу Бердяева заметным явлением в философской публицистике своего времени.

Но не только это. Книга актуальна. Мы живем в одну из интересных эпох в истории России. В такую же эпоху Бердяев писал свою «Философию неравенства». Он поднимал те же проблемы, что волнуют нас и сегодня. Конечно, многое изменилось, многого уже нет, многое появилось, но Бердяев и не пытался поспеть за временем. Его рассуждения – это, как говорил он сам, рассуждения «с точки зрения вечности».

Книга поднимает вечные проблемы, одной из которых – на наш взгляд, главной в книге Бердяева – являются отношения христианства и политики. Она чрезвычайно сложна, и вряд ли Бердяев удовлетворительно, навсегда разрешил ее (хотя претензия на это в его тексте содержится). Решение, предложенное им, – одно из многих возможных, может быть, наиболее последовательное или противоречивое, но никак не окончательное. Еще античные критики христианства, философы-язычники (Прокл, Юлиан), утверждали, что христианство несовместимо с политикой, с государственной деятельностью. Во времена, когда Бердяев писал свою книгу, восторжествовал противоположный взгляд. Популярный тогда Каутский не видел особых противоречий между христианством и социализмом, Блок в поэме «Двенадцать» поэтически соединил христианство и революцию. Христианами объявляла себя и значительная часть анархистов, христианами считала себя и правившая в старой России элита. Всё это дополнялось столь же пестрыми атеистическими течениями. Многие «христиане», по мысли Бердяева, только дискредитировали христианство тем, что выдавали себя за его приверженцев.

Такой гордиев узел взялся развязать, или разрубить, Бердяев. Это – настоящая цель его работы, а ни в коем случае не попытка «переубедить», например, большевиков, заставить их отречься от своих взглядов. Структура книги подтверждает сказанное. «Философия неравенства» состоит из четырнадцати писем-разделов, каждый из которых освещает ту или иную проблему с позиции христианства (как оно видится автору). Бердяев определяется в понятиях, дает им христианский смысл, освобождает их от политической заболтанности. Именно заболтанность – причина того, что эти понятия нередко смешивают с христианством или, наоборот, не замечают их родства.

Письмо первое называется «О русской революции». Мы не найдем здесь ни исторических описаний, ни социологического анализа происходящего. Бердяев задается вопросом: как христианин должен относиться к революции вооб-

ще и к русской революции в частности? Исходя из ответа на этот вопрос, можно давать оценки и всем другим отношениям.

С одной стороны, автор признает некоторую «неполитичность» христианства, его несоизмеримость с традиционными политическими категориями: «Христианство так же реакционно, как и не революционно, из него нельзя извлечь никаких выгод для мира сего». «Ныне торжествуют в мире те, которые хотели бы или совершенно опрокинуть христианство, или извлечь из него революционные выгоды, выгоды социалистические или анархические» [1, с. 22]. Может показаться, что Бердяев полностью отступает от политики, не хочет интересоваться ею, и ему все равно, какой политический строй в стране. Но это не так. Кроме отрицания политического измерения, христианство содержит и положительные ценности и утверждения, но именно на эти ценности и идет наступление в революции. Эти ценности – христианская свобода, личность, собственность, аристократизм, иерархия... Все они находят свое воплощение в конкретной истории только тогда, когда власти предрержащие забывают о них, начинается падение, которое заканчивается революцией: «Революция – конец старой жизни, а не начало новой жизни, расплата за долгий путь. В революции искупаются грехи прошлого. Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения» [1, с. 25]. «Вы – пассивный рефлекс на зло прошлого, вы – реакция на прошлое», – бросает Бердяев всем революционерам [1, с. 27].

Но «все революции кончались реакциями. Это неотвратимо. Это закон» [1, с. 29]. И эти реакции не есть возвращение назад. «В реакциях есть иная глубина. Реакция может быть и творческой, в ней может быть и подлинное внутреннее движение к новой жизни, к новым ценностям... Нарождается что-то третье, отличное и от того, что было в революции, и от того, что было до революции» [1, с. 30]. Все это применимо и к революции в России: «Русская революция есть событие, производное от мировой войны ... русский народ не выдержал великого испытания войной» [1, с. 32]. В чем же было это испытание? Бердяев выстраивает концепцию, согласно которой Россия – вечно женственная страна, которая не из себя породила мужественность, а заимствовала ее в западных учениях, в духе других народов, во Франции и, особенно, в Германии. В войне и в культуре, которая только начала нарождаться, должен был выковаться самобытный русский дух. Но этого не случилось. Война была воспринята не как священная, божественная задача, а как тягота. Русские интеллигенты, женственные по природе, отдались немцу Марксу. Произошло слияние восточного и западного начал, но не так, как должно было бы быть – не произошло рождения мужественности в недрах самой России.

Революция будет иметь реакцию, последствия ее огромны. В первую очередь она послужит уроком миру, что нельзя воздвигнуть царство Божие на земле, что нельзя забывать о религиозных основаниях общественности. Этой проблеме, посвящено второе письмо – о том, как во Вселенной, борются космос и хаос. Большевики воплощают в себе этот хаос, атомизм. Но что есть космос? «Космическая жизнь иерархична... Излучение света в этом мире должно происходить по ступеням...» [1, с. 55]. «Этим путем охранялось качество от растерзания его количеством и само количество велось к просветлению» [1, с. 56]. Именно поэтому Бердяев назвал свою книгу «Философией неравенства». Это, однако, не означает, что автор делит людей на касты. Все люди равны перед Богом и являются личностями. Но «бытие личности предполагает различия и дистанции» [1, с. 57]. «Личности нет, если нет ничего выше ее» [1, с. 89]. Коллективизм уничтожает и личность, и иерархию, превращает всё в одинаковые равные атомы. Все революции – это стихия хаоса, где личность не видна. Лозунги революционеров в защиту человека – лишь фразеология. «Ваше гуманистическое и

сентименталистское заступничество за человека, ваше исступленное желание освободить его от страданий и есть ваше неверие в Бога и неверие в человека, ваш атеизм. И это всегда ведет к истреблению личности во имя освобождения человека от страданий. Принятие смысла страданий, смысла судьбы, которая со стороны представляется столь несправедливой и неоправданной, и есть утверждение личности, и есть вера в Бога и человека» [1, с. 61]. Не нужно считать себя справедливее Бога. Подобно лживому лозунгу «Во имя человека!», Бердяев разоблачает и другие лозунги, проясняет другие понятия.

Письмо третье проливает свет на сущность государства, которая не понята теоретиками революции. Основы власти, по Бердяеву, божественны, «во всякой власти есть гипноз, священный или демонический гипноз» [1, с. 70]. Государство, однако, «существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад» [1, с. 73]. «По природе своей государство стремится к усилению и расширению» [1, с. 79]. Вот объяснение расцвета и падения государства, объяснение империалистических войн.

Другое понятие, разбираемое Бердяевым, – нация. С социализмом и интернационализмом связано много предрассудков. «Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным устройством и суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы» [1, с. 93–94]. Бердяев показывает это на примере еврейского народа, лишенного и государства, и территории. Нация в процессе своей судьбы испытывает и цветения, и падения, в каждый период своей истории она имеет разные права и обязанности. Лишь человек, оторванный от своих корней, отвлеченный человек соблазнится интернационализмом и космополитизмом. В национализме есть глубина, есть дух, который выражается «через качественный подбор личностей, через избранные личности» [1, с. 101]. И не стоит подменять нацию и народный дух собирательным количественным понятием народа.

Каждая нация имеет свою культуру и свою идею. Есть она и у русской нации. Миссия нации – нести и осуществлять эту идею, жертвуя при этом своими членами. Бог допускает свободное состязание этих идей в войнах. В отдельном письме Бердяев обосновывает необходимость войн. Мессианизм состоит в выходе из границ национального, культура же всегда национальна. Всё это не имеет ничего общего со стихийным национализмом – самодовольством, идеализацией стихийного народа. Бердяев выступает за творческий национализм, который даже требует самокритики, беспрестанно возвышая нацию.

Другое понятие – консерватизм – также интерпретируется Бердяевым не совсем традиционно. Консерватор – не просто тот, кто упорно противодействует всему новому и цепляется за старое, как бы плохо оно ни было. Нет, «консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым» [1, с. 109]. «Революционный дух хочет создать грядущую жизнь на кладбищах, забыв о могильных плитах, хочет устроиться на костях умерших отцов и дедов, не хочет и отрицает воскресенье мертвых и умершей жизни» [1, с. 110]. Здесь Бердяев солидаризируется с учением Федорова о необходимости воскрешения всех мертвых в конце истории для вечной жизни.

Отдельное письмо Бердяев посвятил «аристократизму». Аристократия – правление лучших, правление меньшинства. Большинство никогда не правит или правит исторический миг. Большевики не заменили аристократию демократией, они создали новую «аристократию» – бюрократию партийных функционеров, они заменили хорошее меньшинство меньшинством плохим. Аристократия

есть иерархия и уважение к иерархии, поэтому аристократ признает все, что выше его. Плебей же постоянно завидует, постоянно стремится наверх, дух плебея – дух выскочки. Плебей жаден и завистлив. Аристократ жертвен и щедр. Он никогда не бывает обиженным, а скорее чувствует себя виноватым. Аристократизм – не классовое понятие: «аристократический склад души может быть и у чернорабочего, в то же время как дворянин может быть хамом» [1, с. 130]. Аристократы – гении – рождаются «в провиденциально предназначенные минуты» [1, с. 137].

Противоположное аристократизму стремление – стремление к равенству. Лозунг равенства наиболее соблазнителен для массы. «Свобода и равенство несовместимы. Свобода есть прежде всего право на неравенство. Равенство есть прежде всего посягательство на свободу, ограничение свободы» [1, с. 148]. Всякий либерализм не постигает религиозной сущности свободы, а требует, по сути, только равенства и идет рука об руку с демократизмом. Демократизм состоит в обожествлении произвола народной воли без всякой связи с содержанием, то есть с тем, что именно эта воля волит. Ведь воля может быть направлена на зло. А даже если она направлена на добро, это означает, что есть нечто высшее, чем она сама. «В высшей народной воле получается лишь арифметическое сложение» [1, с. 161]. Но «по большинству голосов история не только не могла бы совершаться, но она никогда бы и не началась. Мир остался бы в первоначальной тьме “нераскрытости”, в равенстве небытия» [1, с. 150]. «Демократическое равенство есть потеря способности различать качество духовной жизни» [1, с. 160]. На Западе уже начали понимать несовершенство демократии и ищут новые формы, но, возможно, уже поздно, так как Запад сгнил, обуржуазился, попал под диктатуру публичности. Когда тобой правят высшие идеалы и ценности, это можно стерпеть, но когда тобой правят несколько равных тебе или же низших – это худшая тирания. При тирании демократии невозможно дышать ярким индивидуальностям. Любая другая тирания рождает мучеников, борцов и творцов, но не демократия.

«Подчинение церкви, государству, национальности, высшим ценностям сладостно и благородно. Но почему должен я подчиняться интересам, инстинктам и вождениям человеческой массы?» [1, с. 171]. Предел демократизма – в социализме. Современный социализм вышел из буржуазной демократии, он насквозь буржуазен. «От “буржуазии” научился “пролетариат” атеизму и материализму, от нее усвоил себе дух поверхностного просветительства, через нее пропитался духом экономизма, она толкнула его на путь борьбы классовых интересов» [1, с. 177]. «“Буржуа” и “пролетарий” – близнецы» [1, с. 179]. И у того, и у другого дух зависти и жадности и нет никакого благородства. Христианство благородно, и оно не имеет ничего общего с социализмом, хотя распространились теории, сближающие их. Социализм имеет религиозную природу, но это иудаистский хилиазм, то есть желание построить Царство Божие на земле, что для христианства невозможно. «Социализм есть устройство человечества на земле без Бога и против Бога» [1, с. 183]. «В царстве Божием будет неравенство. С неравенством связано всякое бытие» [1, с. 193]. Христианин не бунтует против богатых, хотя и признает, что богатому тяжело расстаться со своим богатством. Христос учил отдавать, но не учил «экспроприировать».

Противоположностью социализму, по видимости, является анархизм. Однако это лишь видимость. Анархизм не выступает за равенство, он выступает за свободу. Но это пустая свобода, которая не признает над собой высших ценностей, это предельное безбожие, обожествление собственного Я. «Вы хотите иметь возможность делать все, что вам хочется. Но хотелось ли вам уже чего-то по существу?». Анархизм бесцелен. Этот анархизм несовместим, конечно, с христианством, и этого хочет Л. Толстой. Анархизмом заражена лишь чернь и литературно-художественная богема, но ни в коем случае не аристократы.

Стиль Бердяева эмоционален, это скорее проповедь, чем рассуждения, поэтому к концу книги мысли начинают повторяться. Так, все аргументы за необходимость войн были высказаны уже ранее за исключением того, что призывы к вечному миру исходят из страха перед смертью, а следовательно, – из неверия в вечную жизнь. Единственный вид войны, который отвергает Бердяев, – война классовая, ведущаяся из ненависти, а не во имя высших ценностей. В письме «О хозяйстве» он еще раз подчеркивает аристократическую природу труда и хозяйства, которые не могут обходиться без иерархии. Любое равенство ведет к упадку хозяйственной жизни. Здесь же Бердяев ставит сложную философскую проблему техники и ее негативного влияния на человека. Но технику нельзя отрицать во имя более отсталых форм, ее нужно преодолеть, как дух преодолевает материю.

В письме «О культуре» Бердяев понимает культуру как качество, как противовес цивилизации, обозначающей количество. Культуры вечны и индивидуальны. Цивилизация – наоборот.

И, наконец, в заключительном письме Бердяев обобщает свое понимание истории, ее смысл – искание Царства Божия, спасение, а не богостроительство на Земле.

В послесловии, написанном позже, философ предупреждает, что все сказанное им не есть просто реакция, но осмысление происшедшего. Это своего рода поиск собственного места в системе координат, заданных идеологиями Нового времени. Очевидно, что между тремя идеологиями – либерализмом, социализмом и консерватизмом – Бердяев выбирает консерватизм. Это видно уже из того факта, что он, как и все консерваторы, предпочитает не различать либерализм и социализм по существу, а видит в них всего лишь две версии одной, по сути, капиталистической, буржуазной, мещанской, антихристианской и антиконсервативной модели. Тем не менее, как уже отмечалось, идеологии Нового времени редко фигурируют в так называемом «чистом виде», а чаще представлены в виде миксов [подр. см.: 2, с. 75–76]. Миксы определяются соседством со смежной идеологией. Так, консерватизм чаще всего фигурирует в двух версиях: либерально-консервативной и социально-консервативной.

Анализ «Философии неравенства» показывает, что Николай Бердяев является выразителем либерального консерватизма в чистом виде. Это определяется не только критикой революции, которая произошла под социалистическими лозунгами, но и всей философской позицией Бердяева, его пониманием (весьма свободным и неортодоксальным) христианства, его персоналистскими (а значит, зачастую анархистскими и индивидуалистическими, либеральными) философскими убеждениями.

Соответственно, Бердяев находится в русле всей европейской идеологии, европейской культуры. Поэтому он хорошо воспринимался на Западе, во Франции, был совершенно понятен. Ничего странного, специфически русского, почвенного, менявшего бы матрицу восприятия. Такая книга, как «Философия неравенства», тогда могла появиться и во Франции, и в Германии.

Литература

1. Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990.
2. Матвейчев О.А. Классификация видов консерватизма. Новая версия // Тетради по консерватизму. 2014. № 2. Ч. 2. С. 75–76.

Аннотация. В докладе излагается концепция идеологических миксов. Анализируя содержание книги «Философия неравенства», автор показывает, что в ней Н.А. Бердяев выступает как носитель либерального консерватизма в чистом виде. Именно это обстоятельство обеспечило понимание и популярность этой книги в Западной Европе 20–30-х годов минувшего века.

Ключевые слова: «Философия неравенства» Н.А. Бердяева, идеологические миксы, либерал-консерватизм.

Oleg Matveychev, Ph.D.in Philosophy; Professor, Department of Practical Philosophy, Faculty of Philosophy, Higher School of Economics (National Research University). E-mail: matveyol@yandex.ru

“The Philosophy of Inequality” by N. Berdyaev – the Manifesto of Liberal Conservatism

Abstract. The report describes the concept of the ideological mix. Analyzing “The Philosophy of Inequality”, the author illustrates that N. Berdyaev voices purely liberal-conservative ideas in it. This fact accounts for valid interpretation and popularity of the book in Western Europe in the 1920s and 1930s.

Keywords: “The Philosophy of Inequality” by N. Berdyaev, Ideological Mixes, Liberal Conservatism.

Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки

Последняя треть XX века в европейских гуманитарных науках, в том числе и в истории, прошла под знаком постмодернизма. В этой статье я постараюсь показать, во-первых, как постмодернистская парадигма истории привела европейскую историческую науку к ценностному кризису, а во-вторых, как проникновение постмодернизма в историю вписано в общественно-политическое развитие Европы.

Несколько предварительных замечаний. Во-первых, постмодернизм охватил, конечно, не всю европейскую историческую науку, вполне традиционные исторические сюжеты по-прежнему имели (и имеют сегодня) для нее большое значение. Однако если говорить о теоретическом осмыслении ценностей и принципов научного исторического познания, то в этом отношении постмодернизм стал ведущей концепцией.

Во-вторых, я придерживаюсь принятого сегодня в исторической науке разделения между философией истории (теория истории, методология истории в данном случае выступают синонимами) и конкретными историческими исследованиями¹. При этом понятие «философия истории» я использую в широком смысле этого слова, не выделяя специальных подразделов, как это иногда делают [23, с. 71; 26].

В-третьих, отечественная традиция описания постмодернизма в европейской исторической науке отличается одной особенностью. Обращение европейских историков к постмодернизму в лучшем случае объясняется естественным развитием гуманитарных наук, в окружении которых находится история – социологии, психологии, антропологии, этнологии, лингвистики [11; 12; 13; 38].

Нередко развитие дискуссий об историческом познании описывается как абстрактный и вовсе не имеющий каких-либо причин процесс. Так, один из ведущих специалистов по постмодернистской европейской историографии М.А. Кукарцева пишет: «Рождаясь в пределах одной теории, релевантные идеи, развиваясь и трансформируясь, обретая новые предикаты и формы существования, становились источниками новых теорий или новых прочтений старых теорий в изменившихся социальных и познавательных ситуациях» [23, с. 62; см. также: 22; 25; 26].

«В первые десятилетия после Второй мировой войны проблема реальности отходит на второй план, все внимание занимает проблема метода в исто-

¹ Об этом разделении см., например: [12].

рических исследованиях», – пишет другой исследователь европейской постмодернистской философии истории О.В. Гавришина, не уточняя, почему же это произошло [11, с. 8].

Даже если утверждается, что историки зависят от времени, в котором они живут, «собственных политических взглядов, а также национальной, религиозной, социальной идентификации», дальше этой констатации дело не движется [см., например: 20; 28; 43]. Каковы особенности этого времени, как определить различные идентификации автора исторического исследования – все это остается загадкой для читателя. Подобная традиция обобщения свойственна и западной литературе, посвященной этой теме [54].

При этом проанализированы общественно-политические причины обращения к постмодернизму российских историков [11; 18].

Общественно-политический контекст развития исторической науки обычно анализируется в работах, касающихся исторической политики и политики памяти в Европе во второй половине XX – начале XXI века [см., например: 28; 29]. Однако в данном случае в центре внимания авторов – отдельные направления исторических исследований, выявление политической подоплеки в деятельности тех или иных историков, а не основополагающие принципы исторической науки.

В итоге политическая реальность и ее влияние на европейскую историческую науку остаются за гранью историографического анализа. Я попытаюсь хотя бы отчасти показать взаимозависимость европейской политики и изучения истории в последней трети XX – начале XXI века.

* * *

Основные принципы и постулаты постмодернизма в целом общеизвестны, поэтому ограничусь их кратким перечислением.

Постмодернизм выступил против всего того, что составляло суть Модерна, понимаемого как целостный проект Европейского Просвещения. Постмодернизм отверг универсализм, веру в разум, идею прогресса, целостность человеческого восприятия мира, единство исторического процесса, а также любые правила и принципы, претендующие на истинность, всеобщность, неизменность. В качестве главной ценности постмодернизм заявил отсутствие таковой, провозгласил неограниченное право каждого на индивидуальный выбор целей и способов действий на основе своего микроопыта. Отсюда – приоритет центробежным тенденциям, локализации, фрагментации, хаотическому плюрализму в осмыслении действительности, сосуществованию различных концептуальных подходов, в том числе взаимоисключающих, индивидуальным языкам описания окружающего мира, смысловым искажениям как норме, разнородным языковым играм, свести которые в целостное и осмысленное единство принципиально невозможно. Как писал известный социолог постмодерна Зигмунд Бауман, для постмодернизма «характерна необходимость жить в мире, полном двусмысленностей и неопределенности» [44, р. 12].

Помимо этого постмодернисты объявили о наступлении эпохи раскрепощения, освобождения человека от исторической ответственности, о том, что человек может жить сиюминутным, не обременяя себя большими целями.

Большинство исследователей, в том числе и сами постмодернисты, начинают историю постмодернизма как, по сути, нового европейского мировоззрения с 1968 года [9, с. 16]¹. Тогда массовые протестные движения молодежи приобрели особый размах во Франции – на родине ведущих постструктура-

¹ До этого постмодернизм был известен преимущественно как название одного из направлений в искусстве.

листных теоретиков, многие из которых стали идейными вдохновителями протеста. Так, один из ведущих теоретиков постмодернизма Жан-Франсуа Лиотар, автор знаменитой работы 1979 года «Состояние постмодерна», в то время был участником французской леворадикальной группы «Социализм и варварство».

Научную предпосылку постмодернизма как новой методологии гуманитарных наук нередко видят в структурализме. Как известно, Клод Леви-Стросс и другие структуралисты, посвятившие себя анализу языка как способу передачи сообщений, пришли к выводу: любой символ/знак, взятый в отдельности, не передает содержание сообщения. Постмодернисты, объявившие себя постструктуралистами (Жан Бодрийяр, Жиль Делез), сделали следующий шаг: поскольку отдельное слово может принимать множество значений или заменяться синонимами, то смысл и значение выявляются только в соотнесении с другими словами в целостной фразе/высказывании. Это стало одним из основополагающих принципов постмодернистского отношения к окружающему миру.

Кроме того, постмодернизм, видимо, не случайно возник в постколониальную эпоху, когда на исторической арене в качестве активных игроков появились меньшинства различного рода – религиозные, этнические, сексуальные, региональные¹. На это время пришелся и бум феминизма. Постмодернизм с его отрицанием единого исторического процесса, принципом множественности как бы легитимизировал появление этих меньшинств как полноправных участников общественно-политической жизни, причем со своими собственными историями и воспоминаниями. Как отмечает Ю.Н. Давыдов, не случайно постмодернизм «так стремительно стал идеологией сексуальных меньшинств, обнаруживших растущую озабоченность не просто самосохранением, но и политической властью» [14, с. 710].

Несомненно, постмодернизм оказал сильное влияние на политическую теорию и практику Европы. Отношение к окружающему миру как к хаосу привело к восприятию стратегической нестабильности как нормы для мирового устройства. Уместно вспомнить идею Стивена Манна о тотальном индивидуализме как важнейшей предпосылке создания «управляемого хаоса».

Объявленный постмодернистами принципиальный плюрализм в отношении действительности, невозможность и ненужность поиска истины способствовали размыванию границ между понятиями «добро» и «зло», «правда» и «ложь». Следствием этого стало возникновение так называемых двойных стандартов.

В области теории государства и международных отношений постмодернисты выступили за размывание суверенитета, принцип мягкого правления, стимулирующие, но не единые законы, частичное гражданство, возрастание транснациональной власти. Вместо традиционных демократических процедур – выборов – они отдали приоритет прямым формам участия населения в политике, массовым низовым движениям, массовым протестам, манифестациям, горизонтальным связям, сетевой самоорганизации, флешмобам [21, с. 148–150; 35; 48; 53]. Причем – в игровых формах [5, с. 73–74; 21, с. 150]. Ж. Бодрийяр еще в 1980-х годах писал: «Масса не приемлет смысла и “интересуется лишь знаковой”, коммуникация для нее – непрерывное поглощение знаков, обусловленное жаждой зрелища» [8].

Очевидно, что в постмодернизме можно увидеть и предпосылки цветных революций, и обоснование политики мягкой силы, настойчиво осуществлявшейся в том числе и на постсоветском пространстве последние двадцать пять лет.

В связи с этим кажутся удивительными утверждения, что постмодернизм «обеспечил сдвиг политической мысли и официальных доктрин Запада в сторону неконфронтационного, диалогового мышления» [21, с. 152].

¹ О меньшинствах как новых исторических акторах см. подробнее: [30; 31].

Постмодернизм «ответствен» и за информационную политику особого рода. Как отмечает российский социолог Т.З. Адамьянц, «центр тяжести современных социальных процессов, от самых мелких до мировых, сегодня как никогда связан со сферой разума, с умением людей адекватно понимать и интерпретировать – события, тексты, автора, друг друга... Адекватное восприятие связано с *пониманием* константного смысла (при праве не согласиться с ним). Поскольку процентная составляющая числа людей, способных к адекватному восприятию, гораздо меньше, чем тех, кто такими навыками не обладает, существует обширнейшее поле для манипуляций, обманов и необоснованных фантазий недобросовестных политиков, журналистов и авторов» [1].

* * *

В исторической науке влияние постмодернизма было также во многом разрушительным. Постмодернизм отверг основные принципы и ценности исторической науки модерна – истинность, объективность, возможность и необходимость верификации и доказательности выдвигаемых аргументов, поступательное развитие истории, познаваемость исторического прошлого, принцип закономерности исторического процесса, наличие причинно-следственных связей между событиями, макроисторию (метанарратив) как таковую.

Как у любого человека в рамках постмодернистской картины мира, у историка нет никаких четких ориентиров. Грани прошлого бесконечны и представляют собой многочисленные разнонаправленные потоки. Реальны только отдельные события, но не исторические процессы.

Принципиальным и имеющим важные общественно-политические последствия мне кажется утверждение постмодернистов о разрыве между прошлым и настоящим [9]. Для становления настоящего значение прошлого невелико, оно всего лишь прошлое настоящего. Причем это прошлое принципиально непознаваемо. И здесь постмодернисты от истории создали новую и достаточно цельную методологию, в центре которой – так называемый лингвистический поворот.

«Текст повсюду, и все кругом – текст» – так коротко сформулировал новую философию истории один из ведущих постмодернистских теоретиков французский философ Ролан Барт.

Между историком и событием, которое он изучает, стоит письменный источник – текст. Историк оказывается пленником языковых структур, дискурса, причем пленником двойного рода [см., например: 15; 16; 39; 40]. Письменный источник не является отражением прошлого, события искажены автором текста из-за его субъективности, тенденциозности, преднамеренной лжи или искреннего заблуждения. Но когда текст источника начинает интерпретировать историк, искажения возрастают. Даже если ученый сможет достигнуть максимального понимания замысла автора, его мировоззрения, того, чего он не сказал и почему не сказал – все равно, текст стоит непреодолимой преградой между историком и событием.

Объект познания историка (субъекта познания) – это то, что сконструировано языковой практикой. Поэтому историк имеет дело не с реальностью прошлого, а с текстом или языком. Но сам язык при этом – не средство отражения реальности, а главный фактор, определяющий мышление и поведение [33; 34]. То, что историк «открыл» в результате своей интерпретации текста – это не «прошлое», не «социальный и культурный контекст», а всего лишь механизм самого текста. Границы текста – это границы мира [3; 11, с. 8; 19; 20, с. 278–282; 37].

Поэтому не существует ни прошлой реальности, ни объективного подхода к его изучению. Есть нарратив, репрезентирующий прошлое, который и есть собственно история [11, с. 6–8; 20, с. 279; 50, р. 102].

Постмодернисты объявили: «Автор умер» (Барт).

Что же тогда остается истории как науке? Наиболее жестко ответ на этот вопрос сформулировал Хейден Уайт: история есть не более чем «операция создания вербального вымысла». Иначе говоря, история – это своего рода литература. Более того, литература нередко даже предпочтительнее исторического познания, потому что первая более эстетически привлекательна, чем вторая.

Как отмечает М.А. Кукарцева, «лингвистический поворот... взорвал границы между историей и литературой» [22, с. 10]. Эстетическая составляющая в историописании оказалась важнее достижения истины.

По сути, в постмодернистской концепции науки места для истории не осталось. «История далека от сущностных начал, от абстрактного мышления, интерпретации смысловой логики письменного языка и, стало быть, далека от возможности познания», поэтому приоритет должен быть отдан синтезу лингвистики, филологии и философии [20, с. 282–283; 43, с. 36–39].

Пока философы и социологи разрабатывали новые принципы теории истории, в 1970-х годах начались качественные изменения в самой европейской исторической науке. Начиная с 1970-х годов одним из ведущих направлений исторических исследований становится проблематика коллективной памяти и связанной с ней коллективной идентичности. Как из рога изобилия посыпались работы ученых, касавшиеся соотношения коллективной памяти с памятью индивидуальной, общенациональной памятью и памятью различных социокультурных групп. Правда, у подавляющего большинства этих работ была одна общая черта – изучалась память о трагическом прошлом. Холокост, войны, эпидемии, нацизм, коллаборационизм – все эти явления стали изучаться в массовом порядке. Популярность этих тем была настолько ошеломляющей, что по аналогии с лингвистическим поворотом появился термин «мемориальный поворот». Известный исследователь коллективной памяти французов Пьер Нора в связи с этим утверждал, что произошла победа памяти над историей. В том смысле, что вместо научного изучения прошлого ученые стали заниматься воспроизводством воспоминаний о нем – воспоминаний как собственных, так и объектов своего изучения.

Так или иначе, в конкретных исторических исследованиях, как и в теории истории, под ударом оказались основополагающие принципы позитивистского подхода к изучению прошлого. В первую очередь пострадали такие ценности, как претензия на воссоздание прошлого объективно и беспристрастно, стремление встроить изученный сюжет в большой исторический нарратив, найти причинно-следственные связи тех или иных событий и т.п.

В литературе нет единства в вопросе о том, является ли обращение историков к проблематике памяти и распространение постмодернистской философии истории случайным совпадением. Так, один из крупнейших методологов истории, немецкий историк Йорн Рюзен, пишет: «Историческая память как самостоятельная тема для изучения возникла вместе с постмодернистскими подходами в истории» [36, с. 22]. Однако, скажем, Патрик Хаттон в книге «История как искусство памяти» утверждает, что постмодернизм с его презрением к сакральности во многом нивелировал значение памяти в истории и настоящем, подвергая память деконструкции. По мнению Хаттона, постмодернистский подход к истории может окончательно подорвать социальную способность к памяти [41].

По-настоящему постмодернистскими направлениями в европейской исторической науке стали микроистория, история повседневности, устная история, история быта, история ментальности. Йорн Рюзен утверждает, что микроистория, а не память стала «основной формой изучения прошлого».

В микроистории «показывается не общество или класс, а простой человек, вместо эпохи или длительного периода развития рассматриваются жизнь или

даже несколько дней, не столетие, а день, не государство или империя, а маленькая деревня» [41, с. 21]. Очевидно, что такая история отвечает требованию постмодернистов отказаться от метанарратива, связывающего прошлое с настоящим в относительно единую историческую линию, позволяет смотреть на прошлое как на фрагменты и куски ушедшей реальности, никак не связанные с нынешним днем, в том числе – и посредством коллективной памяти. Как пишет Рюзен, так «прошлое может приобрести свою собственную значимость», собственное достоинство [41, с. 19]. Точно так же целью истории повседневности, как и истории ментальностей, было заявлено стремление «погрузиться в прошлое», «восстановить его дух» [2; 20, с. 278]. Напрямую с постмодернизмом оказалось связано изучение истории различных меньшинств. Или, как называет их Рюзен, жертв модернизации – низших классов, меньшинств и женщин [41, с. 22].

Историческая наука с ее современными, позитивистскими ценностями, объявленная постмодернистами лишней, оказалась в кризисе. Под влиянием постмодернизма многие европейские историки, по сути, отказались от методов и принципов собственной дисциплины. Стало модным исследовать прошлое с помощью методов социологии, антропологии, этнологии, филологии, лингвистики, психологии. Но этот отказ не прошел бесследно. Как представляется, он сильно ударил по онтологическим основаниям исторического познания, сделал возможным представление об истории как по большей части прикладной дисциплине. Результатом этого стала нарастающая последние двадцать лет популярность *public history* – изучения истории как одной из составляющих медийного пространства¹.

* * *

К каким же общественно-политическим последствиям привел постмодернистский поворот европейской исторической науки?

Во-первых, стало доминировать представление о ключевой роли автора исследования, субъективности как краеугольного камня исторического познания. Оказалось, что историк не может заниматься поиском истины, установлением объективных и достоверных фактов о прошлом, потому что все определяется сознанием самого историка, его мировоззрением. Вместо реконструкции прошлого историк на самом деле имеет (и всегда имел) дело с его конструированием.

При всей привлекательности такого подхода в итоге он способствовал отрицанию авторитетов, оказалась возможна любая точка зрения и одновременное существование множества позиций. Исчезли критерии истинности и достоверности. Как возможно определить, чья история о прошлом более достоверна, если изначально полагать, что все они в равной мере субъективны? Истина постулируется как ненужная, а на самом деле становится недостижимой.

Но если историки отказываются от своей традиционной роли хранителей правды о прошлом, то это не означает, что людям эта правда больше не нужна. Так возникает политика памяти, а сама история как знание правды о прошлом становится уделом политики. Видимо, не случайно исследователи исторической политики (как, например, А.И. Миллер) датируют ее появление 1980-ми годами. Кроме того, становятся нормой двойные стандарты – тем самым в европейской исторической науке отражается общий ценностный кризис европейского общества.

Во-вторых, представляется знаковым интерес европейских историков к коллективной памяти и идентичности. По времени он совпал с окончанием

¹ Подробнее о дискуссиях по поводу прикладных функций исторической науки и *public history* см.: [2].

в общих чертах процесса деколонизации. Однако, как показала последующая история, уходя из своих колоний, Запад не собирался покидать их совсем, в постколониальном мире всего лишь сменились способы управления и влияния. «Память как средство образования идентичности и ориентации практической жизни» [41, с. 22] оказалась важным инструментом так называемой «мягкой силы». Изучение процессов запоминания и забывания, способов формирования представлений людей о своем прошлом, очевидно, помогало пониманию того, как выстраивать нужные коллективные идентичности, нужные исторические образы. Рюзен вполне откровенно пишет о той роли, которую играют исторические исследования: как составляющая часть коллективной памяти они «реализуют политическую стратегию коллективной памяти. Она помещает исследования историков в область борьбы за власть и делает их необходимым средством обоснования и развенчания всех форм господства и управления» [41, с. 14].

Это только предположение, но, видимо, есть какая-то связь между обращением европейских историков к проблематике памяти и идентичности и западной политической стратегией «мягкой силы».

В-третьих, еще одна составляющая «мягкой силы» – это манипулирование различными интерпретациями. Представляется, что постмодернистская философия истории сыграла в этом не последнюю роль. Как пишет руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН, главный редактор Федерального портала «История.РФ» М.С. Бобкова, «...релятивизм... невероятно удобен в контексте современности, так как... с его помощью можно уничтожать и изменять дискурсы. Именно это в условиях историзации политики зачастую и происходит с презентацией прошлого в средствах массовой информации... Поэтому существующий неуправляемый и бесконечный хаос в современном сознании... является хаосом управляемым в самом широком понимании, потому что он подчинен теоретическим манипуляциям классического сознания, которые могут исходить как из научных и профессиональных кругов (историки или исследователи истории), так и от социальных единиц, имеющих представление о природе постмодерна (например, политические технологии)» [7].

Утверждение постмодернистов, что исторический текст видоизменяется при каждом новом прочтении, привело к изменению категории «смысла». Оказалось, что смыслов может быть неизмеримо много и они носят личностный характер. Как отмечает Т.З. Адамьянц, «идеи постмодернизма и развившиеся в его рамках современные герменевтические концепции, декларирующие множественность и личностный характер смыслов» являются источником для «произвольных трактовок и приписывания новых значений и смыслов каноническим текстам, авторским произведениям, историческим событиям, реальным фактам» [1]. В то время как в модерне признавалась множественность смыслов и значений только для личностных картин мира.

В итоге сегодня мы наблюдаем «бесконечные, параллельные, противоречащие друг другу, самооправдательные нарративы, в изобилии предлагаемые нашему вниманию со страниц газет и журналов, экранов телевизоров, кинематографом, учебниками истории и политическими трибунами, нарративы, в любой момент открытые коррекции во всех направлениях», которые поистине становятся «мощной политической силой» [24, с. 12].

Следствием этого стало убеждение в том, что любой объект исследования может быть придуман, сконструирован. Как писал профессор английского языка в Государственном университете Северной Каролины Х. Кёллнер, история – это мощные образы, «которые лучше всего могут быть поняты как сотворенные объекты, модели, метафоры или гипотезы реальности» [49; цит. по: 24, с. 15].

Один из виднейших теоретиков истории, много размышлявший над постмодернизмом, профессор Кембриджского университета Питер Берк еще в 1992–1993 годах пророчески говорил: «Лично я думаю, что этот протест зашел слишком далеко и что люди говорят: давайте скажем, что мы изобрели Шотландию или вообще что-нибудь еще, не подумав о проблеме: а могут ли люди изобретать любую нацию, любую социальную группу, которую они хотят? Нет ли здесь внешних ограничений?» [цит. по: 24, с. 14].

По всей видимости, опасения Берка оказались ненапрасными, и существует определенная связь между постмодернистской философией истории и, скажем, провозглашением и признанием независимости Косово [24, с. 14].

В-четвертых, новая парадигма исторического мышления родилась из отрицания объективизма, критики стремления историков найти и утвердить истину о прошлом. Это стремление действительно нередко приводило к довольно вольному обращению как с категорией истины, так и с самим прошлым. Однако утверждение постмодернистов, что историки не воссоздают прошлое, а конструируют его, их убеждение в разрыве между прошлым и настоящим, в принципиальной непознаваемости прошлого таким, каким оно было на самом деле, привело к гораздо большей по своим масштабам манипуляции историей в политических целях.

Исторической интерпретации придали новый смысл – она не может объяснить прошлое и то, как из него получилось настоящее, а только создает видимость этого. Единственная цель исторической интерпретации – оправдать существующий общественный дискурс, потребности текущего момента, политическую целесообразность того или иного решения государственной власти и т.п.

Истина обретает контекстуальный характер. Так, Кёллнер, отвечая на вопрос, что такое истина, не скрывает: «Истина – это то, что правдоподобно и убедительно для универсальной аудитории. Но я сомневаюсь в существовании универсальной аудитории в рамках какого-либо человеческого опыта. Это – разновидность идеалистического понятия так же, как и сама идея истины. То, что мы имеем, есть рассказы, истинные для данного пространства и времени. И, как я недавно написал в одной своей работе, посвященной проблеме исторической репрезентации Холокоста, нашей этической ответственностью, как людей, живущих в истории и размышляющих о прошлом, является созидание и поддержание мира настоящего. В нем то видение истории, которое мы считаем истинным и важным, должно оставаться непосредственным и вызывающим доверие» [17, с. 62].

В таком же духе рассуждает Рюзен: смысл истории больше, чем объективный поиск истины, смысл истории напрямую связан с ее политической актуальностью. История «раскрывает духовную силу своего ведущего принципа смысла, который нельзя осознать, лишь [признавая] требования истинности и объективности в качестве сути метода эмпирических исследований. Она должна понять, что познавательные процедуры получения надежного и обоснованного знания из эмпирических свидетельств прошлого всегда существенным образом связаны с эстетическими принципами репрезентации и с политическими принципами использования прошлого в культурных рамках сегодняшней человеческой деятельности». Говоря иначе, история должна быть написана так, чтобы казаться «правдоподобной» (термин Рюзена) сообществу, которому она адресована, отражать его ценности и нормы, вызывать согласие в обществе – тогда история будет понята обществом, востребована властью. В этом и состоит ее культурная функция, которая, подчеркивает Рюзен, важнее поиска истины в прошлом [41, с. 24].

Л. Госсмен, поддерживая Рюзена, в свою очередь, утверждает: знание прошлого с точки зрения «культурного развития» «гораздо более важное, чем знание самого исторического объекта» [цит. по: 24, с. 23].

Во многом аналогичные интенции можно встретить в работе Анкерсмита «Возвышенный исторический опыт». Так, он призывает изучать исторический опыт как способ нации, сообщества, цивилизации осознать неотвратимую реальность прошлого [4, с. 494].

Как представляется, эти призывы ведущих европейских историков-методологов уводят европейскую историческую науку еще дальше от научного познания прошлого. Общественный консенсус и оправдание политических шагов как главная цель исторической науки окончательно уничтожают ее в привычном, классическом, модерном понимании, которое все-таки еще не окончательно поколеблено в Европе.

* * *

К концу 1990-х годов дискуссии о постмодернистской философии истории стали сходиться на нет, хотя адекватный ответ на постмодернистский вызов найден не был [20, с. 283; 32]. Тем не менее ведущие методологи истории заговорили о кризисе постмодернизма [17].

Научные причины отказа от постмодернизма историки нашли достаточно быстро. Во-первых, «критикуя своих предшественников, представители нового направления [постмодернисты] так и не смогли создать яркие образцы конкретно-исторических исследований по тематике своих идейных оппонентов – историков-традиционалистов». Работы постмодернистов «носят в значительной мере элитарный характер и ближе к литературным произведениям, чем к традиционным историографическим жанрам, поэтому не могут составить реальную конкуренцию последним» [38, с. 71; 45; 46].

Как отметил Пьер Бурдьё: «Постмодернисты занимаются постмодерном, чтобы уклониться от исторической работы (они не сумели бы, да и не захотели бы ее делать)» [10; цит. по: 32].

Во-вторых, некоторые методологи истории стали писать о том, что прошлое не полностью заключено в текст [26; 52]. В качестве альтернативы понятиям дискурса и нарратива Анкерсмит предложил термин «исторический опыт» [3; 11; 50, р. 274].

Философ истории Мюррей Мерфи отмечает в своем исследовании «Истина и история»: «Вся теория прошлого так или иначе подтверждена оставшими свидетельствами. Теоретические сущности не есть лингвистические. То, что читатель, который думает, что читает историю Гражданской войны в США, на самом деле читает нарратив о лингвистических явлениях, созданных историком, превращает историю в посмешище. Однако свидетельства о падении Вискбурга говорят не о лингвистических явлениях, а о падении Вискбурга... Кварк невидим, но это не значит, что он только лингвистическое явление. Точно так же генералы Шерман и Грант. Ни тот, ни другой не являются исключительно лингвистическими явлениями. И погибшие в сражении за Вискбург погибли не от лингвистических пуль» [51; цит. по: 32].

В-третьих, стали популярны отсылки к количественным показателям – «большие коллективные труды, общеевропейские серии, отклики на книги» – как к свидетельствам «замечательной жизнеспособности и прежней изобретательности исторической науки» [42, с. 194–195]. Так, Анкерсмит объявил, что прогресс в историописании – это рост количества исторических работ, которые не могут быть отвергнуты, забыты спустя время и после смены парадигм [4, с. 502].

В-четвертых, оказалось, что без макроистории, метанарратива историческая наука все-таки не может существовать. Как подчеркнул Рюзен, «акцент на микроистории в условиях жизни в макроисторическом процессе выглядит как стремление отмахнуться от бросающего вызов опыта вме-

сто того, чтобы осмыслить его при помощи исторической интерпретации»¹ [41, с. 25].

Однако падению авторитета постмодернизма, как представляется, можно найти и причину политического свойства. Позволю себе предположить, что в конце XX века постмодернистская концепция истории перестала быть релевантной политическим и общественным процессам, происходящим в Европе.

Вторая половина XX века прошла под эгидой освобождения различных меньшинств, высвобождения человеческих инстинктов. Эта общественно-политическая повестка была одной из центральных в Европе, начиная с 1960-х годов. Постмодернизм дал научное, философское обоснование общества толерантности, мультикультурализма, гедонизма, различного рода раскрепощения личности, общества потребления. Но к концу 1990-х годов оказались востребованы совсем другие идеи. А именно – обоснование единства Европы, легитимация ее объединения и унификации.

Постмодернистская методология истории плохо подходила для этой задачи. Методологи истории вновь заговорили о ценности современного понимания исторического познания, однако с учетом достижений постмодерна.

На этой волне в 2000-х годах стало стремительно набирать популярность такое новое историческое направление как кросс-культурный анализ – изучение точек пересечения и взаимовлияния различного масштаба: начиная с национальных культур и заканчивая историографическими традициями. К этому направлению примыкает «перекрестная история» (“*histoire croisee*”, “*shared history*”), а также история трансферов [подробнее см.: 6].

В 2002 году под редакцией Йорна Рюзена вышла книга «Западное историческое мышление. Кросс-культурные дебаты» (“*Western Historical Thinking. An Intercultural Debate*”), в которой обсуждались принципы западного исторического мышления в противовес незападному, а также возможности для общей исторической идентичности Европы [54].

В 2004 году возникла европейская Сеть современной истории. Ее главной целью декларировалось преодоление национально ориентированных историографических традиций, активизация изучения «общеευропейской» проблематики, создание обобщающих работ по истории европейской памяти. Количество европейских институтов и журналов, являющихся участниками этого объединения, поражает воображение.

Поиск в прошлом объединяющих начал нашел отражение в первом франко-немецком учебнике истории XX века [47].

В 2006 году на II конгрессе по философии истории (II International Congress for Philosophy of History. *Rewriting Social Memory*) Рюзен выступил с программным докладом «Направленные в будущее элементы европейской исторической культуры». В этом докладе он довольно откровенно заявил, что в условиях расширения Европейского Союза перед европейскими историками встала новая задача – легитимировать единство Европы не только политически и культурно-цивилизационно, но и исторически. Процесс европейской унификации сегодня переживает кризис, говорил Рюзен: растет разочарование людей в политике расширения Евросоюза. В этой связи необходимо найти убедительные основания такой унификации, которые «находятся в исторической культуре как в процедурах и институтах интерпретации прошлого в целях понимания настоящего и выявления перспектив будущей жизни. Эти процедуры и институты включают в себя политику памяти в ее разных вариантах: таких, как обучение истории в школах, возведение памятников и монументов, функционирование исторических

¹ Об этом же пишет американский историк Аллан Мегилл в послесловии к русскому изданию книги Э. Домански «Философия истории после постмодернизма». См.: [27].

музеев, публичные дебаты о прошлом, а также эстетические репрезентации прошлого и когнитивные усилия всех академических дисциплин» [цит. по: 24, с. 23].

Кроме того, изучение профессиональными историками единого европейского пространства и общего прошлого сочетается с активным распространением специальных академических программ, ориентированных на сплочение общества в приграничных регионах (например, на границе Германии и Польши), где транснациональная общность наталкивается на «исторические травмы»¹.

Подводя итоги. Европейская историческая наука оказалась в состоянии ценностного кризиса в двух аспектах. С одной стороны, постмодернизм разгромил традиционные, доминировавшие в исторической науке с XVIII века представления о целях и возможностях исторического познания. С другой стороны, восприняв принципы постмодернизма как основополагающие, историческое познание как таковое обесценилось. В итоге постмодернистская философия истории подготовила почву для того, против чего она формально изначально выступила, – для возможности манипуляции историческим прошлым, исходя из политических задач и потребностей настоящего.

По всей видимости, именно в этом кроются причины откровенности, с которой в 2000-х годах европейские историки занялись легитимацией «европейского единства».

Литература

1. *Адамьянц Т.З.* Почему возможны двойные стандарты? // Блог Т.З. Адамьянц. Сайт Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/blog_ad_26.html
2. *Аккерманн, Феликс; Аккерманн, Якоб; Литтке, Анна; Ниссер, Жаклин; Томанн, Юлиане.* Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html>
3. *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
4. *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
5. *Бауман З.* Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4.
6. *Бибиков Г.Н., Бибикова Л.В.* Методология современной истории: историографический очерк. М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2011.
7. *Бобкова М.* Чем определяется медийный образ истории? // История.РФ. 2015. 29 апреля. URL: <http://histrf.ru/ru/uchenim/otkritoe-obsuzhdenie/post-1276>
8. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
9. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
10. *Бурдьё П.* За рационалистический историзм. URL: <http://bourdieu.name/content/za-racionalisticheskij-istorizm>
11. *Гавришина О.В.* Историческая наука в ситуации постмодерна. По материалам работы Ф.Р. Анкерсмита «Эффект реальности в трудах историков» (Обзор концепции) // Культура и общество в Средние века – раннее Новое время. Методологии и методики современных зарубежных и отечественных исследований: Сборник аналитических и реферативных обзоров / ИНИОН РАН, РГУ. М.: ИНИОН, 1998.
12. *Гавришина О.В.* История и теория, или Современный образ исторической дисциплины (Рец. на кн.: *Тош Д.* Стремление к истине. М., 2000; *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М., 2000) // Новое литературное обозрение. 2002. № 54.

¹ Подробному описанию этих программ и институтов, работающих с молодежью в данном направлении, посвящена коллективная статья немецких историков 2012 года «Прикладная история, или Публичное измерение прошлого» [2].

13. *Гавришина О.В.* История как текст. (Рец. на кн.: *Уайт Х.* Метаистория. Екатеринбург, 2002) // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
14. *Давыдов Ю.Н.* Социальная философия постмодернизма и ее садомазохистские импликации? // История теоретической социологии. Т. 4. М.: Канон-Пресс, 1997.
15. *Деррида Ж.* Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000.
16. *Деррида Ж.* Страсти // Socio-Logos`96: Альманах Российско-французского центра социологических исследований РАН. М.: Socio-Logos, 1996.
17. *Доманска Э.* Философия истории после постмодернизма. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010.
18. *Зверева Г.И.* Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсивный анализ публикаций последних лет) // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
19. *Зверева Г.И.* Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Общественные науки и современность. 2006. № 1.
20. *Иллерицкая Н.В.* Что нас ждет за «поворотами» историографии? // Вестник РГГУ. 2012. № 4. С. 276–288.
21. *Ирхин Ю.В.* Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. 2006. № 4. С. 136–161.
22. *Кукарцева М.А.* Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века // Диалог со временем. Вып. 24. М.: Едиториал УРСС, 2008.
23. *Кукарцева М.А.* Аналитическая философия истории: вчера и сегодня // Полигнозис. 2009. № 3 (36). С. 62–71.
24. *Кукарцева М.А.* Вместо введения // *Доманска Э.* Философия истории после постмодернизма. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010.
25. *Кукарцева М.А., Коломоец Е.Н.* Историография и историческое мышление (аналитический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 2. С. 31–49.
26. *Кукарцева М.А., Мегилл А.* Философия истории и историология: грани совпадения. URL: <http://refdb.ru/look/1137605.html>
27. *Мегилл А.* Послесловие к русскому изданию // *Домански Э.* Философия истории после постмодернизма. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 390–397.
28. *Миллер А.И.* Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. № 3–4. URL: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/>
29. *Молодяков В.* Историческая политика и политика памяти // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. Т. III. М.: АИРО-XXI, 2012.
30. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
31. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
32. *Олейников Д.И.* Выбираясь из зеркального лабиринта: преодоление постмодернистского подхода к истории в «нулевые» годы XXI в. // Будущее нашего прошлого: Материалы научной конференции. Москва, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 193–200.
33. *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. М., 1996.
34. *Репина Л.П.* Новая историческая наука и социальная история. М.: Издательство ЛКИ, 2009.
35. *Ринген С.* Демократия: куда теперь? // Логос. 2004. № 2.
36. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 8–25.
37. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. СПб.: Наука, 2003.
38. *Филюшкин А.И.* Постмодернистский вызов и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. Философско-культурологический журнал. 2000. № 3. С. 67–78.
39. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.

40. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999. London – Thousands Oaks – New Delhi, 2000.
41. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2004. 49. Kellner H. Describing Redescriptions // A New Philosophy of History. Edited by Frank Ankersmit and Hans Kellner. Univ. of Chicago Press, 1995.
42. Шартье Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей. 1995. М., 1995. 50. Munslow A. Deconstructing History. L.; N.Y., 2003.
43. Ястребицкая А.Л. О культурно-диалогической природе историографического // XX век: методологические проблемы исторического познания: Сборник обзоров и рефератов. Ч. 1. М., 2001. 51. Murphey M.G. Truth and History. N.Y., 2009.
44. Bauman Z. Postmodernity and Its Discontents. Cambridge, 1997. 52. Reconstructing History. The Emergence of a New Historical Society / Ed. by Fox-Genovese E., Lasch-Quinn E. N.Y.; London, 1999.
45. Breisach E. On the Future of History: the Postmodernist Challenge and Its Aftermath. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2003. 53. Rinno J. Postmodern Politics and Phenomenology of the Life-Word Capitalism, Governance and Community // World Capitalism, Governance and Community: Toward a Corporate Millenium. Abstracts of Paper Presented at the XVIII World Congress of the International Political Science Association / Ed. by J. Coakley., J. Laponce. Canada, 2000.
46. Evans R.J. In Defence of History. L., 2000. 54. Western Historical Thinking. An Intercultural Debate / Edited Jorn Rusen. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2002.
47. Geiss P., Le Quintrec G. Histoire/ Geschichte – L'Europe et le monde depuis 1945. Paris: Nathan-Klett, 2006.
48. Gibbins J., Reimer B. The Politics of Postmodernity // SAGE Publications.

Аннотация. В статье анализируется поворот европейской исторической науки к постмодернизму, его причины и последствия в контексте общественно-политических тенденций в развитии Европы последней трети XX – начала XXI века. В центре внимания – ценностный кризис европейской исторической науки, в первую очередь, философии истории, которая под воздействием постмодернизма отказалась от позитивистских представлений об объективности и истинности как основных ценностях исторического познания. В результате этого ведущие европейские методологи истории пришли к выводу, что новый смысл исторической науки состоит в установлении и поддержании общественного консенсуса по поводу тех или иных политических тенденций. В конкретных условиях начала XXI века это привело европейских историков к поиску исторических оснований единства Европы.

Ключевые слова: постмодернизм, философия истории, европейская историческая наука, историография, память, микроистория, лингвистический поворот.

Lyubov Bibikova, Ph.D. in History; Lecturer, Higher School of State Audit, Lomonosov Moscow State University; Executive Editor, The Russian Idea (politconservatism.ru). E-mail: ulianovalv@gmail.com

Postmodernism and the Value Crisis of the European Historical Science

Abstract. The article analyzes causes and consequences of the shift towards postmodernism in Europe's historiography against a background of social and political trends in Europe in the late 20th-early 21st century. The text focuses on the crisis of values

in European studies of history, and, above all, the philosophy of history, which has been driven by postmodernism to eschew classical positivist notions of objectivity and validity as the fundamental values of historical knowledge. Consequently, leading European historical methodologists have arrived at the conclusion that historical science is predominantly aimed at reaching and maintaining public consensus on various political trends. The state of affairs in the 20th century impelled European historians to search for the roots of the European unity.

Keywords: Postmodernism, Philosophy of History, Historical Science of Europe, Historiography, Memory, Microhistory, Linguistic Shift.

Л.В. Поляков. Хочу напомнить, что Юрген Хабермас именовал постмодернистов младоконсерваторами. В европейском сознании, по крайней мере в одном из мировоззрен-

ческих лагерей, феномен постмодернизма опознавался как нечто консервативное. И это очередной вызов тем, кто размышляет о консерватизме.

Проблема человеческого достоинства в прошлом и настоящем русской мысли

В 1919 году поэт-философ Вячеслав Иванов сказал: «Героический гуманизм умер. Мы ведем бой, как в былях Гомера, за тело героя, уже бездыханного, чтобы не отняли его у нас и не предали поруганию одичалые полчища бесноватых, чтобы нам досталось умастить его, и оплакать, и похоронить, и великомерно восславить на грядущих тризнах» [3, с. 377]. Именно эти слова хочется вспомнить ныне, когда встает вопрос о переосмыслении в современной политической и философской мысли культурных европейских ценностей, связанных с концепцией прав человека, в основе которых, безусловно, лежат христианские ценности, согласно которым человек мыслится как существо, сотворенное Богом и заключающее в себе образ и подобие Божие.

В современной культурной и мировоззренческой парадигме происходит роковая подмена. Так, словом «достоинство» (римское *dignitas*) в Швейцарии называют клинику, которая осуществляет узаконенную эвтаназию, или ассистируемое самоубийство, куда человек после определенных собеседований с врачами может прийти для того, чтобы своевольно закончить свою жизнь (<http://www.dignitas.ch/>). Богата на подмены, например, и современная Украина. В 2014 году Майдан был назван «революцией достоинства». И сегодня на Украине также много говорят о достоинстве, о европейских ценностях, стремятся присоединиться к ним. Но при этом убивают свою культурную и интеллектуальную элиту, постоянно люстрируют то самое человеческое достоинство. И в действительности не превозносят, а унижают его.

Тема человеческого достоинства (*dignitas*) восходит к римскому праву. Из стоимости денежного знака «достоинство» превратилось в фундаментальную категорию прав человека, а разное достоинство монет трансформировалось в представление о неотъемлемом достоинстве, обусловленном равенством в правах. Но в отличие от стоимости денежного знака достоинство человека, приравненное к фундаментальным правам личности, не подлежит количественному измерению.

Вместе с тем оно является категорией, наиболее трудно обосновываемой с точки зрения фундаментальных прав, так как само является источником, фундамирующим другие права человека. В такой парадигме достоинство человека следует отличать от тех достоинств, что противостоят недостаткам, и от достоинства как цены или ценности, а также от достоинства как места или уровня в иерархической структуре – княжеского достоинства, архиерейского достоинства, ангельского достоинства и т.д.

Козырев Алексей Павлович, кандидат философских наук, заместитель декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе, доцент кафедры истории русской философии. E-mail: a.kozyrev@bk.ru

Достоинство человека не тождественно наличию у него ряда достоинств – знанию иностранного языка или умению играть на скрипке, способности быть верным другом или навыкам быстрого счета в уме. Человек может уронить или даже потерять свое достоинство, но никто не вправе лишить человека его. Если человек, по словам Протагора, является мерой всех вещей, то достоинство можно охарактеризовать как меру человечности.

В системе прав человека человеческое достоинство реализуется и защищается правом человека на достойное существование. В русской мысли об этом праве впервые заговорил Владимир Соловьев. Отвечая на анкету французского журналиста Жюль Юре о социальном вопросе в Европе (1892), он писал: «Каждому человеку присуща внутренняя ценность, и он обладает неотъемлемым правом на существование, соответствующее его человеческому достоинству» [4, с. 445]. Соловьев определяет данное право как в более общих формулировках – «право на существование, соответствующее человеческому достоинству», «право на достойное человеческое существование», «право на необходимые средства для достойного человеческого существования», – так и применительно к имущественным правам – «право на достойный уровень жизни», «право на минимум благосостояния», «право на достаточный заработок и сбережения».

Сторонник тесной связи права и нравственности, считавший, что право закрепляет «минимум Добра», необходимый для того, чтобы жизнь людей «до времени не превратилась в ад», Соловьев видит общий механизм реализации права на достойное существование в сочетании справедливости как существенной идеи права и милосердия, являющегося нравственным законом человеческого общения. Соловьев не противопоставляет справедливость и милосердие, но, напротив, сближает их.

Нераздельность этих двух альтруистических правил обусловлена общим нравственным мотивом – чувством жалости, выражающимся в признании чужого права на жизнь и благополучие. Именно в жалости Соловьев видит одно из первоначальных данных нравственности, полагая, что государство является «организованной жалостью»¹.

Не случайно именно слова Соловьева (правда, без упоминания их авторства) встречаются в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000) [1], в разработке которой принимала участие группа церковных и светских интеллектуалов и ученых: «Задача светского закона – не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад».

Кстати, недавно мы принимали на философском факультете МГУ французского политика Ивана Бло, который был парламентарием, высокопоставленным чиновником Министерства внутренних дел Франции, а сейчас является советником Николя Саркози. И он сказал, что учит русский язык для того, чтобы читать Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, и что этот документ неплохо бы перевести на все европейские языки. «Потому что у нас во Франции – сказал Иван Бло, – такого документа о правах человека просто нет».

Понятие достоинства является одним из знаковых в этом документе. Упоминания о нем встречаются главным образом в главе X «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности». Данный документ связывает человеческое достоинство с образом Божиим в человеке, давая, таким образом, теологическое основание понятиям естественного права. То есть естественное право опирается на Божественный закон. «Церковь исходит из основанных на

¹ Истоки философии права Вл. Соловьева и ее теоретические основания досконально рассмотрены в книге Е.А. Прибытковой [5].

Божественном Откровении представлений о жизни как бесценном даре Божию, о неотъемлемой свободе и богоподобном достоинстве человеческой личности» [1].

Речь в документе идет о равном достоинстве полов, о достоинстве у душевнобольных, о достоинстве эмбриона как основании неприятия абортов, о достоинстве врача, «призванного к сохранению, а не пресечению жизни». Документ ссылается на свт. Григория Нисского, видевшего задачу человека в том, чтобы «показать свое царское достоинство не в господстве и насилии над окружающим миром, но в “возделывании” и “хранении” (Быт. 2:15) величественного царства природы, за которое он ответственен перед Богом» [1].

В имеющей место в современном обиходе риторике человеческого достоинства понятие «достоинство» может использоваться как аргумент против допустимости эвтанази, если речь идет о религиозно ориентированной этике, так и как аргумент за эвтанази, если апеллируют к этике светского гуманизма, ориентированной на стоические принципы. Сегодняшняя реальность имеет тенденцию к тому, что ценности античного гуманизма (они же и ценности возрожденческого гуманизма) становятся превалирующими над ценностями христианского гуманизма.

Следующим документом, который развивает «Основы социальной концепции» в этом плане, являются «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека». Этот документ был принят Архиерейским собором в 2008 году, и я являлся членом рабочей группы по его подготовке, которую возглавлял митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл, нынешний Патриарх Московский и всея Руси.

Если в «Основах социальной концепции» 2000 года слово «достоинство» упоминается 16 раз, то в документе 2008 года, несмотря на его меньший объем, оно употребляется 45 раз. С чем связана трактовка человеческого достоинства в этом документе? Прежде всего с тем, что достоинство не вменяется человеку в заслугу. Оно дано ему Богом, но не является заслугой самого человека. И то, насколько человек это достоинство поддерживает и сохраняет, теснейшим образом связано с нравственным обликом его личности.

Вот что в этом документе записано: «Богоданное достоинство подтверждается наличием у каждого человека нравственного начала, которое опознается в голосе совести... Именно поэтому присущие человеческой природе нравственные нормы, как и нравственные нормы, содержащиеся в Божественном Откровении, обнаруживают замысел Божий о человеке и его предназначении» [2].

Что же, получается, безнравственный или преступный человек не имеет достоинства? Нет, конечно, имеет. Человеческое достоинство нельзя отнять, точно так же, как монету можно затоптать в грязь, но нельзя лишить ее достоинства, которое обозначается гербом или портретом императора на этой монете. Но человек сам может уронить свое достоинство, оказаться недостойным, испытывать и остро переживать свое достоинство. Для религиозного человека это происходит в покаянии, где человек признает себя недостойным. Для человека неверующего это может происходить в раскаянии, муках совести, некоем подобии исповеди, в творчестве, литературном труде, общении с близкими.

Так или иначе, сознание человека, который чувствует свое достоинство ущемленным или уроненным, никак не вызвано тем, что мы можем ставить под сомнение сам концепт неотъемлемости человеческого достоинства. На этом основано и наше отношение к падшим, наше отношение к преступникам, которые народным сознанием всегда назывались «несчастливыми» и наделялись деятельной жалостью. На этом основано и то, что наказание, сколь суровым бы оно ни было, не должно унижать человеческой личности, а места отбывания на-

казаний должны соответствовать минимальным требованиям благоустройства быта и гигиены заключенных.

В Соединенных Штатах Америки одной из излюбленных тем прикладной этики сегодня является спор о том, можно ли пытаться террористов. Общий вывод, что – да, скорее можно, чем нельзя. Потому мы должны напоминать о том, что нет двойных стандартов, то есть если мы признаём человеческое достоинство, то, например, нельзя никого – ни чиновника, ни дворника – катать в мусорном бачке и забрасывать тухлыми яйцами. И уж тем более радоваться человеческой смерти, как это часто делают сегодня некоторые украинские политики.

Всё это свидетельствует о том, что человеческое достоинство бывает поругано в современном мире, причем там, где больше всего апеллируют, казалось бы, к нему, и России, русской мысли принадлежит честь это достоинство защитить. Это общая наша с вами задача.

Литература

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / Архиерейский собор 2000 г. // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>
2. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека / Архиерейский собор 2008 г. // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>
3. *Иванов Вяч.* Кручи (Кризис гуманизма) // *Иванов Вяч.* Собрание сочинений: в 4 т. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1979. Т. 3.
4. *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2.
5. *Прибыткова Е.А.* Несвоевременный современник. Философия права В.С. Соловьева. М.: Модест Колеров, 2011.

Аннотация. Тема человеческого достоинства (*dignitas*) восходит к римскому праву. Из стоимости денежного знака «достоинство» превращается в фундаментальную категорию прав человека, а разное достоинство монет трансформируется в представление о неотъемлемом достоинстве, обусловленном равенством в правах. Если человек, по словам Протагора, является мерой всех вещей, то достоинство можно охарактеризовать как меру человечности. В системе прав человека человеческое достоинство реализуется и защищается правом человека на достойное существование. В русской мысли об этом праве впервые заговорил Вл.С. Соловьев. Отвечая на анкету французского журналиста Жюль Юре о социальном вопросе в Европе (1892), он писал: «Каждому человеку присуща внутренняя ценность, и он обладает неотъемлемым правом на существование, соответствующее его человеческому достоинству». Понятие достоинства является одним из знаковых в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000), упоминания о нем встречаются в главе X «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности». Ценность человеческого достоинства была отмечена и в документе «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008), непосредственно посвященном анализу концепции прав человека.

Ключевые слова: человеческое достоинство, нравственность, права человека, неотъемлемость достоинства, личность.

Alexey Kozyrev, Ph.D. in Philosophy; Deputy Dean, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, Department of History of Russian Philosophy, Lomonosov Moscow State University. E-mail: a.kozyrev@bk.ru

The Issue of Human Dignity in the Past and Present of Russian Thought

Abstract. The concept of human dignity (dignitas) dates back to Roman law. Originally denoting “worthiness”, the word “dignity” now stands for a fundamental category of human rights, with the coins’ value evolving into inherent dignity, ensured by equal rights. To cite Protagoras, if man is the measure of all things, dignity can be described as the measure of humanity. The human rights system promotes and protects human dignity through the protection of one’s right to a decent life. Vladimir Solovyev was the first Russian thinker to speak about this right. In his reply to French journalist Jules Huret’s questionnaire on social issues in Europe (1892), he wrote: “There is an intrinsic value in every human being, and one possesses an inalienable right to an existence, which is commensurate with one’s human dignity”. The concept of dignity is one of the pillars of “The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church” (2000), with references to it made in Chapter X “Personal, family and public morality”. This document links human dignity to the human individual being in the image of God, through this establishing the foundation of true theonomous ethics, natural law. The value of human dignity has also been mentioned in the “Russian Orthodox Church’s Basic Teaching on Human Dignity, Freedom and Human Rights” (2008), which specifically examines the concept of human rights.

Keywords: Human Dignity, Morals, Human Rights, Inherent Nature of Dignity, Personality.

Л.В. Поляков. Два последних доклада адресуют нас к следующей сессии. И Любовь Бибикина, и Алексей Козырев связали традицию с простыми и прагматичными выводами. Любовь Владимировна утверждала, что постмодернизм как философия стал бэкграундом для появления идеологии двойных стандартов

в западной внешнеполитической практике. Алексей Павлович напомнил о том, что произошло на Украине в минувшем году и получило гордое наименование «революция гидности», по-русски – «революция достоинства». Однако практика этой революции абсолютно и постоянно недостойна.

На страже традиционных ценностей – в Европе и России

{ Актуальная секция }

Я.И. Ваславский
Россия и Европа: на очередном перепутье

Себастиано Маффетоне
Кризис либеральной демократии

Б.И. Макаренко
И с мест они не сойдут?..
(Консерватизм на Западе и в России)

К.С. Бенедиктов
Россия – Франция: возможен ли консервативный союз?

А.А. Закутин
Современный консерватизм Великобритании и России:
точки возможного консенсуса

М.В. Ремизов. *Коллеги, в рамках первой секции мы прикоснулись к тому, что можно назвать консерватизмом истоков – к раннему консерватизму, – особенно в первых двух докладах, которые были посвящены воссозданию мотивов консервативной реакции на Просвещение и Французскую революцию.*

Они были интересны тем, что воссоздали ту степень взаимной эмоциональной враждебности между консерваторами того времени и носителями идей Просвещения и реформизма, в том числе в самых неприглядных проявлениях и последствиях этих идей. Но потом эта взаимная враждебность сменилась чем-то другим. Она сменилась тем, что можно назвать сложным конфликтным симбиозом между идеями консерватизма и идеями Просвещения. И если мы посмотрим на эту пару не из начала XIX века, а из начала XXI века, то увидим, что современная эпоха, эпоха европейского Модерна, стала плодом сотворчества идей Просвещения и консервативной реакции на эти идеи Просвещения. Есть такой, наверное, один из самых значительных ныне живущих консервативных мыслителей, Курт Хюбнер, который довольно точно заметил, что современное национальное государство – это не дитя Просвещения, это одновременно дитя Просвещения и политического романтизма. Под традицией политического романтизма он понимает консервативную политико-идеологическую традицию.

Чему будет посвящена вторая секция? Она будет посвящена тем вызовам, которые адресуются и которые разрушают это совместное детище консерватизма и Просвещения, разру-

шают национальное государство, разрушают классические европейские ценности, в которых есть и представление о достоинстве человека, и представление о национальном суверенитете, и представление о социальной солидарности, и представление о культурной однородности, культурной целостности общества. Все эти представления, в той или иной степени, начинают в конце XX века размываться. По ним идут трещины. Сначала это революция контркультуры 1968 года, бросившая вызов тому образу и человеку, и цивилизации, который лежал в основе классических европейских ценностей зрелого европейского Модерна. Потом это неолиберализм и экономическая глобализация. Затем то, что можно назвать неомпериализмом и философией вмешательства в исполнении Соединенных Штатов, а также философия наднационального и транснационального интеграционного проекта в исполнении брюссельской Европы.

Все эти разноплановые вызовы зрелым классическим европейским ценностям и составляют, как мне представляется, повестку сегодняшнего консерватизма. И мы поговорим о тех политических силах, которые реагируют на эти вызовы – и в России, и в западных странах.

У нас будет несколько смысловых блоков. Сначала мы попытаемся воссоздать классическую тему России и Европы на ее современном этапе, симптомы кризиса этих отношений и кризиса самих проектов – образа России и образа Европы. Потом попытаемся бросить сравнительно-исторический и сравнительно-идеологический взгляд на консерватизм русский и консерватизм западный.

Россия и Европа: на очередном перепутье

Статья состоит из двух смысловых частей. Во-первых, речь идет об эволюции концепта единой Европы, без понимания которого невозможна реализация эффективной внешней политики в отношении как отдельных европейских государств, так и Евросоюза в целом. Во-вторых, предпринята попытка оценить современное состояние и перспективы российско-европейских отношений.

Признавая наличие значительного многообразия в рамках Европейского Союза, следует все же указать на долгую историю теоретико-идеологического оформления единой Европы. Это – процесс, который нельзя не признавать или не замечать. Он не отменяет европейского разнообразия, но обосновывает существование современных общеевропейских институтов.

Понимание того, почему же в принципе возможна единая Европа (и насколько она возможна), начинается с эпохи Наполеона Бонапарта. В основе масштабного проекта французского императора лежала идея создания «большой Европы» во главе с наиболее развитой, по мнению завоевателей, Францией. Одновременно взгляды и действия Наполеона обусловили формирование и развитие рядом европейских деятелей науки и культуры альтернативного видения Европы и ее будущего. Эти две перспективы оказали на дальнейшее развитие европейского континента весьма значительное влияние. Оно ощущается и в наши дни, находя свое выражение, в том числе, в идеологическом фундаменте Европейского Союза.

Первая разновидность коллективной европейской идентичности связана с амбициозными устремлениями французских революционеров, а также режимов термидорианцев и Наполеона Бонапарта. Она основывалась на убеждении, что поскольку Европа являлась наиболее цивилизованной частью света, а Франция – наиболее цивилизованной страной континента, то аналогичные реформы и модернизация Европы должны привести к появлению единой Европы. Необходимо напомнить, что после битвы при Бувине в 1214 году Франция стала первой и веками оставалась единственной великой державой средневековой Европы. К 1789 году она была самой населенной страной континента, имела богатое культурное наследие и широкое разноплановое влияние [1, р. 354–355].

Продолжая завоевания, французские политики и военачальники не могли полностью освободиться от универсалистских и, по сути, пацифистских убеждений якобинцев. В конечном счете империя стала формой разрешения этого противоречия и своеобразной формулой, которая позволила Наполеону Бонапарту совместить приверженность превосходству Франции с единством ев-

Ваславский Ян Ильич, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории факультета политологии МГИМО, руководитель Международного аналитического центра "Rethinking Russia". E-mail: vaslavsky@yandex.ru

ропейских народов. Наполеон полагал политику модернизации и административной унификации преимуществом своего режима, а также основанием его исторической легитимности.

С одной стороны, можно утверждать, что Наполеон уверенно подхватил знамя универсализма, или всеобщности, у своих предшественников и старался позиционировать себя как «универсального монарха» [2, р. 306]. С другой стороны, все клише, которые получили режим и политика Наполеона, – «универсальная империя», «универсальное доминирование» и т.д. – во многом обусловлены реакцией европейской политической элиты на агрессивные внешне-политические действия Бонапарта.

Альтернативное видение общего «европейского дома», возникшее в результате революционных событий во Франции, предложили философы-либералы, не принявшие наполеоновскую имперскую модель. Основное отличие такого видения заключалось в неприятии амбициозных военных планов французских правительств. В своей критике продолжительной военной кампании и ее разрушительных последствий авторы концепции в конечном счете поставили под сомнение космополитические идеалы, которым были столь привержены наиболее влиятельные идеологи Просвещения.

Основные черты антиимпериалистского подхода изложены в работах А. де Сталь и Б. Констана. В произведениях мадам де Сталь акцент сделан на национальную специфику в рамках европейской культуры и философии, в том числе на вклад в континентальное наследие итальянских, испанских, германских и английских деятелей, который, по ее мнению, был малоизвестен и потому недооценен в самой «виновнице торжества» – Франции. Автор придерживалась идеи Монтескье о благотворном влиянии смешения народов севера и юга Европы, породившем разносторонность европейской культуры и многообразие национальных традиций, культурных особенностей и талантов.

Революционные процессы во Франции и последовавшие военные кампании в этом контексте рассматривались как прежде всего заведомо непродуктивная попытка одностороннего навязывания культурных ценностей одной страны целому континенту.

В то время как древние империи уважали традиции и обычаи покоренных народов, оставляли им возможность культурной автономии, в рамках имперской модели XIX века активно насаждались монополия и однообразие в сферах государственного управления, права, культуры и даже языка. Чтобы представить себе масштабы такого подавления, достаточно вспомнить, что правители Священной Римской империи управляли подданными, говорившими на большом количестве разных языков, при этом сами императоры нередко знали несколько языков. Так, говорят, что Карл V Габсбург разговаривал на испанском с Богом, на французском – с любовницей, а на немецком – со своей лошадью.

Подавляя местные особенности, имперская модель оказывала разрушающее влияние на идентичность, чувство собственного достоинства покоренных народов, лишала их воли к сопротивлению и делала из них пассивных объектов реализации политических и военных амбиций завоевателей, готовых к восприятию любых сигналов [3, р. 73–74].

В противовес «силовому» однообразию наполеоновской империи Констан предлагал идею ассоциации европейских наций, связанных торговыми интересами, а также общим стремлением к свободе и миру. Безусловно, военные кампании Наполеона Бонапарта продемонстрировали европейским правительствам множество опасностей революций и несдерживаемых имперских амбиций. Одновременно в континентальной политике показала свою нежизнеспособность модель XVIII века, в рамках которой произвольный, даже спонтанный баланс между европейскими державами, реализующими свои национальные

интересы, поддерживался исключительно торговым и военным соперничеством. Стало очевидно, что такое видение является нереалистичным и столь же утопичным для девятнадцатого и будущих веков, как идеалы всеобщего братства и мира, предложенные идеологами Просвещения.

Таким образом, Европе требовалось создание системы безопасности и развития, которую можно было бы контролировать и регулировать на континентальном уровне. Нежелание континентальных грандов возвращаться к старой и, по сути, самоуправляющейся системе отношений между европейскими государствами образца XVIII века свидетельствовало о появлении нового видения будущего Европы, которое стало достойным ответом наполеоновскому империализму. При этом следует учитывать, что формирование новых идеологических позиций было бы невозможным без самого Наполеона и его яркой политической и военной карьеры.

Необходимо отметить, что новая модель Европы, созданная по результатам Венского конгресса с преобладанием интересов великих держав в ущерб малым государствам, имеет очень мало общего с концепцией А. де Сталь и ее сторонников, в рамках которой север и юг Европы объединяются и «смешиваются» ради общего мира, свободы и сотрудничества.

Можно утверждать, что войны и прочие конфликты в Европе в XIX веке явились продолжением противостояния двух рассмотренных идеологических перспектив. Вместе с тем, Венский конгресс стал своеобразной «точкой невозврата» в процессе формирования современных представлений о Европе. То, что появилось в XVIII–XIX веках в плане идеологического оформления единой Европы, находит свое отражение и в наши дни.

Вспоминая о юбилее Венского конгресса, приходится констатировать, что повестка дня в стержневой своей сущности практически не изменилась. Если два века назад победа России и ее союзников позволила установить в Европе мир на несколько десятилетий, то сегодня на фоне неопределенности, по сути, продолжающейся с момента распада Советского Союза и окончания холодной войны, все чаще звучит вопрос: как долго еще нужно ждать, чтобы мир вернулся к своему «нормальному» состоянию. И действительно: почему за два с лишним десятилетия после окончания холодной войны конфликтогенный потенциал мировой политики не только не исчерпал себя, но, очевидно, продолжает накапливаться?

Дело в том, что после завершения холодной войны в мировой политике возникли опасные иллюзии, которые предопределили многие из нынешних сложностей и тупиков. Среди таких иллюзий – однополярный мир, а также делимость глобальной безопасности. В начале 1990-х годов фактически был сделан выбор в пользу консервации старой системы при допущении всплесков локальной и региональной нестабильности.

Эти правила худо-бедно позволяли консервировать ситуацию до недавних пор, несмотря на очевидные провалы односторонних подходов в международных делах, которые мы видели на примере военных операций в Ираке, Ливии и в других случаях.

Распад СССР действительно стал крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Она повлекла за собой не только появление на мировой арене полутора десятков новых государств, но и обострила десятки ранее латентных конфликтов.

Многие из таких конфликтов уже успели занять свое место в повестке взаимоотношений России и Запада, России и Европы. Однако если ранее эти конфликты не сказывались критичным образом на взаимодействии Москвы и европейских столиц, то украинский кризис привел к самым серьезным последствиям, включая взаимные санкции и де-факто заморозку отношений по многим направлениям.

Возвращение России в авангард мировой политики, укрепление ее позиций и все более уверенно звучащий внешнеполитический голос имеют место одновременно с попытками Запада перекроить в одностороннем порядке архитектуру европейской безопасности, окончательно лишив Россию тех гарантий, которые она (еще как СССР) получила четверть века назад от своих партнеров. Параллельно происходящее размывание ценностей, о котором уже неоднократно говорили здесь коллеги, пренебрежение важнейшими принципами внешнеполитической деятельности, ценностью данного слова и гарантий, практически не оставляет сегодня возможности для возвращения отношений к уровню прошлого десятилетия.

Как и ранее в XX веке, сильнейшее влияние на российско-европейские отношения продолжает оказывать третья сторона – США. Оно, очевидно, отражается на внешнеполитическом курсе европейских государств, вплоть до возможности прямого вмешательства во внешнюю политику конкретного государства.

Существует ли выход из сложившейся ситуации, который позволил бы нормализовать российско-европейские отношения? Вероятно, да, но он крайне сложен, долгосрочен и неразрывно связан с необходимостью ограничения влияния третьих стран на дела континента. Иными словами, при сохранении существующего давления со стороны США весьма сложно представить себе нормализацию ситуации в Европе и создание благоприятных условий для восстановления отношений.

Вместе с тем, есть хорошая поговорка о том, что счастье достигается на контрастах. В этой связи мы должны помнить, что любое развитие возможно только через кризис. Иными словами, развитие неотделимо от понимания кризиса и прохождения через кризисные этапы истории. Существующий кризис в отношениях России и Европы нужно воспринимать как шанс для серьезного разговора о новой архитектуре европейской безопасности, крайне желательно – без назойливых посредников.

Почти двадцать пять лет после распада СССР таких разговоров, по сути, не велось. Россию считали «младшим партнером», дружески «похлопывали по плечу». Но по-настоящему конструктивный разговор возможен только на равных. Если получится провести его в обозримой перспективе, это станет одним из наиболее важных достижений внешней политики европейских стран и России на современном этапе развития.

Литература

1. *Geiss I.* European Revolutions and the European System // *History of European Ideas*. 1989. Vol. 11 (1–6). P. 351–358.
2. *Dwyer P.* Napoleon and the Universal Monarchy // *History*. 2010. Vol. 95. Issue 319. P. 293–307.
3. *Fontana B., ed.* The Political Writings of Benjamin Constant. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Аннотация. В статье анализируется эволюция концепта единой Европы со времен Наполеона Бонапарта. Автор рассматривает две концепции европейской континентальной политики и развития, предложенные, соответственно, сторонниками Бонапарта и философами, не принявшими наполеоновскую имперскую модель.

Кроме того, в публикации предпринята попытка проанализировать текущее состояние российско-европейских отношений с учетом эволюции концепта единой Европы.

Ключевые слова: Франция, Наполеон Бонапарт, панъевропейская идея, наполеоновские войны, Россия и Европа, российско-европейские отношения.

Yan Vaslavsky, Ph.D. in Political Science; Associate Professor, Department of Political Theory, Faculty of Political Science, MGIMO University; Head of the International Research Center "Rethinking Russia". E-mail: vaslavsky@yandex.ru

Russia and Europe: A New Crossroads

Abstract. The article analyses the changing concept of united Europe from the times of Napoleon Bonaparte. The author ponders on two visions of European politics and development promoted by advocates of Napoleon Bonaparte and philosophers who eschewed the Napoleonic imperial model, respectively.

Moreover, the article seeks to study the current relations between Europe and Russia given the changing concept of united Europe.

Keywords: France, Napoleon Bonaparte, Pan-European idea, Napoleonic Wars, Russia and Europe, Russian-European Relations.

М.В. Ремизов. Проблема только в том, что дипломатические прорывы, типа Венского конгресса и Ялты, случались после больших войн. Интересно, можно ли по-другому?

Нередко вспоминают фразу Путина относительно того, что крушение Советского Союза было

геополитической катастрофой. Примечательно, что первым эту мысль из крупных государственных деятелей высказал не Путин, а Джордж Буш-ст., практически в такой же формулировке. Мир стал более опасным после крушения Союза, в том числе для Европы.

Кризис либеральной демократии / *The Crisis of Liberal Democracy*

Хотел бы сердечно поблагодарить организаторов конференции за приглашение. Как философ я занимаюсь преимущественно Кантом и его работами, поэтому легко понять, сколь важно для меня было приехать в этот город, первый раз в жизни. И меня весьма интересует современная российская политология, и я многое хотел бы понять в ней.

Сегодня я представлю результаты своих размышлений в области сравнительной политологии. Впрочем, любое направление политологии является в той или иной степени сравнительным. Что происходит, когда мы занимаемся политологией? Мы берем различные теории и сравниваем одну с другой. Возьмем, к примеру, знаменитую работу Джона Ролза «Теория справедливости» («A Theory of Justice»). По большому счету, Ролз является наиболее значительной фигурой в политологии за последние по крайней мере сорок лет. И что же он делает в работе? Он сравнивает свою теорию справедливости – равенства – с тоталитаризмом. Это сравнение неотделимо от представлений «атлантического» мира. Тоталитаризм имеет англо-американские корни, понятие «справедливость» также восходит к американской или англо-американской мысли. То есть сравнение делается в одной плоскости – в контексте англо-американской политической мысли.

Рационально ли в условиях глобализации разрабатывать свою политическую теорию именно в таком ключе? Но такой подход не работает, не может работать. Ганди, мой самый любимый философ, учил уважать все точки зрения. Такие страны, как Китай, Индия и Россия, настолько важны, что делать вид, что игра ведется исключительно в «атлантической» плоскости, неправильно. Постараюсь логически обосновать свое мнение.

Моя аргументация строится и на знаниях из современной российской политической теории, но в этой аудитории я не буду занимать время общеизвестными сюжетами. Хотел бы только отметить, что российские исследования совершенно недостаточно переводятся на английский язык, а русским языком в Европе владеют немногие. Я мог бы сам попробовать перевести антологию современной российской политической мысли, но мне нужна опора, нужны

Себастиано Маффетоне, профессор, декан факультета политологии Римского университета ЛУИСС, где преподает политическую философию и теории глобализации. В 2013 году увидел свет его монография «Un mondo migliore: Giustizia globale tra Laviatano e Cosmopoli» / «К более совершенному миру: глобальная справедливость между Левиафаном и Вселенским городом» (Roma: Luiss University Press, 2013). E-mail: smaffettone@luiss.it

Sebastiano Maffettone is University Professor and Dean of the Political Science Faculty at Luiss “G. Carli” University of Rome, where he teaches Political Philosophy and Theories of Globalization. His work “Un mondo migliore: Giustizia globale tra Laviatano e Cosmopoli” / “A Better World: Global Justice between Leviathan and Cosmopolis” was published in 2013 (Roma: Luiss University Press). E-mail: smaffettone@luiss.it

лучшие образцы политической мысли, чтобы я мог представить их итальянской общественности.

Другая часть моих аргументов связана с тем, что западная политическая мысль переживает тяжелые времена. Она находится в упадке. И нам нужна своего рода поддержка извне, о чем я буду еще говорить. Возможно, нам удастся опереться на российскую политическую теорию. Возможно, такая попытка рискованна – повторяюсь, я слишком мало знаю современную российскую политическую теорию. Но, уверен, это было бы интересно. Вы прекрасно знаете, что западным мыслителям свойственно искать источники вдохновения за границей. Это вполне современный подход. Взять хотя бы ту же «Теорию справедливости» Ролза. Почему бы не подступить аналогичным образом? Учитывая, что основы демократии на Западе сейчас пошатнулись, почему бы не заимствовать зарубежные идеи, чтобы сделать европейскую модель вновь конкурентоспособной и привлекательной? Думаю, что сотрудничество в этой сфере может представлять взаимный интерес в рамках открытого диалога, на что и нацелена наша конференция.

Начнем с того аспекта, понимание которого мне самому хотелось бы углубить. По словам Ролза, я сейчас пребываю «за плотной завесой невежества», но в другом смысле, конечно. Думаю, евразийская модель может стать хорошей отправной точкой. Потому что она сочетает теорию и практику, идеалы и власть в одном дискурсе. И это важно.

У меня есть две цитаты: одна из них взята из речи президента Путина, которую он произнес на встрече дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 году. Сказав, что в XXI веке мы сталкиваемся с серьезными пертурбациями и изменениями, он отметил, что «Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов» и что «евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферией для Европы или для Азии»¹. Соответственно, важной целью Евразийского союза является создание независимого и процветающего постсоветского пространства.

Автором второй цитаты является министр иностранных дел Сергей Лавров, который сказал, что «мир движется в сторону некой унифицированной модели, представляющей из себя бесчисленные слепки с западного образца с некоторым добавлением местного фольклора»².

Мысль Лаврова проста и точна: чтобы избежать привязки к фольклору, русская культура должна быть евразийской, евроазиатской. Они выбрали очень удачное с точки зрения формы и смысла название этому явлению – «фактор цивилизационной идентичности». И я думаю, что это имеет много общего с Бердяевым и нашей конференцией.

Мы можем назвать эту евразийскую модель интеграционной в том смысле, что в ее рамках объединены идея союза стран Евразии и политический курс – курс, который нацелен на то, чтобы сделать русскую культуру, русскую нацию, независимой от остальной части мира, в особенности от Запада. Эта теория восходит по крайней мере к трем различным источникам.

Во-первых, к идее Карла Шмитта о «земле и море». Это является отличительной чертой рационализма. Эта идея практически напрямую отсылает нас

¹ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай», 19 сентября 2013 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

² Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на юбилейной международной конференции «Россия в мире силы XXI века», приуроченной к 20-летию Совета по внешней и оборонной политике и 10-летию журнала «Россия в глобальной политике», Москва, 1 декабря 2012 года. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/30011D027DECDBF844257AC7003D39D0

к работе Карла Шмитта «Номос Земли» (“The Nomos of the Earth”). Во-вторых, значимость культурных отличий. Я имею в виду культурный релятивизм: чтобы оставаться собой, вы должны сохранять свои корни. Это значимый фактор в предложенной евразийской модели. В-третьих, политический аспект. Этот евразийский проект носит открыто антигегемонистский характер, то есть выступает против гегемонии Запада и, в частности, США. Поэтому в нем заложена мысль о сохранении идентичности, которая восходит к традициям азиатских стран и отличается от идентичности стран «атлантического» мира. И именно в этом аспекте сочетаются два фактора: евразийская культура и политика. Корни евразийской модели уходят в 1920-е годы, но есть и современное направление. Думаю, что ряд идей можно задействовать для укрепления либеральной демократии. Не все, конечно, но некоторые наверняка.

Далее я хотел бы показать суть «самой лучшей политической культуры». Но это почти невозможно, по ряду причин. Прежде всего потому, что не существует такого понятия, как Запад. Я католик из средиземноморского города Неаполя, и я совсем не похож на американца. Скорее уж на русского или североафриканца. Понятие «западный» не менее расплывчато, чем понятие «восточный».

Еще сложнее определить, какие идеи на Западе самые лучшие. Сильно упрощая, приведу в качестве примера мыслителей, чей вклад в развитие либеральной демократии в минувшем веке я считаю огромным и с которыми знаком лично, – Ю. Хабермаса и Дж. Ролза. Европейская модель находится в упадке, в упадке на практике. Значимым фактором являются сомнения таких важных игроков, как Россия, Китай и Турция, по поводу данной модели. Но дело не только в этом. В западном мире эта теория тоже сталкивается с трудностями. Взять хотя бы США – «оплот» либеральной демократии. События в тюрьме Гуантанамо говорят сами за себя. Пусть происходят они на Кубе, но речь все равно идет о США. Эта модель не работает в Италии, Испании и Англии. Она должна там работать, но не работает. Поэтому в адрес либеральной демократии звучит множество критических замечаний. Все постмодернистские традиции критикуются, как и традиции Просвещения и их производные, традиции либеральной демократии.

В заключение хотел бы обозначить причины, побуждающие меня утверждать, что мы можем извлечь из евразийской модели полезные аспекты, которые помогут преодолеть кризис нашей модели. Либеральная демократия не может применяться повсеместно, так как в ней не отражены различия в культурах. Я называю это термином «плюралистическая интеграция». Либеральная демократия должна опираться в значительной мере на атмосферу, культуру, традиции и религии. В противном случае она не будет работать вообще.

Перевод с английского Н.В. Панич

М.В. Ремизов. Хотел бы акцентировать мысль о том, что российский политический проект на северо-евразийском пространстве является по своему духу и замыслу антигегемонистским. Это не всегда заметно со стороны, но это довольно точно отражает наши мотивы, то есть они касаются прежде всего сохранения суверенитета, а не установления преобладания.

И в целом даже евразийскую интеграцию можно рассматривать с точки зрения мотива всех ее участников как способ сохранить максимум возможного суверенитета в современном мире за счет взаимной поддержки. И второе: он антигегемонистский – в смысле сопротивления монополизации международного права западными столицами.

И с мест они не сойдут?.. (Консерватизм на Западе и в России)

В заголовке доклада – цитата из второй строки известного стихотворения Редьярда Киплинга. Но востоковеды больше любят третью и четвертую строки:

Но Востока нет и Запада нет: что племя, родина, род,
Когда сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?

Напомню, что в этом стихотворении сын английского полковника и афганский конокрад Камал становятся друзьями и побратимами. Думаю, такой посыл вполне адекватен для сравнения российского и европейского консерватизма.

В настоящем докладе под западным консерватизмом подразумеваются политические течения, политические силы, а не вся западная консервативная философия. Мы говорим о некоем медианном западном консерватизме, при том что каждая «национальная модель» политического консерватизма уникальна и может существенно различаться от страны к стране. Кроме того, если не указано иначе, мы описываем тот консерватизм, который у нас принято называть «мейнстримом» [см., напр.: 1], а не «новый» консерватизм или «новых правых» [2].

Наконец, еще одно важное уточнение. Мы акцентируем внимание на различиях, а не сходствах западного консерватизма и российского, потому что если вести речь об общих ценностях, общем наследии, то придется подчеркивать различия в интерпретациях и трактовках этих ценностей в Европе и России.

Первое различие. Западный консерватизм опирается на непрерывную традицию, как в общественной мысли, так и в политической и в церковной истории. В политике западные консерваторы продолжают или видоизменяют то, что было создано предыдущим поколением консерваторов и другими политическими силами. В западном консерватизме всегда можно понять, из чего вчерашнего рождаются сегодняшнее консервативное действие или политическая позиция. У нас же консерваторы нередко ищут интеллектуальное вдохновение в трудах дореволюционных или эмигрантских мыслителей. Это великое наследие, но такие мыслители не писали о сегодняшней России, поскольку жили в другие исторические эпохи.

Российский консерватизм еще предстоит привязать к сегодняшней российской действительности. *В этом его достоинство – он может гибко и творчески применить традицию.* Позволим себе процитировать нашего испанского коллегу, присутствующего здесь профессора Санмартина: «Речь идет об адап-

Макаренко Борис Игоревич, профессор факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник лаборатории качественных и количественных методов анализа политических режимов (Центр фундаментальных исследований) НИУ «Высшая школа экономики», председатель правления Фонда «Центр политических технологий». E-mail: bmakarenko@yandex.ru

тации формы при сохранении содержания». Говоря о западном консерватизме, он советует «перестать смотреть в прошлое как в идеальное пространство и сконцентрироваться на настоящем как основе будущего». Это главный вызов, который стоит сегодня перед российским консерватизмом. Западный консерватизм с этим вызовом имеет дело каждый день.

Второе различие. Консерватизм всегда таков, каково общество, в котором он существует. Западный консерватизм живет в обществе демократическом и рыночном. Мы же в России живем в обществе переходном, переживающем масштабные потрясения. Для любого консерватизма период модернизации – вызов. Если модернизация идет быстро и анклавно, этот вызов становится особенно трудным. Миссия консерватизма в том и состоит, чтобы в условиях быстрых и стохастических перемен сохранять общественное согласие и порядок – высшие консервативные ценности, важнейшие параметры ценности самой главной – сильного государства.

Для современного Запада сильное государство – непременно демократическое. Суверенитет этого государства, в первую очередь, понимается как суверенитет народа, воплощенный в демократических институтах. Этот суверенитет первичен по отношению к суверенитету в отношениях страны с соседними странами и внешним миром. Внешняя же безопасность – это ценность консенсусная для всех современных западных политических течений (включая либералов и социал-демократов), хотя утвердили ее в качестве таковой в первую очередь консерваторы. В европейском «новом» консерватизме, возникшем как реакция на эксцессы глобализации и трудности европейской интеграции, на кризис 2008–2009 годов, в последние годы резко усиливается «евроскептицизм», протест против глобализации и «американского засилья». А в Соединенных Штатах в «новом» консерватизме растет изоляционизм. С этими оговорками, для западного консерватизма суверенитет государства – это прежде всего суверенитет демократический.

Для многих российских консерваторов суверенитет – это в первую очередь сила государства в обеспечении безопасности внешней и безопасности внутренней. И если таковую безопасность, по их мнению, лучше обеспечивает недемократический строй, то они готовы смириться с дефицитом как демократии, так и правового государства. Однако это не значит, что такая ценность русскому консерватизму совсем чужда. Начиная с Карамзина и уж точно со славянофилов, отечественная консервативная традиция утверждала, что в сильном государстве общество обладает своей волей, своей способностью к самоорганизации и развитию. Эту традицию нужно помнить в поисках адекватной формы участия сегодняшнего российского общества в политике и обеспечении суверенитета. Напомним тезис Эдмунда Бёрка, согласно которому конституционное устройство работает, только если отражает истинные настроения общества [цит. по: 3]. А Бёрк – это не только один из основоположников консерватизма, но и депутат английского парламента от партии вигов, один из авторов концепции *sovereignty of parliament*, на которой основывается современное консервативное видение сильного государства.

Вторая характеристика сильного государства на современном Западе – эффективность и конкурентоспособность. Именно этим обусловлено приоритетное внимание западного консерватизма к экономической политике, которую в России часто критикуют за то, что она построена на либеральных экономических принципах. Для Запада сильное государство – скорее «маленькое», вмешивающееся в экономику лишь в той степени, в которой это необходимо для обеспечения ее эффективности, потому что собственность и частный бизнес – это «коренные» ценности западного консерватизма. А в «новом» западном консерватизме государственный истеблишмент зачастую критикуется настолько

остро, что, по мнению многих американских политологов, «Партия чаепития» доходит до *де факто* отрицания государственности.

Как показывает ведущееся нами в настоящее время исследование и западного, и российского консерватизма, для многих российских консерваторов экономика не является существенным фактором в политическом консерватизме. Многие из них критикуют экономическую позицию западных консерваторов за то, что в ней слишком много «глобализма», «потребительства». В лучшем случае, отечественные консерваторы принимают российскую экономическую политику в том виде, в котором она осуществляется, не углубляясь в подробности.

Можно утверждать, что у российского консерватизма, к сожалению, нет собственной экономической доктрины. Принимая «экономический статус кво», он рассматривает экономическую составляющую сильного государства как скорее государство «большое», владеющее или управляющее огромными экономическими активами. Если к малому бизнесу отечественный консерватизм относится положительно, то к крупному – скорее с подозрением, потому что видит в нем «олигархическую» угрозу сильному государству. *Российский консерватизм будет неполон, если не найдет своего видения экономического и социального развития страны.*

Еще одна составляющая понятия «сильное государство» – его социальная составляющая. Западные консерваторы строили или активно участвовали в строительстве социального государства в Германии, Англии, других странах. Социальное государство консерваторы понимают как «оптимизационную модель». Ее принципы: тратить деньги рачительно, не плодить иждивенцев, но поддерживать дееспособную социальную инфраструктуру. В нашем исследовании мы обнаружили, что популярное в России понятие «социальный консерватизм» в США и Великобритании обозначает иное, почти противоположное явление. Для англосаксонских стран «социал-консерватор» означает человека, живущего ценностями той эпохи, когда государство практически не вмешивалось в социальную сферу. Напротив, в посткоммунистических странах, как и в России, социал-консерватизм – это государство, перераспределяющее большие объемы ресурсов на социальные цели. Российскому консерватизму, если он займется своей экономической доктриной, придется выработать собственную «оптимизационную модель» социального государства, соответствующую реальным возможностям страны.

И экономика, и социальная сфера тесно связаны с понятием «рыночность». Для традиционного западного консерватизма рынок не являлся приоритетной ценностью, однако это время давно прошло. На экономику и социальную сферу «либерально-консервативный синтез» ценностей распространился с послевоенным восстановлением экономики Европы. Россия же – уникальным образом – дожила почти до конца XX века без цивилизованной конкуренции как в экономике, так и в политике. Привыкание к рынку в российском обществе проходит тяжело: рыночность вернулась в Россию со всеми эксцессами, свойственными ранним стадиям накопления капитала: социальное расслоение, нуворишество, грубые переделы собственности. Не случайно у российских консерваторов появляется искуc критиковать и Запад, и собственное общество за «стяжательство», «потребительство», но важно в этой критике «не выплеснуть с водой ребенка». Объектом консервативной критики должны являться именно эксцессы, а не рыночная экономика как таковая: именно на ней строятся и современное общество, и сильное государство.

Обратим внимание – впервые в современной российской истории из уст президента – в антикризисном Послании Федеральному Собранию в декабре 2014 года – прозвучало: «Добросовестный труд, частная собственность, свобо-

да предпринимательства – это такие же базовые, консервативные, подчеркнутые ценности»¹. Обратим внимание, говоря о труде, В.В. Путин употребляет прилагательное. Обычно ценности не нуждаются в уточняющих определениях («совесть» – не уточняя, что «чистая», «патриотизм» – не уточняя, что «истинный», а не «квасной»). Однако обозначение труда как базовой ценности настолько непривычно для нашего дискурса, что президент или его спичрайтеры сочли необходимым уточнить: *добросовестный труд. Действительно, труд, собственность и предпринимательство – это консервативные ценности, без которых развитие России невозможно.*

Третье различие. Западный консерватизм действует в обществах со снижающейся ролью церкви, российский – с повышающейся (даже если судить по динамике доли постоянных прихожан церквей, хотя и тут Россия не догнала «старую» Европу, тем более – США). Большинство в российском обществе консервативно в том, что касается семьи, морали, сексуальных отношений. Но причина этого не в сильных религиозных настроениях, а в том, что многие общественные и социальные институты претерпели лишь минимальные изменения за семьдесят лет коммунистического господства. Однако это «замораживание» было искусственным, и сейчас они подвергаются активному натиску – не с Запада, а в силу объективных тенденций модернизационного развития. *Сохраненность этих институтов – наш плюс, но вызов им очень силен. Превентивные ответы нужно искать, но искать в атмосфере общественного согласия.*

Четвертое различие. В западном консерватизме четко прочерчены этические «красные линии» – что политик может сказать, а чего не может. Консерватор может критиковать однополые браки или слишком мягкую миграционную политику. Но он не может выступать против равенства возможностей для людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, не может призывать дискриминировать мигрантов по основаниям расы или этничности, иначе в глазах общества (и консерваторов в том числе) он окажется не консерватором, а крайне правым или экстремистом. Ценность недискриминации для западного общества превышает многих других соображений – именно она прочерчивает эти красные линии. На Западе такие «линии» формировались в интенсивном политическом дискурсе, в высококонкурентных избирательных кампаниях. У нас об этом в лучшем случае говорят интеллектуалы, и итоги их дебатов не проходят арбитража практикой. **Нам надо научиться искать баланс между сохранением наших ценностей и недопущением вражды и дискриминации.**

Наконец, *пятое отличие.* У западного консерватизма нет «единой идеологической платформы» для внешней политики. Чаще им тоже присущ «реал-политический», а не «либерально-ценностный» подход; «изоляционизм» или «интервенционизм» проявляются по-разному в разных национальных и исторических контекстах. Экономическая интеграция, глобализация, «атлантизм» (НАТО) рассматриваются «мейнстримом» западного консерватизма как сильные инструменты для решения фундаментальных задач: сильного и суверенного государства. И если «экономическая» составляющая этих процессов порождает критику многих «альтернативных» консервативных движений, то по поводу «составляющей безопасности» критиковаться может засилье США в НАТО и европейской политике, но не принцип военно-политического альянса Запада как таковой. В «видении мира» российские консерваторы – сторонники не просто сильной в военно-стратегическом плане державы; у них почти безвариантно видение «неоимперское» или по меньшей мере основанное на реал-политическом видении международных отношений; стратегическая мощь понимается

¹ Послание Президента Федеральному Собранию, 4 декабря 2014 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173>

в первую очередь как большая территория (не всегда – территориальная экспансия), военная сила; понятие мягкой силы только появляется в интеллектуальном багаже.

Подводя итог рассмотрению различий между российским и западным консерватизмом, отметим: западный консерватизм приобрел свой современный вид в результате объективных социально-экономических процессов и ценностных сдвигов в обществе. Переживаемый им раскол на «мейнстрим» и «новый» консерватизм – серьезный вызов для него. Вполне вероятно, что в результате этой критики и «внутривидовой борьбы» консервативный «мейнстрим» сдвинется в чем-то в сторону требований «нового», но он *никогда не вернется на полвека назад*. Западный консерватизм родит «новый консервативный синтез». Процесс этот может протекать легче или сложнее, быстрее или медленнее, но он не имеет альтернативы.

Российский же консерватизм должен переизобрести себя. Он будет жизнеспособным, если станет основой для общественного согласия и концептуальной основой развития России. И для этого уроки политического развития, обретенные консерватизмом западным, могут оказаться полезными.

Литература

1. *Бенедиктов К.С., Куркин Н.А., Межуев Б.В.* Современный консерватизм на Западе // Тетради по консерватизму. 2014. № 2. Ч. 2. С. 19–66.
2. *Diamond, Larry; Gunther, Richard.* Species of Political Parties: A New Typology // Party Politics, Vol. 9: March 2003. P. 167–169.
3. *Schlesinger, Arthur M. Jr.* The Vital Center: The Politics of Freedom. Boston: Houghton Mifflin Company, 1949. P. 240.

Аннотация. В статье сопоставляются основные ценности и политические установки российского и западного консерватизма как политического течения. Ключевая посылка состоит в том, что западный консерватизм опирается на непрерывную традицию участия в политике, российский же только выстраивает свои ценности и политические практики, опираясь на философское и политическое наследие минувших эпох. Западный консерватизм существует в обществах рыночных и демократических, российский – в обществе переходном, переживающем процессы быстрой и анклавной модернизации.

Ценность «сильного государства» на Западе понимается как демократический суверенитет, конкурентоспособная и эффективная экономика, оптимизированное «социальное государство». У российского консерватизма нет цельной экономической доктрины, ценность суверенитета трактуется в первую очередь как защита внутренней и внешней безопасности, социальное государство носит патерналистский характер.

Западный консерватизм следует моральным и культурным ценностям постиндустриальной эпохи, российский же сохраняет их традиционную трактовку, но модернизационные процессы в стране требуют от него адаптации к происходящим переменам.

Если для западного консерватизма главный вызов – нахождение «нового синтеза» после появления новых консервативных течений, то для российского – формирование целостной системы ценностей, соответствующих нынешнему этапу развития России.

Ключевые слова: консерватизм, ценности, сравнительная политология, политическое развитие, политические партии.

Boris Makarenko, Chairman of the Board, Center for Political Technologies, Professor, Department of Social Sciences, Moscow Higher School of Economics (National Research University); Senior Researcher, Laboratory of Qualitative and Quantitative Analysis of Political Regimes, Higher School of Economics. E-mail: bmakarenko@yandex.ru

Never the Twain Shall Meet? Conservatism in Russia and in the West

Abstract. The article compares and contrasts the main values and political principles of contemporary Western and Russian conservatism. The key assumption is that in the West conservatism relies on the uninterrupted tradition of political participation, while Russian conservatism is reinventing its values and political practices, relying on the philosophical and political heritage of the past ages. In the West, conservatism exists in democracies and market economies, while in Russia, conservatism develops in a society in transition, undergoing rapid and uneven modernization.

The “strong state” for the West lies in democratic sovereignty, a competitive and efficient economy, and an optimized “welfare state”. Russian conservatism lacks a comprehensive economic doctrine; the value of sovereignty is believed to lie in the defense of internal and external security, and the “welfare state” is largely paternalistic.

In the West, conservatism fosters moral and cultural values of the post-industrial age; in Russia these values retain their traditional character, but modernization necessitates their adaptation to the changing society.

While, amid the emergence of new conservative ideas, Western conservatism faces the major challenge of developing a “new synthesis”; Russian conservatism needs to respond to the challenge of developing a comprehensive system of values in conformity with the contemporary stage of Russia’s political development.

Keywords: Conservatism, Values, Comparative Politics, Political Development, Political Parties.

М.В. Ремизов. Думаю, то противопоставление по нескольким позициям российского консерватизма западному, которое вы провели, если приглядеться подробнее к многообразию западного консерватизма, может быть, станет уже не столь абсолютным, не столь очевидным. Скажем, проблема непрерывной традиции, а точнее – проблема прерывания традиции, для французов, с их Французской революцией, актуальна не меньше, чем для русских, И вообще, консерватизм как политическая идеология выходит на сцену тогда, когда по крайней мере существенную часть традиции уже невозможно сохранить в ее аутентичности. Это буквально цитата из одного из немецких консервативных мыслителей. Соот-

ветственно, консерватизм вынужден изобретать. И его критики часто об этом говорят. Скажем, известный марксист Эрик Хобсбаум считает, что стратегия националистов, консерваторов – это не сохранение традиций, это изобретение традиций. Для него это обвинение. На мой взгляд, это не есть обвинение. Это нормальное, творческое отношение к традиции. И об этом говорил в «Истине и методе» Георг Гадамер – противопоставление традиции и модернизации является плоским, недальновидным просто потому, что оно не вглядывается в природу самой традиции, которая является сложным, творческим движением, где есть моменты самоотрицания, самопреодоления и сложная диалектика наследования.

Россия – Франция: возможен ли консервативный союз?

Вот, ты кличешь: «Где сестра Россия,
Где она, любимая всегда?».
Посмотри наверх: в созвездьи Змия
Загорелась новая звезда.

Так писал в 1918 году великий русский поэт Николай Степанович Гумилев в пронзительном стихотворении «Франция», глубоко переживая бесславный конец франко-русского союза 1891–1917 годов, который многими русскими франкофилами воспринимался как предательство захваченной большевиками Россией ее «возлюбленной сестры» на Западе. И, надо сказать, у русских франкофилов были все основания винить Россию в тяжком грехе предательства: как известно, большевики заключили с Германией сепаратный Брестский мир, что позволило немцам продвинуться почти до самого Парижа.

Отношения между двумя странами – Россией и Францией – всегда были похожи на движения маятника. История российско-французских отношений знала как периоды острой вражды (война 1812 года, Крымская война 1853–1855 годов), так и периоды весьма тесного сближения, и цивилизационно-культурного (вторая половина XVIII века – 1812 год), и военно-политического (франко-русский союз 1891–1917 годов). Галломания русских аристократов после вторжения Наполеона уступила место преклонению перед британскими «просвещенными мореплавателями», но вновь ожила в веселом декадансе Серебряного века, когда русские поэты, художники и музыканты видели в Париже своего рода духовную Мекку.

Отношения между Францией и Советским Союзом, по понятным причинам, не могли быть такими же сердечными, как во времена Российской Империи, но взаимное притяжение двух стран ощущалось и в этот период. Достаточно сослаться на франко-советский пакт о взаимопомощи 1935 года, документ, значение которого в историографии явно недооценено. Принято считать, что история не знает сослагательного наклонения, но нетрудно представить себе, как изменилась бы история Европы, если бы не саботаж англичан на военных переговорах в Москве в 1939 году¹. Безусловный интерес представляет тот

¹ 17 и 20 августа 1939 года глава французской военной миссии генерал Думенк сообщал из Москвы в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения. [...] Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию». Под давлением Лондона Польша не изменила свою позицию, что и привело в итоге к событиям сентября 1939 года.

Бенедиктов Кирилл Станиславович, главный редактор портала «Русская idea», писатель, политолог. E-mail: redviper7@yandex.ru

факт, что наиболее дальновидные французские политики подчеркивали необходимость франко-советского союза задолго до подписания этого пакта. Например, искренний русофил Эдуард Эррио вспоминал о событиях 1935 года: *«Итак, я изучаю карту. Я вижу на ней только одну страну, которая была бы для нас необходимым противовесом и могла бы создать в случае войны второй фронт. Это Советский Союз. Я говорю и пишу об этом уже с 1922 года [выделено мною. – К.Б.]. На меня смотрят, как на коммуниста или безумца. Даже царь при всем своем деспотизме пошел некогда на союз с республикой. Неужели наша буржуазия, наша печать окажутся менее умными? Что касается меня, я не изменю своих убеждений. По моему мнению, это диктует сама логика развития и даже просто здравый смысл. 4 апреля 1935 года под впечатлением дурных вестей из Германии я нанес визит послу Потемкину и обсудил с ним условия франко-русского соглашения...»* [2].

Можно, наконец, вспомнить знаменитые слова генерала де Голля о Европе «от Атлантики до Урала», напугавшие Хрущева в год Карибского кризиса, но позже охотно цитировавшиеся адептами конвергенции и нового мышления¹. Они были не просто красивой метафорой, данью цветистому галльскому красноречию, но продолжением интеллектуальной традиции, представленной, в частности, такими выдающимися личностями, как Пьер Паскаль и Пьер Шоню, – традиции, которая, как показывают события последних лет, жива во Франции до сих пор.

Последним на данный момент периодом сближения Москвы и Парижа – увы, весьма кратким – следует считать 2003 год, когда обе страны сблизилась на почве противостояния военному вторжению США и их союзников в Ирак. Едва не сложившаяся ось Париж – Берлин – Москва заставила Кондолизу Райс произнести в июне того года сакраментальное: *«Мы должны наказать Францию, проигнорировать Германию и простить Россию»*. В общем и целом неплохие отношения между Россией и Францией сохранялись до конца президентства Жака Ширака², но уже с приходом к власти Николя Саркози становится очевидным разворот Пятой республики в сторону Вашингтона (а также явное потепление между Парижем и Варшавой, к которой Ширак не питал особенной симпатии как к верному вассалу Вашингтона в Европе).

Тем не менее очевидно, что Франция – одна из двух стран Западной Европы, с которыми Россия может образовывать стратегические союзы; вторая – это, разумеется, Германия. В 2013 – начале 2014 года часть экспертного сообщества в России была практически уверена в том, что союз Берлина и Москвы (где Германия будет поставщиком технологий и управленческих моделей, а Россия – поставщиком ресурсов и рабочей силы) настолько выгоден обеим странам, что не может не стать реальностью. События на киевском Майдане и последовавшие военные действия в Новороссии похоронили этот амбициозный проект, так как стало ясно, что Германия не готова идти на союз с Россией против воли своих старших партнеров по НАТО.

Но дело, разумеется, было не только в недоброй воле Вашингтона. Достаточно очевидно, что без общей ценностной платформы – именно ценностной, а не идеологической – создание по-настоящему крепкого союза между Рос-

¹ Хрущев был возмущен высказываниями де Голля насчет создания какой-то «Европы от Атлантики до Урала». Советским дипломатам было дано указание срочно выяснить у французов, что имеет в виду их президент, выступая с такими идеями, и не помышляет ли он расчленивать Советский Союз. Был подготовлен срочный запрос, ответ на который шокировал Хрущева. На встрече с советским послом С.А. Виноградовым Шарль де Голль сказал: «Придет время, когда мы будем строить Европу вместе с Советским Союзом».

² Который неоднократно говорил о «привилегированном партнерстве» между Россией и Францией.

сией и ведущей европейской страной невозможно, без нее такой союз будет в лучшем случае ситуативным, тактическим, а не стратегическим. С Германией у России таких общих ценностей нет, или почти нет. С Францией же история другая. Именно между Россией и Францией возникло идеологическое притяжение, основанное на разделяемых значительной частью общества консервативных ценностях.

По мнению крупного специалиста по франко-российским отношениям Тома Гомара, «во Франции можно выделить шесть основных подходов к интерпретации российской политики. Три из них роднит между собой строгая критика режима: это защитники «прав человека», обеспокоенные нарушением общественных свобод, хулители «великорусской идеи», которых тревожат даже слабые проявления русского национализма, и эксперты в области распространения ядерного оружия... Напротив, три других подхода подчеркивают позитивную стабилизацию России. Ссылаясь на баланс мировых держав, первые видят Россию как «великую страну» и «стратегического партнера». Для вторых Россия – огромный рынок с мощным потенциалом роста. Третьи видят в Путине последнего защитника русских интересов, который проводит политику национальной независимости – что-то вроде голлизма по-русски» [3].

Более того: не будет преувеличением сказать, что часть французского политического класса с надеждой смотрит на Россию как на хранительницу и защитницу традиционных европейских ценностей, павших под натиском глобализации и насаждаемой повсюду агрессивной цивилизационной англосаксонской модели. Разумеется, говоря о части французского политического класса, мы по умолчанию имеем в виду и значительную часть французского общества, поскольку в состав этой группы симпатизантов России входят как интеллектуалы, формирующие повестку дня и влияющие на общественное мнение, так и политические активисты, мобилизующие электорат. Среди таких лидеров часто выделяют, например, лидера партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен.

На примере «Национального фронта» мы видим, как знаки возвращения современной России к своим историческим корням и традициям (такие, как возрождение Русской Православной церкви, законодательное запрещение пропаганды гомосексуальных отношений, и т.д.) воспринимаются французскими «истинными правыми»¹ как символы титанической борьбы между пост- и антихристианской цивилизацией англосаксонского глобализма и живой европейской традицией, опирающейся на общий для Франции и России христианский фундамент, но также как сигналы к возможному идеологическому сближению двух стран².

Вряд ли можно с уверенностью предсказать сейчас, чем завершится предвыборная борьба и президентская кампания 2017 года, – ясно только, что она обещает быть крайне жесткой и напряженной. Очевидно, что либерально-демократический мейнстрим Западной Европы, находящийся в тесной зависимости от США, не согласится на приход к власти в одной из ведущих стран ЕС сильного лидера, опирающегося на традиционалистскую, консервативную

¹ О разделении консерваторов Запада на «истинных (true)» и «консерваторов только по имени» см.: [1].

² Весьма показательна характеристика, данная политическому вектору НФ вице-президентом партии и гражданским мужем Марин Ле Пен Луи Альо: «Путин ставит на первое место стратегические интересы России, точно так же, как мы – стратегические интересы Франции. Это нас объединяет. Мы также полагаем, что Франции выгодно поддерживать сбалансированные отношения с Россией, США, Китаем, а не лебезить по любому случаю перед Америкой. С этой точки зрения можно даже сказать, что мы голлисты» (интервью Луи Альо польской газете «Rzeczpospolita», 25.03.2014. URL: <http://www.rp.pl/arttykul/29,1095669-Putin-bohaterem-Frontu-Le-Pena.html?p=1>).

партию, к тому же пророссийской ориентации. С другой стороны, не менее очевидно, что Марин Ле Пен трезво оценивает политическую конъюнктуру. Стоит предположить, что, готовясь к борьбе за президентское кресло, Марин Ле Пен заключила (и будет заключать) тактические, а возможно, и стратегические, союзы с влиятельными лоббистскими группами, от позиции которых в конечном счете и зависит исход президентской гонки.

Марин Ле Пен – хладнокровный и расчетливый политик, не останавливающийся перед трудными решениями и ставящий собственные политические интересы выше своих же личных. Ее разрыв с отцом, который в определенный момент превратился в угрозу для политической репутации обновленного «Национального фронта», красноречиво об этом свидетельствует. Следует также иметь в виду, что, пытаясь найти поддержку в определенных кругах либеральных французских элит, Марин значительно смягчила свою риторику в отношении гомосексуальных союзов.

Возникает вопрос: не отречется ли Марин Ле Пен от своих симпатий к России в случае, если ей удастся выиграть гонку за президентское кресло? Очевидно, что на нее будет оказано беспрецедентное давление не только со стороны структур ЕС, но и со стороны США, которые после ухода де Голля – спровоцированного, по мнению некоторых французских консерваторов, Вашингтоном – имеют определяющее влияние на французскую политику.

Хотя сейчас Марин Ле Пен уверенно заявляет, что, став президентом, не подпадет под влияние США, она сама признает, что для этого придется *«заменить существующие французские элиты одной кандидатурой, которая будет являться кандидатурой французского народа»*¹. Прекрасный лозунг для предвыборной кампании, однако совершенно ясно, что в реальности от «существующих французских элит» главе государства, даже при опоре на мощную народную поддержку, никуда не деться.

Представляется, однако, что пророссийские симпатии Марин Ле Пен, хотя и могут быть скорректированы с учетом конкретных политических реалий, не будут забыты в случае ее избрания президентом Республики. Причина проста: популярность НФ и лично Марин Ле Пен базируется на определенном ценностном фундаменте, и размывание этого фундамента возможно лишь в определенных рамках. Поддержка России как бастиона традиционных ценностей, как консервативного государства, противостоящего безликой глобализации, является не конъюнктурным, а системообразующим элементом идеологии НФ.

Сама по себе победа Марин Ле Пен (которая, следует подчеркнуть, во все не predetermined, – в настоящий момент, согласно опросам, она уступает Николя Саркози) еще не возвещает начало нового франко-российского союза, хотя, безусловно, и повышает вероятность его возникновения. С другой стороны, если такой союз возможен (а весь исторический опыт взаимоотношений двух стран показывает, что это так), непременным условием для его заключения является наличие во Франции мощной политической силы, разделяющей с Россией консервативные, традиционные ценности (как секулярные, так и религиозные).

В ситуации, когда общественное мнение Запада в целом настроено резко антироссийски, когда для ключевых групп мировых политических элит русофобия той или иной степени является своего рода знаком принадлежности к клубу «серьезных политиков», сделать шаг навстречу изолированной усилиями США

¹ Марин Ле Пен. «Россию атакуют, потому что она является альтернативой американской модели глобального порядка». Интервью сайту «Русская idea» // Русская idea. 2015. 10 марта. URL: <http://politconservatism.ru/forecasts/rossiyu-atakuyut-potomu-chto-ona-yavlyetsya-alternativoy-amerikanskoj-modeli-globalnogo-poryadka/>

и ЕС Москве может решиться только лидер не входящей в мейнстрим политической партии. В этом смысле у Марин Ле Пен нет конкурентов. Вопрос лишь в том, как далеко она готова зайти в защите тех ценностей, которые и делают сейчас ее партию «маргинальной» и «экстремистской» в глазах либерально-демократических элит современного Запада.

Литература

1. Бенедиктов К.С., Куркин Н.А., Межуев Б.В. Современный консерватизм на Западе // Тетради по консерватизму. 2014. № 2. Ч. 2. С. 19–66.
2. Эррио, Эдуард. Из прошлого: Между двумя войнами. 1914–1936. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
3. Gomart, Thomas. La politique russe de la France: fin de cycle? // Politique étrangère, 2007/1.

Аннотация. В статье рассматриваются исторические предпосылки и системообразующие факторы российско-французского союза. Исходя из посылки, что Франция – это одна из двух стран Западной Европы, с которой Россия может образовывать стратегические союзы (вторая – Германия), автор показывает, что без общей ценностной платформы создание эффективного союза между Россией и ведущей европейской державой невозможно, без нее такой союз будет в лучшем случае тактическим, а не стратегическим. С Германией, как показывает опыт, таких общих ценностей у России нет или почти нет. В то же время, между Россией и Францией в последние годы явно возникло идеологическое притяжение, основанное на разделяемых значительной частью общества консервативных ценностях.

В настоящее время среди части французского политического класса популярен взгляд на Россию как на хранительницу и защитницу традиционных европейских ценностей, павших под натиском глобализации и насаждаемой повсюду агрессивной цивилизационной англосаксонской модели. Среди этих симпатизантов России есть и интеллектуалы, формирующие повестку дня и влияющие на общественное мнение, и политические активисты, мобилизующие электорат. Среди таких лидеров выделяется президент партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен, являющаяся сейчас наиболее расположенным к России европейским политиком.

На примере Национального фронта и его лидера можно наблюдать, как знаки возвращения современной России к своим историческим корням (возрождение Русской Православной церкви, законодательное запрещение пропаганды гомосексуальных отношений и т.п.) воспринимаются французскими консерваторами как символы титанической борьбы между пост- и антихристианской цивилизацией англосаксонского глобализма и живой европейской традицией, опирающейся на общий для Франции и России христианский фундамент, но также как сигналы к возможному идеологическому сближению двух стран.

Ключевые слова: Франция, Россия, союз, ценности, консерватизм, Национальный фронт, Марин Ле Пен.

Kirill Benediktov, Editor-in-Chief, The Russian Idea (politconservatism.ru), Writer, Political Analyst. E-mail: redviper7@yandex.ru

Russia–France: Possible Conservative Alliance?

Abstract. The article studies the possible Russian-French alliance retrospectively and analyses its fundamental features. The main assumption is that France is one of the two Western European countries that could build a strategic alliance with Russia, with Germany being the other one. Starting from it, the author shows that only shared values could provide a solid foundation for an effective alliance. Otherwise the alliance between Russia and the leading

European country would be at best tactical, rather than strategic. While there are few, if any, shared values with Germany following the forced transformation of the German cultural code in the wake of the WWII, relations with France have evolved differently. With conservative values shared by most Russians and Frenchmen, the ideological proximity brings the two countries closer.

Nowadays some French politicians regard Russia as a guardian and a stronghold of traditional European values that have fallen prey to globalization and are ousted by the aggressive Anglo-Saxon civilization and its model. The sympathizers include intellectuals that form the political agenda and shape public opinion. Others are political activists, mobilizing the electorate. Marine Le Pen, the president of the French National Front, is the most favorably disposed towards Russia among European politicians.

The examples of the National Front and its leader reveal the attitude of French conservatives towards Russia. As seen from France, Russia is returning to its roots, so French conservatives regard the resurgence of the Russian Orthodox Church, the formal LGBT propaganda ban and other events as the signs of a titanic battle between the living European Christian tradition endorsed by both France and Russia and the post-Christian and anti-Christian world based on the Anglo-Saxon globalization concept. They also interpret them as signals for possible ideological rapprochement.

Keywords: France, Russia, Alliance, Values, Conservatism, National Front, Marine Le Pen.

М.В. Ремизов. Нынешняя эволюция UMP, партии, которую снова возглавляет Саркози, связана не в последнюю очередь с тем, что сейчас за российское направление в окружении Саркози негласно отвечает друг России, о котором сегодня уже шла речь, бывший депутат, исследователь Иван Бло. В целом же относительно возможного сдвига фран-

цузской политики в консервативную сторону – естественно, во многие вещи сложно поверить, легче оставаться скептиком. Но по общению с французскими коллегами возникает ощущение, что по крайней мере границы возможного в европейской политике и во французской в частности расширяются, существенно расширяются.

Современный консерватизм Великобритании и России: точки возможного консенсуса

Британский консерватизм нередко воспринимается как модельный пример консервативной идеологии. Тем не менее история британских консерваторов далеко не однородна и не постепенна в своем развитии, это история триумфов и падений. Впрочем, другое вряд ли возможно, раз речь идет о политической силе, на протяжении столетий стремящейся к власти и ее сохранению. Периоды деклараций о незыблемости традиции сменялись кардинальными пертурбациями, инициированными кабинетами тори. Сегодня же концептуальная неоднородность британского консерватизма особенно заметна. Современный российский консерватизм не менее ситуативен и находится в поисках идентичности. Очевидный запрос на консервативные ценности мотивирует к формированию идеологического базиса, особенно сейчас – перед парламентскими выборами 2015 года в Великобритании и выборами в Государственную Думу 2016 года в России. Отсюда необходимость сопоставления особенностей консервативной повестки в Британии и России, выявления потенциальных точек консенсуса.

Контент-анализ публикаций ведущих СМИ России и Великобритании демонстрирует растущую частоту пользования концептом «консерватизм». В отличие от российской прессы, оперирующей такими концептами, как «здоровый консерватизм», «новый консерватизм», «консервативный разворот», британские СМИ склоняются к более негативной оценке этой идеологии [1; 3]. Актуальным становится словосочетание «кризис консерватизма» [11; 14]. Несмотря на очевидные различия во внутренней политике, можно выделить несколько общих вызовов, на которые реагируют консервативные движения и организации двух стран.

Во-первых, остро стоит вопрос об экспансии неолиберального капитализма. Так, бывшее стремление Великобритании к расширению рыночных свобод было ознаменовано политической турбулентностью, что, в свою очередь, подтолкнуло избирателя в сторону умеренных идей. После экспериментов тэтчеризма тори давали понять, что они не собираются вводить ценовые механизмы повсюду, распространять рыночные отношения на все сферы жизнедеятельности. В России, пострадавшей от радикального реформаторства и тотального насаждения рыночных отношений в 1990-х годах, по-прежнему актуально неприятие стремления к открытому рынку и всепоглощающей глобализации. Некоторые британские эксперты, уверенные в неприемлемости неолиберального вектора, пытаются предложить ему альтернативу [16]. Нечто похожее происходит и в России: российские политики и журналисты выстраивают консервативные модели отказа от глобализации, угрожающей «десуверенизацией и дезинтеграцией» [8].

Закутин Антон Алексеевич, магистрант факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: zakutin@lenta.ru

Не менее важным аспектом британской консервативной риторики является проблема евроинтеграции. Некоторые исследователи полагают, что именно эта тема является основной в рамках развития современного британского консерватизма [10]. Желание влиться в «Соединенные Штаты Европы» осталось в прошлом, хотя и в минувшем веке стремление к европейскому единству встречало неоднозначную реакцию. Современное недоверие к общеевропейским институтам восходит своими корнями к английскому неприятию континентальной Европы. Антифранцузские и антигерманские настроения существовали на протяжении многовековой истории туманного Альбиона. Сам дискурс «мы и Европа» в политических повестках России и Великобритании имеет ряд схожих характеристик. Российские консерваторы, в частности представители патриотов-почвенников, выстраивают целые программы на самой идее неприятия любого слияния с западноевропейскими странами, называя это ударом по суверенитету, отказом от «самости» [5]. Кроме того, в этот дискурс органично вписывается и концепт «суверенной демократии», разработанный в свое время идеологами «Единой России» [4]. Как у современных российских консерваторов можно выявить отсылки к философии славянофилов, так можно обнаружить и глубинные корни евроскептицизма в Великобритании. Некоторые исследователи рассматривают идеи особого статуса Британии по отношению к континенту в рамках традиции английского национализма [9, p. 506–524; 18, p. 488–505]. Так, известный консерватор Крис Гиффорд отмечает: «В ядре современного консервативного евроскептицизма находится защита народного суверенитета британцев от вторжения Брюсселя и дальнейшей интеграции. Важной компонентой направления является угроза потери британской идентичности из-за давления Европейского Союза. Миссия консервативных сил в том, чтобы защитить британский народ» [13, p. 332]. Массово распространенное мнение о том, что объединенная Европа представляет собой опасность для самостоятельного развития государства, дало возможность выйти на арену новым политическим силам. Ярким примером может служить стремительный рост популярности партии UKIP.

Угрозу «Большой Европы» для Британии, равно как и угрозу экспансии «западных ценностей» для России, следует рассматривать в разрезе сохранения культурной идентичности. Национальное самоопределение, которое базируется во многом на противопоставлении «свое – чужое», присуще консервативному дискурсу в обоих государствах. Нередко можно встретить, например, обозначение Ла-Манша «Английским каналом» или фразу «континент, отрезанный от нас» [17, p. 127–149]. Нечто похожее присутствует в российской консервативной дискуссии. Противопоставление Европе, пожалуй, можно назвать одним из акцентов обсуждения и кризиса на Украине, и однополых браков, и ситуации на Ближнем Востоке, и многого-многого другого. Публицисты зачастую выстраивают такой образ Запада, который является очевидным антиподом консервативных идеалов [6; 7].

Последней по очереди – но не по значению – для консервативного дискурса двух стран является проблема утраты ценностного фундамента, этических оснований цивилизации. Изменения и реформы, по мнению большинства консерваторов, не должны радикальным образом затрагивать мораль и нравственные ориентиры. Все общественные институты склонны к деформации и эволюции. Тем не менее современные консервативные мыслители полагают, что ценностный базис должен быть сохранен. Впрочем, несмотря на схожий пафос, консерваторы обеих стран фокусируются на разных аспектах. Если в Британии остро стоит проблема провала мультикультурализма, то в России речь идет скорее о защите традиционных ценностей, угрозой которым является неолиберализм прогрессистского западного образца.

Подводя итог, следует отметить, что консерватизм современной Великобритании не менее многогранен и разнороден, нежели его относительно молодой российский аналог. На защиту традиционных ценностей встает не столько отдельно взятая партия или коалиция политических организаций, а скорее ряд известных мыслителей, публицистов, сомневающих в искренности консервативного взгляда официальной партии на данную проблему. Электоральная зависимость и объективная необходимость популизма в условиях публичной демократии заставляют консерваторов-парламентариев лавировать между идеологическими установками.

Нечто похожее происходит и в связи с консервативной повесткой парламентских партий в России. Впрочем, отечественные версии консерватизма идут скорее вразрез со встречным движением, особенно это актуально в рамках внешнеполитического кризиса, общей угрозы дестабилизации.

Процессы иного рода происходят на родине консерватизма. Так, один из известных борцов за сохранение нравственности британской нации Нил Дэвенпорт полагает, что «гораздо более оправдано сомнение в том, что консерваторы как политическая организация канут в лету в двадцать первом веке, нежели подобное произойдет с консервативной идеологией» [12]. Именно вопрос о ценностях и политике их сохранения претендует сегодня на то, чтобы усилить противоречия внутри консервативного лагеря Великобритании. Проект «социального консерватизма» Кэмерона вызывает недоумение у традиционалистов и консерваторов, выступающих против попыток искусственного выстраивания «Новой Британии». Еще большее недоумение вызывает доброжелательность консервативных парламентариев к однополым бракам. Особенно вопиющей выглядит позиция самого Кэмерона, который полагает, что англичанам следует гордиться тем, что у гомосексуалистов в Британии появилась возможность узаконить свой брак [15].

Тем не менее современный британский консерватизм – это во многом реакция на вызовы глобализации, что сближает сторонников этого течения с единомышленниками из других стран, в том числе и России. И несмотря на то, что многие, в частности, политический теоретик Дж. Грей, полагали, что «консерватизм в Британии, да и повсюду в мире, оказался в интеллектуальном и политическом тупике, откуда ему нельзя ни двинуться вперед, ни вернуться назад» [2, с. 173], популярность этой идеологии в Европе возрастает, невзирая на отсутствие единого доктринального ядра и общих целей. Россия же претендует на то, чтобы стать флагманом этого движения.

P.S. Уже после Бердяевских чтений состоялись всеобщие выборы в парламент Великобритании. Большинство социологических опросов, проведенных 6 и 7 мая, демонстрировали схожие прогнозы политического будущего страны, делая ставку на «подвешенный парламент», то есть отсутствующее большинство одной из ведущих партий. Тем не менее Консервативная партия получила 331 место, увеличив свой прежний результат на 24 места. Теперь Д. Кэмерон получил возможность формирования собственного правительства без оглядки на прочие политические силы. Лейбористы потерпели серьезное поражение. Получив 232 места, партия потеряла 26 мест, в то время как шотландские националисты (ШНП) победили в 56 шотландских избирательных округах из 59, что позволило им занять 50 парламентских мест. Неоднозначным следует назвать результат UKIP. Несмотря на демонизацию Найджела Фараджа в общеевропейских СМИ и общий ажиотаж вокруг его евроскептических заявлений, Партия независимости смогла получить лишь одно место, но показав при этом позитивный результат – увеличив количество голосов с 3%, полученных ранее, до 12%. Это объясняется в первую очередь тем, что программа партии фокусировалась

на жестком евроскептицизме, отчасти правом популизме. Политический маневр Консервативной партии в сторону референдума об отсоединении от ЕС, предвыборная евроскептическая риторика Кэмерона – всё это в итоге выбило UKIP с правоконсервативной арены, электорат предпочел более уважаемую силу для участия в процессах регионализации и для защиты суверенитета Великобритании от экспансии «Большой Европы».

Такой итог выборов продемонстрировал правоту исследователей, которые обозначали «консервативный поворот» среди европейских политических партий. Консерватизм в Великобритании не просто утвердился благодаря тори, но и приобрел более разнообразные очертания с приходом шотландских националистов, занимающих по ряду вопросов охранительную позицию. Евроскептицизм набирает обороты, становясь все более популярным. Референдум о статусе Великобритании в ЕС назначен на 2017 год, именно он покажет, насколько действительно сильны антиглобалистские настроения в стране.

Литература

1. *Гомоюров А.* Николай Красников: «Я за здоровый консерватизм» // Московский комсомолец. 2015. 18 марта. URL: <http://novos.mk.ru/articles/2015/03/18/nikolay-krasnikov-ya-za-zdorovyy-konservativizm.html>
2. *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2002.
3. *Потупчик К.* Призраки демократии // Дни.ру. 2015. 3 февраля. URL: <http://www.dni.ru/polit/2015/2/3/293685.html>
4. Программный документ партии «Единая Россия» «Россия: Сохраним и приумножим!». URL: <http://edinros.ru/er/text.shtml?10/9535,110030>
5. *Тома А.* В поисках Евразийского консерватизма. URL: http://www.rossia3.ru/ideolog/friends/evr_konserv
6. *Шевченко М.* Мы не Европа? И слава Богу! // Московский комсомолец. 2013. 10 февраля. URL: <http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2013/02/10/810258-myi-ne-evropa-i-slava-bogu.html>
7. Якунин упрекнул Запад в навязывании идеалов общества потребления // Forbes. 2015. 3 апреля. URL: <http://www.forbes.ru/news/284879-yakunin-upreknul-zapad-v-navyazyvanii-idealov-obshchestva-potrebleniya>
8. *Якунин В.* Глобализация и капитализм: лекция / Цит. по: *Романюк Р.* Диагностика мироустройства // Эксперт Online. 2015. 30 марта. URL: <http://expert.ru/northwest/2015/14/diagnostika-mirousroystva/>
9. *Aughey A.* Anxiety and Injustice: the Anatomy of Contemporary English Nationalism // Nations and Nationalism. 2010. 16 (3).
10. *Brittan L.* Europe: The Europe We Need. London: Hamish Hamilton, 1994.
11. Crisis of Conservatism is Destroying Party, Say Grassroots Tories // BBC News. 19 May 2015. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-22585093>
12. *Davenport N.* The Decline and Fall of British Conservatism // Spiked-online. 26 October 2011. URL: <http://www.spiked-online.com/newsite/article/11343>
13. *Gifford C.* The UK and the European Union: Dimensions of Sovereignty and the Problem of Eurosceptic Britishness // Parliamentary Affairs. 2010. 63 (2).
14. *Heffer S.* Head Boy adrift: Cameron, Farage and the Crisis of Conservatism // New Statesman. 26 September 2014. URL: <http://www.newstatesman.com/politics/2014/09/head-boy-adrift-cameron-farage-and-crisis-conservatism>
15. *Park J.* David Cameron: 'Gay marriage is something I believe we can be proud of as a country' // PinkNews. 17 July 2013. URL: <http://www.pinknews.co.uk/2013/07/17/david-cameron-gay-marriage-is-something-i-believe-we-can-be-proud-of-as-a-country>
16. *Riggirozzi P., Grugel J.* The British Crisis and the 'End of Neoliberalism' // Sheffield Political Economy Research Institute. URL: <http://speri.dept.shef.ac.uk/2014/11/19/british-crisis-end-neoliberalism/>

17. *Spiering M.* British Euroscepticism // Euroscepticism: Party Politics, National Identity and European Integration. Amsterdam: Rodopi, 2004.

18. *Wellings B.* Losing the Peace: Euroscepticism and the Foundations of Contemporary English Nationalism // Nations and Nationalism. 2010. 16 (3).

Аннотация. В статье сопоставляются основные консервативные концепции современного дискурса Великобритании и России. Несмотря на очевидное различие политической культуры двух стран, идеологические позиции представителей консерватизма имеют ряд точек возможного консенсуса. Защита подлинных традиционных ценностей в условиях экспансии глобализма способна объединить сторонников разнообразных и разнородных консервативных направлений. Данная статья обозревает наиболее распространенные идеи среди программ партий, аналитических центров, теоретических построений мыслителей консервативной идеологии рассматриваемых государств.

Ключевые слова: консерватизм, сравнительная политология, евроскептицизм, торизм.

Anton Zakutin, Post-graduate Student, Faculty of Social Sciences, Higher School of economics (National Research University). E-mail: zakutin@lenta.ru

Modern Conservatism in the UK and in Russia: Possible Convergence Points

Abstract. The article compares and contrasts basic conservative notions of modern political discourse in the UK and in Russia. Despite profound differences between the two political cultures, the two conservative brands exhibit a number of possible convergence points. The need to defend genuine traditional values against a background of expanding globalization, can unite advocates of various and diverse conservative trends. This article gives an overview of the most common ideas in parties' platforms, among think tanks, among conservative thinkers of the states in question.

Keywords: Conservatism, Comparative Politics, Euroscepticism, Toryism.

М.В. Ремизов. Действительно, Джона Грея, наверное, можно оценить как одного из довольно значимых именно консервативного толка мыслителей. По крайней мере в книге «Поминки по Просвещению» он предстает скорее в этом качестве, констатирует кризис современного консерватизма, но говорит больше о консерватизме мейнстрима, партии мейнстрима, о которой говорил Борис Игоревич. И в этом смысле его диагноз, касающийся кризиса консерватизма, и всё острие его критики направлены против этого мейнстрима, где различия между консерваторами и либералами, социалистами размыто донельзя и где есть просто позиция истеблишмента. Это кризис, который, наоборот, открывает шансы для нового консерватизма, о котором мы пока упоминали только вскользь и о котором более предметно говорил только Кирилл Бенедиктов применительно к «Национальному фронту».

Не устаю повторять, что консерватизм выходит на сцену тогда, когда то, что было дорого,

рушится на глазах. Поэтому на практике консерватизм выступает как стратегия стилизации. Это прослеживается, начиная от художественного стиля и заканчивая политическими институтами. Здесь можно привести пример уже упомянутого Эрика Хобсбаума, который ссылается на Вестминстерское аббатство, которое считается символом старой Англии и при этом является поздней стилизацией уже второй половины XIX века, вполне сознательной.

Поэтому стилизация традиций, нацеленная на то, чтобы рекультивировать коллективную идентичность, на основе ресурсов из разных эпох, разных фрагментов собственного прошлого, мне кажется вполне вменяемой и применимой в разные эпохи стратегией консерватизма. Это близко к тому, о чем говорил профессор Гренье относительно ориентации консерватизма на некую реконструкцию, воссоздание собственного наследия. То есть категория наследия как основной референт консервативной мысли.

Л.В. Поляков. Вопрос о наследии – не только о воссоздании, но и о сохранении – это корневой вопрос. Российский консерватизм сохраняет то, что дано нам историей, то, что называется русским миром. В чем заключается вызов? Либо «Русское» сузится до узкоэтнического – в этом смысле консерватизм ощущает давление справа, где вырастает этнический национализм, – либо «Русское» вообще исчезнет, а «Русский мир» останется всего лишь метафорой, а конкретная политика будет выстраиваться по другим линиям. Если всерьез отнестись к этим двум словам – «Русский мир» – и принять их именно как наследие, то тогда мне понятно, что такое консерватизм в России.

И еще буквально два слова. Кирилл Бенедиктов процитировал заключительные слова из стихотворения Гумилева 1918 года «Франция»:

Вот, ты кличешь: «Где сестра Россия,
Где она, любимая всегда?»
Посмотри наверх: в созвездьи Змия
Загорелась новая звезда.

Гумилев показывает на созвездие Змия, то есть Сатаны.

Первые строки тоже очень символичны:

Франция, на лик твой просветленный
Я еще, еще раз обернусь,
И, как в омут, погружусь, бездонный,
В дикую мою, родную Русь.

Это тоже надо иметь в виду.

Традиции и образы будущего

{ Перспективная секция }

Л.Г. Ионин

Проекты тотальной демократии: власть референдумов, интернет-демократия, «один человек – один голос»

К.В. Симонов

Консерватизм перед лицом неизвестности

Е.С. Холмогоров

Консервативный поворот в России в зеркале глобальной истории Фернана Броделя

С.В. Хатунцев

Европа: суверенитет, культурная идентичность и цивилизационная будущность

А.В. Щипков

Российская идентичность и русская традиция на исходе эпохи глобализма

А.Р. Никифоров

Крымский вклад в Революцию геополитической справедливости и новая миссия России

Хосе Хесус Санмартин Пардо

Бердяев и русское/европейское самосознание: история как миф, религия как духовность и творческая свобода

С.Ф. Черняховский

Консервация и конструирование: поиск философии будущего в советской политической мысли

Б.В. Межуев. *Можем ли мы предсказать, помыслить, какими будут консерваторы через десять, двадцать, тридцать лет, через полвека? Будут ли они исходить из тех же ценностей, из которых исходят современные консерваторы, или их ценности станут иными? И в этом смысле само понятие «консерватизм» будет меняться по отношению к трансформациям всего общества – с изменением демократии, политического строя, изменением каких-то глобальных процессов. Наша секция посвящена ценностям будущего консерватизма, будущему той идеологии,*

о которой мы сегодня рассуждаем. В какой степени он сможет унаследовать то, с чем мы выступаем сегодня, какие вызовы будут у консерватизма в будущем, и какие ценности он возьмет на вооружение?

Начнем мы наше обсуждение с доклада одного из, может быть, наиболее выдающихся современных российских консервативных мыслителей, Леонида Григорьевича Ионина. Его доклад на «Бердяевских чтениях» – о необходимости консервативной коррекции демократических процедур..

Проекты тотальной демократии: власть референдумов, интернет-демократия, «один человек – один голос»

Под тотальной демократией здесь понимается стремление снять проблемы и противоречия существующих систем представительной демократии путем максимизации равенства и обеспечения прямого доступа граждан к механизмам управления обществом. В значительной степени (хотя не во всех отношениях и не всегда) *тотальная демократия – это движение в направлении прямой демократии. На наш взгляд, это движение в неправильном направлении.* Гораздо более перспективна консервативная установка, то есть использование наработанных в прошлые времена, на уже относительно далеких стадиях политического развития механизмов, учитывающих многообразные «партикулярные» особенности политического процесса.

Общественное мнение и «общество референдумов»

Известно, что любая из сложившихся и широко распространенных систем представительной демократии невозможна без трех основных элементов: общественного мнения, парламентской системы и гражданского общества. Царивший когда-то оптимизм в отношении всех этих трех источников и трех составных частей демократии в последние десятилетия сильно пошатнулся. Они утрачивают свое демократическое содержание, что и заставляет обратиться к консервативному варианту соответствующих механизмов.

Сначала об общественном мнении. Его «центром» являются масс-медиа. К ним примыкают парламентская политика с одной стороны и неформальные сети коммуникаций, наполненные эмоциями, слухами и разрозненными обрывочными сведениями, то есть гражданское общество в его коммуникативном аспекте – с другой. Масс-медиа и гражданское общество (в указанном здесь смысле) – формы проявления общественного мнения в его текущем, изменчивом, формирующемся состоянии. Оно фиксируется в социологических опросах. Опросы дают «срез» общественного мнения на определенный момент времени. Разного рода выборы и референдумы – это тоже «срезы», которые принципиально не отличаются от социологических, но в силу определенных причин – сплошная выборка, электоральная мобилизация и особый институциональный статус выборов – рассматриваются не как обыкновенный сиюминутный «срез», а как некая долгоживущая структура.

Это – иллюзия, потому что общественное мнение по самой своей природе текуче и изменчиво. Уже на следующий день после волеизъявления оно другое. А по прошествии недель и месяцев оно может меняться коренным образом.

Ионин Леонид Григорьевич, доктор философских наук, профессор департамента теоретической экономики факультета экономических наук НИУ «Высшая школа экономики».
E-mail: ioninlg@gmail.com

Лучшим показателем изменчивости общественного мнения являются регулярно публикуемые рейтинги руководителей государства, высших чиновников, а также оценки общественностью значимости и насущности решения определенных социальных проблем (таких, например, как наркотики).

Можно смело сказать, что *принимать какое-то определенное изъяснение общественного мнения как руководство к действию на долгий срок – это логический нонсенс*. Всерьез обсуждать вопрос, избирать ли президента на четыре года или на пять лет, довольно нелепо. Строго говоря, президент должен избираться заново каждое утро, но поскольку это невозможно, легитимным считается президент, избираемый раз в несколько лет.

Следствием этого противоречия становится иллюзорный характер демократической легитимации. Президент, например, избранный на всеобщих выборах, считается легитимным президентом следующие пять лет. Основанием для этого служит состояние общественного мнения на какой-то конкретный момент времени несколько лет назад. То есть мы имеем дело с легитимностью, имевшей место быть такого-то числа такого-то месяца такого-то года. Все последующие пять лет эта легитимность является чистой условностью, что сплошь и рядом демонстрируют социологические срезы общественного мнения.

Казалось бы, условность любого президентского срока очевидна, и принятие обществом этой условности объясняется осознанием непреодолимости обстоятельств, порождающих эту условность. (К таковым можно отнести прежде всего ограниченность ресурсов, не позволяющих проводить всеобщие выборы с достаточной частотой, а также – и это гораздо важнее – временные параметры реализации политических проектов.) Тем не менее имеются попытки преодолеть эту условность, приведя результаты выборов в соответствие с актуальным (на каждый момент) состоянием общественного мнения. Их можно разделить на две большие группы. Первая – предполагающая создание «общества референдума», то есть общества непрерывного референдума с опорой на традиционную политическую инфраструктуру. Вторая предполагает создание общества референдума с опорой на *новые медиа*, прежде всего на Интернет, предоставляющий техническую возможность практически мгновенного учета и интеграции огромного количества мнений индивидуальных пользователей.

Первый подход предполагает выделение специального телевизионного канала, содержание которого – прямая круглосуточная трансляция своего рода непрерывного всенародного референдума. Соответственно, любой гражданин имеет право участия в таком референдуме. Возможны различные уровни подобного волеизъявления – общенациональный, региональный и т.д. Большое значение имеет инфраструктура референдума, обеспечивающая его повседневную и повсеместную доступность, в том числе и путем телетрансляции. Такой подход предполагает и тотальную доступность интернет-голосования, а также выдвижения вопросов для голосования.

Давно уже замечено, что прямая демократия в определенном объеме может быть реализована в сравнительно малых и сравнительно однородных общностях, но отнюдь не в таких сложных крупномасштабных обществах, как российское. Здесь нет возможности детально рассматривать все аспекты прямой демократии. Во всяком случае, нарисованная модель представляется по меньшей мере слабо проработанной и грозит не столько осуществлением прямого народовластия, сколько полной дезорганизацией общественной жизни.

Применительно к нашему подходу главный недостаток этой модели заключается в том, что не ясно, *на какой срок будут избираться ветви власти*. Если на четыре или пять лет, то не ясно, чем это «подлинное народовластие» лучше традиционных систем представительства.

Думается, что для решения этого вопроса нынешняя политическая наука еще не созрела, потому что сколько бы факторов и аспектов политической действительности и политических институтов она ни учитывала, она не учитывает один крайне важный фактор – время.

Интернет-демократия

Представители так называемой интернет-демократии также ставят на прямую демократию, выдвигая на первый план новые медиа, прежде всего Интернет, в качестве *инфраструктуры прямой демократии*. Этот инфраструктурный момент, конечно, крайне важен. Если в первом подходе, описанном выше, едва ли не наибольшее сомнение вызывают именно осуществимость идеи непрерывности референдума, то у интернет-демократов налицо техническая структура осуществления любого рода референдумов без угрозы финансового провала и социальной дезорганизации.

Вот как это декларируется в программе так называемой Пиратской партии: «Представительная демократия полностью дискредитировала себя: граждане оказались отсечены от подлинного управления страной, демократические процедуры превратились в ширму для казнокрадства властей. Представительная демократия как подмена демократии прямой могла существовать только до тех пор, пока прямое участие каждого гражданина в принятии решений было невозможным. Сегодня прямая демократия стала вновь возможна: существуют технические средства, способные обеспечить прямое участие каждого гражданина в управлении страной. Это непрерывный всенародный референдум, это система электронной демократии, основанная на принципах прямого коллективного принятия решений»¹.

С моей точки зрения, оба подхода утопичны. Опять же, не вступая в (имеющее уже долгую историю) обсуждение общих принципов прямой демократии, отмечу лишь несколько моментов. Во-первых, наличие возможности прямого участия каждого гражданина в управлении страной не гарантирует сам факт такого участия. В результате, как это часто бывает и сейчас, без всякого Интернета, решения принимаются малым числом граждан от имени всего общества. Мотивы неучастия в выборах и референдумах различны, и вряд ли интернет-голосование их существенно изменит. Во-вторых, – и это главное – интернет-голосование не изменит сущности политического процесса. Интернет – не более чем медиум. Имеющийся опыт показывает, что он не может стать преградой на пути «казнокрадства властей», наоборот, сам может стать орудием казнокрадства.

И, в-третьих, можно задаться все тем же вопросом – на какой срок избирать власти через Интернет? – и обнаружить, что и в этом случае на него нет удовлетворительного ответа.

В общем и целом существующие предложения по созданию «общества референдумов» вряд ли можно признать состоятельными.

Это относится не только к отечественным проектам, но и к зарубежным. Так, например, председатель Независимой партии Соединенного Королевства Найджел Фарадж совсем недавно также предложил внедрить в политическую жизнь английского общества элементы прямой демократии, предоставив общинам решать путем референдумов вопросы местного строительства, транспорта, охраны окружающей среды, но также повысить роль граждан в вопросах, например, внешней политики. Эти предложения точно так же, как и у нас, обо-

¹ Пиратская партия России. Декларация целей. URL: <https://pirate-party.ru/content/deklaraciya-celey>

сновываются совершенно правильной идеей о том, что «политический класс должен понять, что они государственные служащие и служат обществу»¹. Но и в отношении этих предложений можно поставить те же самые вопросы, что и нашим «реформаторам», на которые так же не будет ответа.

Но есть еще одна сторона дела, о которой мы пока не упомянули. Ведь даже если удалось бы обеспечить мотивы участия в выборах в такой степени, что сто процентов граждан рвались проголосовать (все равно, каким образом), то кто сможет гарантировать, что решения, принимаемые этими ста процентами граждан, оказались не то что стопроцентно правильными, но хотя бы сколько-нибудь разумными, то есть обоснованными и рационально аргументированными. И это уже вопрос не обеспечения технической инфраструктуры выборов, а принципов политической демократии, традиционно описываемых в терминах равенства: «один человек – один голос».

«Один человек – один голос»

Проблема здесь заключается в *отсутствии квалификации* мнений, составляющих в совокупности общественное мнение. Потому что его совершенной институциональной формой считается процедура свободного демократического голосования: «один человек – один голос». Обоснованность, прочие эпистемологические, психологические, социологические и любые другие качества высказываемого мнения абсолютно не важны.

В одной из своих прежних работ я описывал различия парадигм научного знания и общественного мнения [1]. В частности, отмечалось, что в текущей практике формирования и выражения общественного мнения, то есть и в медиа, и в разных неформальных обсуждениях, мнения именно *квалифицируются*, то есть к ним предъявляются определенного рода требования, без выполнения которых они не выйдут на публику. Например, мнение, публикуемое в газете, должно быть грамотно сформулировано, рационально аргументировано, обладать хотя бы минимальной социальной или политической определенностью. В неформальном обсуждении также минимальным требованием будет логичность выражения и контекстуальная определенность. При этом мнения квалифицируются и в отношении лица, его высказывающего. В медиа есть лица, слышащие экспертами. Мнение ученого эксперта всегда весит больше, чем мнение рядового гражданина. Даже в неформальных разговорах и обсуждениях, где формальные статусы не принимаются во внимание, имеются так называемые лидеры мнений, соображения которых группа оценивает выше, чем соображения любого другого сочлена. И только *в самых важных и судьбоносных изъяснениях общественного мнения квалификация отсутствует*. Один человек – один голос. Голоса не квалифицируются и не взвешиваются.

Это важное противоречие демократической процедуры. Об этом принято политкорректно молчать, потому что за плечами века борьбы за право каждого отдать свой голос на выборах. Хотя, если рассуждать логически, *право каждого отдать свой голос не должно мешать взвешиванию голосов в зависимости от, скажем, возраста голосующих, их дохода, образования, семейного положения, уровня социальной ответственности и т.д.* Иначе получается так, что уравниловка, отвергаемая всеми передовыми борцами в сфере экономики, доходов и образа жизни, становится стратегическим принципом при выработке судьбоносных политических решений, которые неизбежно будут

¹ Nigel Farage wants to give voters a greater voice by extending referendums // The Guardian. 24 June 2014. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2014/jun/24/nigel-farage-ukip-voters-greater-voice-referendums>

влиять на экономику, доходы и т.д. Таким образом, результатом реализации принципа «один человек – один голос» оказывается неквалифицированный массовый выбор, что неизбежно отражается на качестве избираемого.

Эти противоречия демократии можно объяснить генетически. Немецкий философ Гельмут Шпинер писал, что конституционно-правовой порядок (в его терминах это то же, что мы называем сферой общественного мнения) сходен с организацией научного сообщества, как оно существовало в период классической науки эпохи Модерна, и что это сходство имеет фамильный, генетический характер [4, S. 127]. Мы назовем это *сходством коммуникативной структуры общественного мнения и науки эпохи Модерна*. Задачей науки является *свободное* изготовление и распространение знаний, что осуществляется путем исследований и публикации результатов, невзирая на лица, на чуждые науке интересы, практические затруднения деятельности, воздействия властей и т.д. Полученные результаты ученых обязан сделать всеобщим достоянием. Универсализм науки состоит не только в том, что полученные ею результаты имеют всеобщий характер, но и в том, что они являются всеобщим достоянием. Именно парадигма *республики ученых* явилась в свое время образцом, на который ориентировалось как понимание роли гражданина, так и создание демократических политических учреждений. К концу XVIII – началу XIX века по образцу «республики ученых» сложились в основных чертах пресса, партии и гражданское общество, образовав коммуникативную структуру, которую уже в наше время Юрген Хабермас определил как *публично организованную общественность* [3].

Первая и главная характеристика общественного мнения состоит в том, что это *род знания, изначально являющийся общественным достоянием*. В этом общественное мнение совпадает с научным знанием. Его составляют знания, которые не только не скрываются, а наоборот, пропагандируются, и не только не продаются, но, наоборот, иногда даже силой навязываются потребителю. Пространство общественного мнения – это пространство *выражения*, а не сокрытия знаний.

Но в то же время знания, которые могут быть квалифицированы как общественное мнение, отличаются от научного знания. В случае общественного мнения речь идет исключительно о повседневном знании, то есть о мнениях, взглядах, точках зрения, суждениях, мировоззрениях и позициях, для которых *не характерны квалификационные признаки научного знания: истинность, обоснованность, рациональность и др.* Если общественное мнение похоже на классическую науку в своей публичности и открытости, то оно противоположно науке в том, что касается его квалификационных признаков. Суждения и позиции, формулируемые в рамках общественного мнения *не обязаны* быть истинными, рациональными, обоснованными и т.д., хотя и *могут* быть таковыми. Их можно обозначить как повседневное знание, которое а) всеохватно, то есть включает в себя практически все, что актуально и потенциально входит в мир индивидуума, б) имеет практический характер, то есть формируется и развивается не ради самого себя (как научное знание, определяемое идеалом «науки для науки»), а в непосредственной связи с реальными жизненными целями, в) имеет нереклексивный характер: оно принимается на веру как таковое, не требуя подкреплений, систематических аргументов и доказательств. Получение и высказывание знаний именно такого рода и становится предметом регулирования в рамках общественного мнения.

Далее отметим принцип равнозначности мнений, подразумевающий *отсутствие всяких квалификационных требований к «качеству» мнения (истинность, содержательность, эмпирическая обоснованность и т.д.)*, а также принцип свободного доступа, подразумевающий *отсутствие формальных барьеров доступа к форуму мнений* (например, доказательства права высказать свое

мнение, или требования обосновать его). Эти два принципа серьезно отличают правила, создающие общественное мнение, от правил, конституирующих научное сообщество. В рамках последнего, конечно, допустимо только *квалифицированное* мнение. Кроме того, научное мнение *нужно обосновывать*.

Суть проблемы в несколько иной формулировке состоит в том, что в общественном мнении годится, подлежит высказыванию *любое мнение*, даже идиотское и ложное. Общественное мнение принципиально отвергает требование квалифицированности высказываемого мнения – его истинности, обоснованности, рациональности и т.д. Голоса подсчитываются, но не взвешиваются.

История говорит о разных способах решения этой проблемы по мере становления общественного мнения. Они сводятся *а)* к попыткам эпистемологической квалификации знаний, допускаемых в сферу свободной циркуляции, *б)* к попыткам их квалификации с точки зрения своеобразно понимаемой обыденной социологии знания и *в)* к попыткам их морально-этической квалификации. К первому и второму способам относится *введение разного рода цензов и ограничений* (ценз оседлости, имущественный ценз, возрастной ценз, дискриминация по полу, гражданству, национальной или этнической принадлежности и т.д.), применяемых в отношении лиц, имеющих право на выражение своих знаний, то есть, скажем, имеющих право голоса в принятии важных решений на общегосударственном или локальном уровне.

При этом практиковались своего рода *повседневные антропология и социология знания*. Так, долгое время считалось, что женщины по своей когнитивной и эмоциональной конституции не способны формировать истинное, обоснованное и разумное мнение, то есть, можно сказать, женщины являются эпистемологически ущербными существами. Такого же рода мнения выражались и в отношении чернокожих. До сих пор нельзя считать полностью разрешенным вопрос о том, каков нижний *возрастной* предел когнитивной зрелости. Это – относительно эпистемологической квалификации знаний.

Также имели и имеют хождение множество теорий повседневной социологии знания, предполагающие, например, что верное (истинное) мнение об интересах общества или локальной общины могут иметь только те граждане, что прожили в данном государстве, городе или поселке не менее определенного количества лет (в случае *ценза оседлости*), или только те, что обладают недвижимым имуществом на данной территории (*имущественный ценз*), или только принадлежащие к «титульной» национальности. При этом предполагается, что мнения лиц, не принадлежащих к названным категориям, относительно интересов общества ложны – либо потому, что они недостаточно интегрированы в соответствующую социальную общность, либо потому, что они ориентированы на интересы другой национальной или государственной общности.

Как я уже однажды отмечал, такая квалификация мнений (влекущая за собой их частичное исключение из конституционно-правового порядка знаний) есть квалификация по критерию социологии знания, потому что в приведенных аргументах содержится предпосылка о воздействии социальных условий на содержание и на истинность знаний – то, что Карл Мангейм вслед за Карлом Марксом называл «привязанностью мышления к бытию» (*Seinsgebundenheit des Denkens*). В принципе классическая социология знания содержательно не очень далеко ушла от повседневных теорий. Маркс закрепил право на истинное знание интересов общества за одним социальным классом – пролетариатом; это имущественный ценз наоборот: истину знает тот, кому нечего терять кроме своих цепей. Буржуа были объявлены эпистемологическими инвалидами, вроде женщин, но не по психофизиологическому критерию, а по критерию, выведенному из социологии знания. То же самое у Мангейма; только здесь было «нечего терять» интеллигенции, которую он считал свободной от всякого рода

корыстных интересов и потому именовал *свободно парящей интеллигенцией*. Но Мангейм не выдвигал требования о лишении всех, кроме интеллигенции, права голоса в административном порядке, и за такую непоследовательность и нерешительность подвергался критике со стороны марксистов. Сами же они – не Маркс, а его последователи, советские марксисты – сделали совершенно логичный правовой и организационно-политический вывод из Марксовой социологии знания, лишь в 1920-х годах права голоса всех представителей так называемых эксплуататорских классов. Кроме того, на протяжении всех лет советской власти эпистемологическими инвалидами считались все западные философы, социологи, историки и т.д., что прямо и открыто утверждалось в тысячах и миллионах официальных и неофициальных суждений как в пропаганде, так и в научной литературе. Они были даже не эпистемологическими инвалидами, а эпистемологическими уродами, ибо не просто страдали от отсутствия истины, но выдавали за истину уродливые порождения своего духа.

Если эпистемологическая квалификация знаний предполагает в качестве институционального механизма разного рода цензы и ограничения на право выражения мнений, то морально-этическая квалификация требует введения моральной цензуры. В этой области критерии социального здоровья и нездоровья высказываний еще в большей степени определяются повседневными теориями, как правило, в принципе недоступными верификации, что в конечном счете обрекает моральные суждения и осуждения на субъективизм и произвол.

Попытки введения разного рода цензов и цензур всегда были попытками выработки *системы самокоррекции общественного мнения*, подобной той системе самокоррекции, которая имела в академическом сообществе, бывшем его прообразом. Там это система критики знаний, опирающейся на четко сформулированные эпистемологические критерии. Введение таких научных критериев в общественное мнение привело бы к разрушению самих конститутивных принципов этой сферы. Поэтому в конце концов всякие попытки создания системы критики в рамках общественного мнения были отброшены, и утвердились принципы, согласно которым в этой сфере допустимы все мнения.

От демократии тотальной – к партикуляристской

Выбор, состоящий в отказе от «научности» во имя «демократичности», не является правильным выбором.

Ясно, что такое суждение нужно обосновывать, и так же ясно, что подобное обоснование невозможно провести в одной статье, тем более небольшого объема. Оставим это как тему для дальнейшей работы. Отметим только, что, взяв от классической науки принцип публичности и открытости, общественное мнение (= буржуазная общественность) отказалось от свойственного науке принципа критики знаний. И это обусловило, во-первых, деградацию науки и ее переход на роль одного из многих равноправных и, так сказать, равноудаленных от государства когнитивных институтов, и, во-вторых, эволюцию общественного мнения в направлении политкорректности. Марксова попытка создать идеологию как науку провалилась и стала ныне мишенью насмешек и издевательств. Вместе с тем это была едва ли не последняя попытка восстановить утрачиваемую тогда на глазах связь общественности (= общественное мнение) с наукой, то есть *mutatis mutandis* с истиной. Сейчас общественное мнение – это арена демонстрации терпимости и политкорректности [1, с. 231]. *А формулировка «один человек – один голос» – это и есть идеальное политическое выражение принципов терпимости и политкорректности.*

Консервативная коррекция демократических процедур должна предполагать отказ от этого принципа и определенное сочетание свободы выраже-

ния мнений с элементами их цензирования и цензурирования. Каковы основы этого цензирования и цензурирования? Существуют разного рода цензы: имущественные, половые, национально-этнические, возрастные, образовательные и др. Существует моральная и политическая цензура. Имеется насчитывающая более полутора столетий история попыток адаптации всеобщего избирательного права и системы «один человек – один голос» к специфическим материальным и духовным обстоятельствам разных обществ и культур [см.: 2].

Выдвижение конкретных предложений в этой области не является задачей статьи. Но хотелось бы отметить два принципиальных последствия отказа от универсализма в области избирательного права, каковой отказ предполагается его критикой, данной, в частности, в этой статье.

Во-первых, конечно же, введение цензов – это шаг, пусть первый, пусть очень скромный, в сторону определенного уровня восстановления сословной организации общества. Собственно говоря, сословия – это корпорации, объединяемые спецификой правового положения составляющих их индивидов. Традиционные сословия предполагали наследование правового статуса. В современных сословиях дело обстоит сложнее, наследуется не всегда правовой статус, но почти всегда стиль жизни. В любом случае сословная организация – это перспективная альтернатива массовому обществу и массовой демократии, которые себя в достаточной степени дискредитировали.

Во-вторых, интересно, какое воздействие может иметь введение цензов и связанное с этим развитие в сторону сословного членения применительно к социологии. Ведь социология зиждется на той самой массовой демократии и том самом принципиальном равенстве, что родились почти одновременно с нею самой в эпоху Модерна. Вся опросная социология так же, как и вся статистика, зиждется на предпосылке изначального равенства индивидов, сложившейся в середине XIX века.

Социология – дитя Модерна, феодальную социологию – а потому, строго говоря, и сословную социологию – трудно помыслить. Какая, скажите, может быть социология, если двух рядом стоящих людей следует считать существами разной природы? Это не два человека, а два разных существа. До наступления Модерна, соответственно, до возникновения науки социологии, а еще лучше сказать, до знаменитого трактата Руссо, различие сословий понималось как природное различие, и именно Руссо научил отделять природные различия от искусственных, социальных. Нынешние зачатки восстановления сословных делений есть тенденция именно в этом направлении.

Но трудности социологии, которая должна в обстановке сословного общества конституироваться на каких-то новых основаниях, это лишь часть предвидимых трудностей. Введение цензов – это не какое-то частное изменение избирательных систем, а разворот (в той степени, конечно, в какой организуется цензирование) тенденции универсализации, характерной для нынешнего Запада. Разворот этот все более назревает, ибо универсалистская тенденция порождает массу неразрешимых социальных конфликтов и противоречий, стирается, исчезает качественная дифференциация индивидов, индивиды так же, как и мнения, не квалифицируются и не взвешиваются. Стирается, исчезает половая дифференциация, что ведет к непредсказуемым последствиям для культуры, а в перспективе – для общественной организации. Вообще все так называемые аскриптивные (предписанные) статусы постепенно исчезают. Последствия трудно предугадать. Во всяком случае, предсказания авторов антиутопий не кажутся столь уже фантастическими.

Развитие же в обратном направлении, предполагающее отказ от попыток создания тотальной демократии, в частности, таких, которые описаны в настоя-

щей статье, предполагает размывание универсализма как всеобщей идеологии и все более четко осознаваемый переход к консервативной идеологии правового и социального партикуляризма.

Литература

1. Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.
2. Перспективы отмены равного избирательного права и системы «один человек – один голос»: Экспертно-аналитическое исследование. М.: Фонд национальной энергетической безопасности; По заказу Фонда ИСЭПИ. 2014.
3. *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1961.
4. *Spinner H.* Die Wissensordnung. Ein Leitkonzept für die dritte Grundordnung der Informationszeitalter. Opladen: Leske, 1994.

Аннотация. Под тотальной демократией здесь понимается стремление снять проблемы и противоречия существующих систем представительной демократии путем максимизации равенства и обеспечения прямого доступа граждан к механизмам управления обществом. Рассматриваются предложения о создании «общества референдумов», об организации интернет-демократии и о совершенствовании эгалитарного принципа «один человек – один голос». Анализируются социологические и эпистемологические основания этих моделей. Делается вывод о том, что более перспективна консервативная установка, то есть использование наработанных в прошлые времена, на уже относительно далеких стадиях политического развития механизмов, учитывающих многообразные «партикуляристские» особенности политического процесса.

Ключевые слова: общественное мнение, референдум, научное знание, повседневное знание, цензы, сословия, универсализм, партикуляризм.

Leonid Ionin, Ph.D. in Philosophy, Professor, Department of Economic Theory, Faculty of Economic Sciences, Higher School of Economics. E-mail: ioninlg@gmail.com

Projects of Total Democracy: Power of Referendums, E-Democracy, “One Man – One Vote”

Abstract. This work regards total democracy as a commitment to solving problems and dealing with contradictions in modern representative democracies through maximizing equality and granting the public with direct access to the mechanisms of social control. The paper considers the proposals to create a “community” run by referendums, to establish online democracy, and to improve the egalitarian principle of “one man – one vote”. It also analyses the sociological and epistemological basis of these models. It draws a conclusion that the conservative approach is more promising, that is the use of the mechanisms elaborated at the earlier, relatively distant stages of political development, the use of mechanisms which take into account diverse particular features of the political process.

Keywords: Public Opinion, Referendum, Scientific Knowledge, Common Knowledge, Qualifications, Classes, Universalism, Particularism.

Консерватизм перед лицом неизвестности

Вопрос, который сформулировал Борис Вадимович, непросто, – каким будет консерватор через десять, двадцать или более лет. Чтобы ответить на него, мы должны понять, каким будем мир, окружающий консерватора. Тема нашей сегодняшней дискуссии – наглядный пример этой неизвестности. И те ценности, которые казались очевидными для европейского сообщества, становятся размытыми.

Возьмем, скажем, такую ценность, как деньги, которую вроде бы никто не отменял, и для европейского мира эта вещь достаточно понятная. Но удивительно, что с европейцами сейчас даже про деньги говорить становится сложно. Казалось бы, в период ценностного конфликта можно найти темы, которые будут компромиссными. В этом качестве могли бы выступить энергетика, бизнес. Но – не получается. Даже наши поставки газа воспринимаются едва ли не как структурное насилие, то есть некий фактор, который нужно устранить любимыми путями, вне зависимости от цены вопроса. И это очень странно.

Когда Польша – тема здесь на Балтике актуальная – строит терминал по приему сжиженного газа и заключает контракты по цене в два раза больше, чем российский газ, я задаюсь вопросом: «А где здесь капитализм? Где здесь такая европейская ценность, как рациональность?». Но меня не понимают. И российские поставки воспринимаются как элемент политического насилия. Характерно, что все страны – альтернативные поставщики энергоносителей – носители ценностей, далеких от европейских: Иран, Туркмения, Азербайджан, Ирак, Катар. Это никого не смущает, не изумляет. Согласитесь, в таком безумном мире прогнозировать его развитие сложно.

Сегодня на первой секции записал такое выражение, оценивающее позицию Европы: «Беспардонная практичность». Но где же она, беспардонная практичность? Я был бы рад, если современного европейца можно было охарактеризовать как беспардонного циника...

Когда мы говорим о европейских ценностях, мне кажется, речь идет о лавке антиквара, где свалено в кучу всё подряд. Проблема заключается в том, что одни ценности начинают противоречить другим, и возникают очень сложные парадоксы, непонятно, как с этим выживать. Допустим, одни говорят, что нужно развивать ценности свободы и дать другим социальным группам право делать то, что они хотят, и то, что является их культурным кодом или их идентичностью. Но если, например, они призывают к вашему же собственному уничтожению, как вы с этим будете жить, и как эти ценности соединить? Аффирмативные

Симонов Константин Васильевич, кандидат политических наук, заведующий кафедрой «Прикладная политология», первый проректор по внешним коммуникациям Финансового университета при Правительстве РФ, генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности. E-mail: AATolubko@fa.ru

действия – это тоже структурное насилие, когда возникает желание восстанавливать справедливость, восстанавливать равные права, но в реальности происходят не меньшее угнетение и несправедливость. И попирается важнейшая ценность капитализма – под соусом восстановления конкуренции идет ее разрушение.

Консерватор должен быть за честную конкуренцию – он уверен, что у него есть конкурентные преимущества в честной борьбе. Леонид Григорьевич говорил о цензах, то есть о неких барьерах и преградах. Мы видим, как сегодня предпринимаются попытки выстраивания цензов и одновременно идет борьба с этими цензами, которая, в свою очередь, приводит к появлению новых цензов. Мы видим, как ведется борьба с системой «один человек – один голос». Одна из фундаментальных европейских ценностей разрушается, в том числе путем применения различных квот и цензов. Под соусом борьбы с цензами появляются новые цензы, например, гендерные квоты. В рамках восстановления прав женщин ведется активная борьба с мажоритарными выборами, которые воспринимаются как двойное насилие над женщинами, вынужденными испытывать двойную конкуренцию. Во-первых, женщина должна доказывать внутри партии свое право быть выдвинутой в мажоритарном округе, испытывая структурное насилие со стороны мужчин, а потом еще и конкурировать с другими кандидатами. Поэтому считается, что в рамках гендерного равенства мажоритарные выборы надо постепенно отменять, заменяя их пропорциональными.

Я – активный сторонник мажоритарной системы и считаю, что в России вообще нужно от пропорциональных выборов отказаться. Консерватору гораздо ближе яркие личности, герои, которые не прячутся за партию, за социальную группу, а конкурируют в одиночку.

В некоторых европейских партиях уже вводится такое «гендерное равенство» – 50% женщин в партийных списках и т.п. А раз меняются избирательные модели, значит, может меняться и образ будущего.

Интересная тема – молодежь и идея предоставления ей дополнительных избирательных прав. Считается также, что дополнительные голоса должны получить молодые родители, молодые мамы, за своих детей. Единственный момент, который тормозит внедрение этой системы, заключается в том, что часть сторонников идеи таких избирательных прав полагает, что сами молодые мамы осуществляют структурное насилие над детьми в семьях. Соответственно, опасно передавать им дополнительные права, а надо сначала как-то отделить их от детей, и тогда уже детям, может быть, какие-то дополнительные права передавать. Весьма любопытными окажутся такие выборы, которые будут обусловлены разрывом семьи. И даже без всяких однополых браков. Кстати, во многих европейских странах избирательный возраст уже снижен до 16 лет.

Возникает и тема борьбы со стариками как с политической группой, узурпировавшей и деньги, и власть. Это особенно актуально для стран, где продолжительность жизни растет, и касается не только Европы. Старшие возрастные группы записывают в политические узурпаторы, с которыми нужно бороться. Весьма любопытный для консерваторов вызов, ведь консерваторы полагают, что многое к человеку приходит только с возрастом.

Будущее крайне неясно. Мы сталкиваемся с вызовами, которые разрушают картину мира, сложившуюся в последние столетия, в том числе в Европе. Даже такая фундаментальная вещь, как выгода, рушится на наших глазах. Скоро мы будем наблюдать совершенно иную картину мира, пока еще не понятую и не описанную. Старая ньютоновская механика рушится, а теория относительности еще не создана.

Аннотация. Европейские ценности и складывавшаяся веками картина мира сегодня подвергаются эрозии и трансформации. Это проявляется, в частности, в игнорировании очевидной выгоды от торгово-экономических отношений с Россией, в разрушении свободной конкуренции в результате аффирмативной деятельности, в том числе путем внедрения в политику принципов гендерного и ювенального «равенства». Трансформации подобного рода фактически делают невозможным предвидение будущего.

Ключевые слова: ценности, Европа, прогнозирование будущего.

Konstantin Simonov, Ph.D. in Political Science; Head of the Department, Department of Applied Political Science, First Vice-Rector for External Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; Director General, National Energy Security Fund. E-mail: AATolubko@fa.ru

Conservatism Facing Uncertainty

Abstract. European values and the centuries-old picture of the world are exposed to erosion and are undergoing transformation. This is manifested, in particular, in neglecting the obvious benefits of trade and economic relations with Russia, in undermining free competition through affirmative activities, which involve, among other things, the policy of gender and juvenile equality. Such changes make the prediction of the future impossible.

Keywords: Values, Europe, Future Forecasts

Б.В. Межуев. Мне представляется интересной идея предоставлять дополнительные голоса матерям за их детей. Правда, возникает вопрос гендерного равноправия: почему предоставлять только матерям, а не отцам тоже? Но в любом случае многодетные родители обрели бы фанта-

стическое электоральное преимущество. В России духовенство существенно усилило бы свои электоральные позиции. Впрочем, как и некоторые народы, отличающиеся более интенсивной рождаемостью.

Консервативный поворот в России в зеркале глобальной истории Фернана Броделя

Некоторой части присутствующих я, возможно, известен как человек, который все время читает какие-то книжки и об этом рассказывает. Направляясь в Калининград, захватил с собой старый советский сборник научной фантастики «Дорога воспоминаний», посвященный как раз всевозможным фантастическим происшествиям во времени, «попаданцам» и т.д. Там есть трогательный испанский рассказ о любви сквозь время, где герой на машине времени, изобретенной в 1980 году, попадает в год 2020-й и обнаруживает, что, в общем, всё так же и он даже может за цветы расплатиться оказавшейся у него в кармане купюрой. Так мы в очередной раз убеждаемся, что фантастика предсказать будущее практически не может. Казалось бы, мелкая деталь – угадать, что будут те же самые деньги. Но в 2020 году в Испании у него скорее всего старую купюру не примут, потому что в ходу уже не песо, а евро. Хотя, может быть, песо будут, но уже новые, потому что евро погибнет.

Мы с вами прогнозируем какие-то обстоятельства, в том числе пытаемся построить некую консервативную программу, консервативное видение будущего, исходя из того, что ситуация будет развиваться более или менее нормально.

Представим себе реалии полуторагодовой давности – как на сумасшедшего посмотрели бы на человека, который в качестве прогноза высказал бы то, что происходило с нами в последний год. Что будет еще через год, не приведут ли мировые противоречия к горячей войне? Не случится ли, например, гражданской войны в Америке? Скорее всего не случится, но возникает вопрос – а почему?

Полтора столетия назад гораздо меньшее количество мужчин поднялись, чтобы сражаться за несравнимо менее справедливое дело, за суверенитет своих штатов, включая право сохранять в этих штатах рабство или отменять его не по указу из Вашингтона, а по собственному решению. Сейчас в президенты США рвется человек, который предлагает внести гомосексуальные браки непосредственно в Конституцию США. То есть фактически это гораздо более провокативный в качестве президента персонаж, чем был Авраам Линкольн, из-за самого факта избрания которого южные штаты совершили тогда сецессию.

Думаю, что в Америке сейчас гораздо больше мужчин, причем, не только белых, но и цветных, и черных, которые защищают традиционный брак и традиционную семью. Возникает вопрос: поднимут ли они в этой ситуации оружие или нет? Или же на самом деле такие вопросы в очень малой степени зависят от большинства, а зависят они, например, от существования традиционных политических институтов, которые у тогдашнего Юга были, а сейчас их нет.

Холмогоров Егор Станиславович, публицист, главный редактор интернет-журналов «Русский обозреватель» и «Новые хроники». E-mail: natapa@ya.ru

У нас есть группа консервативных публицистов, которые полагают, что вопросы семьи, брака, биоэтики не важны и не являются принципиальным водоразделом в сегодняшнем мире. Я с ними категорически не согласен и считаю, что это тот вопрос, из-за которого произойдет очередное глобальное разделение цивилизаций.

Здесь я хочу вспомнить Фернана Броделя, о котором собирался прочесть доклад. Тем более что Чтения эти вольно или невольно посвящены русско-французским культурным связям, а Бродель играет в русском историческом сознании, в нашем представлении о западной историографии огромную роль. Роль эта определена и его объективным величием как историка, и тем обстоятельством, что в своих книгах он в наибольшей степени из всех западных историков XX века последовательно производил политику отказа от историографической дискриминации России. Если вы прочтете его великий трехтомник «Материальная цивилизация, экономика и капитализм», то обнаружите российские примеры на равных с примерами из Англии, Франции, Германии и Португалии, обнаружите огромные главы, посвященные России. Мало того, он позволяет себе прием, который, как мне казалось, вообще запрещен в западной историографии: взгляд на Европу через русские глаза, через глаза русских консулов Екатерины II. Фактически вся Европа им таким образом описана. То есть нами Бродель нежно любим как историк. Но он еще и выдающийся цивилизационный мыслитель.

Одна из его идей, которая нередко заслоняется другими, более популярными, идеями и фрагментами, – это идея конституирования цивилизацией себя через отказ от заимствования определенных черт других цивилизаций. Я позволю себе маленькую цитату из его «Грамматики цивилизации»¹: «...даже если ее об этом просят, цивилизация может упорно отказываться от того или иного дара извне. На это указал Морис Мосс: не может существовать цивилизации, достойной так называться, если она что-то не отвергает, от чего-то не отказывается». Сейчас, в моем представлении, Россия совершает типичную фигуру цивилизационного отказа.

Бродель приводит несколько примеров таких отказов – например, когда византийская цивилизация, даже ценой своей физической жизни, отказалась от унии с Римом. Но она все равно осуществила себя через русскую цивилизацию, которая окончательно конституировалась через этот же отказ от флорентийской унии. Второй его пример – отказ южной, средиземноморской Европы от Реформации, который создал два цивилизационных круга внутри одной Европы.

Тот же процесс отказа происходит сегодня с Россией. Не исключаю того, что завтрашний мир европейского корня будет разделен четко, с одной стороны, на цивилизацию гей-браков, трансгендерных каких-то штудий, многочисленных голосов, даваемых матерям или, наоборот, феминисток, которые требуют отобрать голоса у матерей и отцов, а, с другой стороны, мы увидим традиционную цивилизацию, которая защищает принцип традиционной семьи и, может быть, более четко себя осуществляет именно в этом качестве.

Мне представляется, что границы тут не совсем четко проходят между нациями. Скажем, были многочисленные протестантские меньшинства, едва не ставшие большинством, во Франции. Были они и в Италии, и в Испании, было влиятельное католическое меньшинство в Англии. Точно так же происходит взаимопроникновение русского консерватизма и консерватизма в Европе. Часть консервативных сил Европы фактически принимает участие в том цивилизационном отказе, который производит Россия.

¹ Та же мысль, но гораздо подробнее развита в его монографии «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II».

Думаю, через какое-то время естественным образом консервативные движения Европы будут восприниматься как пророссийские. Не потому, что они поддерживают те или иные геополитические позиции России. И не потому, что они поддерживают ту или иную оценку глобальной гегемонии США. А потому, что их образ человека совпадает с установленным в России и защищаемым в России и не совпадает с тем, который официально будет закреплён в США. Мне будущее европейского консерватизма представляется именно таким.

Аннотация. Автор высказывает сомнение в принципиальной возможности прогнозировать будущее, вместе с тем указывая на наличие в современном западном мире оснований для цивилизационного раскола. Намечая перспективу цивилизационных расколов и союзов, он апеллирует к тезису Ф. Броделя, согласно которому «не может существовать цивилизации, достойной так называться, если она что-то не отвергает, от чего-то не отказывается». Автор утверждает, что современная Россия, защищая традиционные ценности, совершает такой цивилизационный отказ, и предполагает, что консервативные движения на Западе будут восприниматься как пророссийские именно потому, что их представление о человеке совпадает с установленным и защищаемым в России.

Ключевые слова: цивилизации, традиционные ценности, Россия и Запад.

Yegor Kholmogorov, Essayist; Editor-in-Chief, Online-Journals Russkiy Obozrevatel [Russian Commentator] and Novye Khroniki [New Chronicles]. E-mail: natapa@ya.ru

Russia's Shift to Conservatism from the Global Historical Perspective of Fernand Braudel

Abstract. The author expresses doubt about the validity of possible predictions, while pointing to reasons for the current civilizational split in the West. While analyzing possible splits and alliances among civilizations, he appeals to the thesis of Fernand Braudel, which runs as follows: "A civilization does not deserve the name if it does not eschew something, if it does not reject something." The author argues that by defending traditional values, modern Russia lives up to the criterion of rejection, and supposes that conservatives in the West will be perceived as pro-Russian, as their vision of an individual coincides with the one promoted and cherished in Russia.

Keywords: Civilization, Traditional Values, Russia and West.

Европа: суверенитет, культурная идентичность и цивилизационная будущность

Историю европейской цивилизации последних столетий можно рассматривать как историю ослабления и ограничения ее политической субъектности, историю потери Европой полноты сначала внешнего, а затем и внутреннего суверенитета, равно как и роли вершительницы судеб всего человечества.

Известно, что к середине XVIII века значительное влияние в европейском балансе сил приобрела неевропейская по своим основам, но стремившаяся в ряды «политических народов» Россия. Ее мощь, а также влияние в Европе со временем нарастали. С периода Первой мировой войны большую роль в делах Старого Света стали играть Соединенные Штаты.

После Второй мировой Европа, как мы прекрасно помним, оказалась разделена по линии «Восток – Запад», и основные политические решения по отношению к ней принимались вне континента – в Вашингтоне и отчасти в Москве. Из всех европейских стран суверенитет, позволявший относительно самостоятельно действовать на мировой арене, вкупе с девальвирующимся статусом великих держав сохранили лишь Великобритания с Францией, так или иначе встроенные в атлантический, то есть американский, проект.

Крушение СССР позволило реализовать программы полного вхождения Европы в этот проект и дальнейшей ее десуверенизации, довольно стремительной. Если в начале 2000-х лидеры некоторых крупных европейских стран все еще могли не соглашаться с США по важным международным вопросам, таким как вторжение в Ирак в 2003 году, и вести в этих вопросах свою политику, то уже к 2010-м такие лидеры «мягким», демократическим путем были заменены проамериканскими фигурами. Единая Европа окончательно стала заокеанским проектом, в Старом Свете установился американский диктат.

Он настолько силен, что для того, чтобы его преодолеть, Европе нужна самая настоящая, как минимум политическая революция.

Против американского диктата выступают националисты и евроскептики, как правые, так и левые. Они сумели прийти к власти в нескольких периферийных, мало что решающих на общеконтинентальном уровне странах Евросоюза – Венгрии и Греции. Основой же Евросоюза являются, как известно, Германия и Франция. Они и только они могут стать локомотивами деатлантизации курса ЕС в целом.

Однако в Германии перспектива прихода к власти политической силы, приоритетом для которой будет являться национальный суверенитет, силы, которая сможет уверенно противостоять американскому диктату, в настоящее время практически не просматривается.

Хатунцев Станислав Витальевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Воронежского государственного университета.
E-mail: staskhat@comch.ru

В отличие от Германии, во Франции есть «Национальный фронт» и Марин Ле Пен, которые постепенно набирают политические очки. Однако получение и удержание ими государственной власти – не слишком вероятный сценарий. Поэтому не следует переоценивать перспективы деамериканизации властного пространства Европы. В обозримом будущем она останется политическим орудием США, направленным, в том числе, против пытающейся защитить свои национально-государственные интересы России.

Запад, как убедительно и наглядно показывают события, происходящие на Украине, – единая, хотя и сложно структурированная, система-сила, это глобальный лагерь, «центр тяжести» которого лежит за Атлантическим океаном; и европейские страны занимают в нем свои места не временно, по недоразумению, а совершенно сознательно. Ими управляет политическая элита, вскормленная атлантистскими ценностями, элита, для которой по большому счету не существует ценностей и ориентиров иного характера. Национальный, как политический, так и культурный, и в конечном счете цивилизационный суверенитет для ее представителей ни в коей мере не является приоритетом.

В тесной связи с ослаблением политической субъектности Старого Света находится проблема потери им своей этнокультурной идентичности. Первое неразрывно переплетено и связано со вторым.

Коренная Европа, ее историческая самость торпедированы массовым наплывом иммигрантов, которые в цивилизационном плане совершенно чужды и, как показывает практика, в социокультурном поле стран-реципиентов в массе своей не ассимилируются ни во втором, ни в третьем поколениях. Иммигранты и их не вполне натурализованные потомки в значительной степени представляют собою «общественный балласт», имеющий все признаки и задатки «социального динамита». В этом смысле иммигранты из неевропейских стран, в частности из мусульманского мира и из Африки, довольно точно соответствуют классу людей, которых в Древнем Риме именовали «пролетариями», то есть производителями потомства. Говоря словами А. Тойнби, они играют в Европе роль «внутреннего пролетариата» [1, с. 336], элемента, который образуется в эпоху так называемой городской революции и крушения аграрно-сословного общественного устройства, элемента, в значительной степени работающего на уничтожение цивилизованных обществ.

До Второй мировой войны Европа имела собственный – внутренний – пролетариат, который время от времени, в том числе с помощью Коминтерна, волновался и «потрясал устои», грозил революцией большевицкого типа. Но после 1945 года «внутренний пролетариат» перестал представлять проблему онтологического характера для Старого Света, который, столкнувшись с демографическим голодом, стал его удовлетворять за счет внешнего для него «пролетариата», прежде всего за счет миграции из цивилизационно далеких обществ. Таким образом, Европа, практически избавившись от «внутреннего пролетариата», заменила его пролетариатом импортным. Но со временем импортированный, «внешний» пролетариат стал пролетариатом внутренним. Новый «внутренний пролетариат» представляет для Европы гораздо большую угрозу, нежели старый, поскольку он отчужден от нее несопоставимо сильнее и это отчуждение запрограммировано на генетическом уровне. Как показывает опыт Японии, Южной Кореи, Тайваня, этот путь отнюдь не является единственным, неизбежным, для всех обязательным.

То, что происходит сейчас в Европе, – повторение цивилизационного алгоритма, который уже давно обозначил себя в мировой истории. Изучение и анализ этого алгоритма помогают в прогнозировании будущего Старого Света и человечества в целом.

Нынешняя коренная Европа представляет собой геокультурное сообщество кельто-романских и германских народов. Она проходит путь, аналогичный пройденному античным сообществом – поколением, или же формацией, которая предшествует кельто-романо-германской формации европейского культурно-исторического типа, то есть европейской цивилизации. Этот формационный путь или цикл в целом занимает два – два с половиной тысячелетия. В нем можно выделить четыре фазы, каждая из которых длится от четырех до шести столетий.

Принимая во внимание концепции О. Шпенглера [4] и В.Л. Цымбурского [3], эти фазы можно обозначить следующим манером:

1) время перехода от античного городского общества к аграрно-сословному кельто-романо-германскому обществу; оно приходится на V – середину IX века н.э.;

2) сам аграрно-сословный период кельто-романо-германцев; он занял середину IX – конец XV века;

3) эпоха городской революции; к ней можно отнести период европейской истории с XVI по первую половину XX века;

4) эра «мировых городов»; ее можно вести с середины XX века.

Таким образом, теперешнюю Европу следует сопоставлять с античным миром именно в его урбанистической фазе.

В нем тогда сложилось свое финальное, или же, по терминологии А. Тойнби, универсальное государство [1, с. 484–486] в виде Римской империи. Формой универсального государства для современной Европы выступает Евросоюз. Евросоюз античной эпохи, подобно Евросоюзу нынешнему, быстро и безвозвратно терял свою этнокультурную идентичность. Он являлся магнитом для множества периферийных народов, в его пределах происходили колоссальные перемещения и смешивание человеческих масс самого разного происхождения, национально-племенного и расового состава. Этот процесс стимулировался тогдашним аналогом политики мультикультурализма, плавильного котла «внутреннего пролетариата». На границах финального государства античной формации европейского культурно-исторического типа концентрировался «пролетариат внешний» – варвары, время от времени испытывавшие рубежи цивилизованного мира на прочность. В то же время в его пределах происходил небывалый культурный синтез, появлялось и утверждалось в реальной жизни множество оригинальных идей, бурно развивалась наука, складывались религиозные системы.

Необходимо признать, что на «городской» стадии формационного цикла возврат к этнокультурной гомогенности общества и к национальной государственности как таковой неосуществим и просто-напросто невозможен, поскольку смешение в этот исторический период – такой же, в сущности, необратимый процесс, как старение организма. Зато вполне возможен переход универсального государства в собственно цивилизационные рамки и к цивилизационному содержанию, поскольку универсальное государство как таковое – это прежде всего продукт не менее чем тысячелетнего развития того или иного поколения (формации) обществ, принадлежащих к конкретной цивилизации. В современном мире данный переход произойдет в том случае, если над глобалистическими тенденциями возобладают тенденции регионализации и культур-географические макрорегионы – «большие пространства», «месторазвития», «цивилизационные ниши» – конституируются в жизнеспособные системы политических, экономических и прочих учреждений. Две тысячи лет назад, в течение предыдущего формационного цикла, произошло именно это, но в настоящее время мондиалистский проект силен как никогда ранее в истории человечества и не желает сдавать занятых с боями позиций.

Следует иметь в виду, что урбанистический строй в силу своей неорганичности, перенасыщенности сложными и капризными институционно-техническими инфраструктурами и зависимости от них обладает сравнительно малыми запасами внутренней прочности, и в этом отношении он существенно уступает аграрно-сословному жизненному укладу. Городское общество гораздо более уязвимо, и его гораздо труднее восстановить, чем общество аграрно-сословное. Серьезные нарушения в урбанистическом мире быстро приводят к изобилующей артефактами рухнувшей техносферы неоархаике в постапокалиптическом духе.

В античном обществе началом эры «мировых городов» можно считать правление Октавиана Августа, то есть конец I века до н.э. Соответственно, продлилась она до исхода V века н.э.

Но IV–V столетия представляли собою долгий закат. Рушиться общество «мировых городов» начало еще в III веке н.э., когда в Римской империи пала династия Северов. Это столетие явилось временем потрясений для всей Ойкумены, всего тогдашнего цивилизованного мира. Именно тогда, в III веке н.э., держателя Среднего Востока, Парфянский союз-конфедерацию, сменила империя Сасанидов, в Индии стала рассыпаться держава Кушан, в Китае пала династия Хань.

После III века н.э. городской строй античного мира был необратимо подорван, начался возврат к аграрному обществу, подталкиваемый процессом варваризации. Варвары, «внешний пролетариат», составляли всё более весомую часть населения универсальных государств, подобных Римской империи, и в конце концов захватили власть на всей территории западной ее части и в сасанидской Персии, жестоко потрясли Китай, а также Византию и Индию. В это же время по Великой Евразийской Степи проносились новоиспеченные орды, стремившиеся к пустевшим городам Ойкумены.

Нечто подобное – с поправкой на особенности современного мира – по всей вероятности, произойдет и по окончании нынешней урбанистической эры, которая ни в коем случае не обещает да и не может быть вечной.

Одним из важных отличий, которое будет диктовать специфику этого процесса для нынешнего поколения цивилизованных обществ, является отсутствие в современном мире «внешнего пролетариата» в том виде, в каком он существовал во времена античной формации и в эпоху архаических цивилизованных обществ, то есть в середине IV – конце II тысячелетий до н.э. «Внешний пролетариат» в его классической интерпретации, данной Арнольдом Дж. Тойнби, – важный элемент всемирно-исторического процесса. Он, с одной стороны, историю «обновляет», с другой – передает этой обновленной истории часть культурного наследия, правда, неизбежно варваризованную, тех цивилизованных обществ, вокруг которых он складывался, поскольку «внешний пролетариат», по сути, не что иное, как варварская периферия цивилизованного мира.

Частью «внешнего пролетариата», варварской периферии цивилизованного мира, во времена крушения античной формации выступали племена германцев, славян, уральских и алтайских этноязыковых групп. Именно с этими молодыми народами прежде всего и связаны нынешние, современные общества. А вот на границах последних «внешнего пролетариата», сопоставимого с теми же германцами и славянами эпохи кризиса античного мира, просто не существует [см. подр.: 2].

По-видимому, роль такого «внешнего пролетариата» в грядущих пертурбациях городского строя будут хотя бы отчасти играть народы так называемого «Великого Лимитрофа» – пояса территорий, разделяющего и соединяющего мегацивилизации Старого Света от Гибралтара до Приморья, тогда как за океаном в этой роли выступают обитатели Мезоамерики и бассейна Карибского моря, лежащих между Северо- и Южноамериканской цивилизационными нишами.

Если в Европе эра «мировых городов» началась в середине прошлого века, то закончится она, вместе со своею неизбежной агонией, не позже, чем через пять, максимум – шесть столетий. При этом необходимо учесть, что благополучный этап, период «цветения» городского строя, занял два – два с половиной столетия; затем последовал его закономерный, необратимый и неостановимый надлом, а за ним начался длительный упадок, сопровождающийся переформатированием цивилизованных обществ как минимум всего Старого Света.

Литература

1. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
2. *Хатунцев С.В.* Этапы освоения цивилизационных ниш и перспективы исторического процесса // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 125–128.
3. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.
4. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1993; Т. 2. М.: Мысль, 1998.

Аннотация. В статье затрагивается проблема ослабления политической субъектности, суверенитета и этнокультурной идентичности европейской цивилизации. Автор полагает, что Европа вступила в четвертую, заключительную стадию постулируемого им формационного цикла – эру «мировых городов», и на этом основании проводит исторические параллели между современным сообществом кельто-романо-германских народов и античным миром I века до н.э. – V века н.э.

Ключевые слова: суверенитет, этнокультурная идентичность, Европа, США, цивилизации, атлантизм, Россия, внешний пролетариат, внутренний пролетариат, «городская» стадия формационного цикла.

Stanislav Khatuntsev, Ph.D. in History; Assistant Professor, Department of Russian History, Faculty of History, Voronezh State University. E-mail: staskhat@comch.ru

Europe: Sovereignty, Cultural Identity and the Future of Civilization

Abstract. The article dwells on the issue of fading political subjectivity, sovereignty and ethno-cultural identity of the European civilization. The author believes that Europe has entered the fourth and final stage of the developmental cycle it proclaimed – the Era of Global Cities, and draws historical parallels between the modern community of Celtic-Romano-Germanic peoples and in the ancient world of the 1st century BC – the 5th century BC.

Keywords: Sovereignty, Ethnic and Cultural Identity, Europe, USA, Civilization, Atlanticism, Russia, External Proletariat, Internal Proletariat, Urban Stage of the Formation Cycle.

Б.В. Межуев. Этот доклад дает возможность поставить вопрос, по которому у нас, может быть, возникнет дискуссия. Понятно, что такое быть консерватором по отношению к прошлому, – защищать какие-то институты прошлого. Более или менее понятно, что такое быть консерватором по отношению к настоящему, – защищать статус-кво против каких-то возможных резких его изменений. Но что такое быть консерватором по отношению к будущему – будущему, которое абсолютно не ясно, которое трансформируется и изменяется на наших глазах?

То, как рассказал докладчик об этом будущем, дает основания считать, что мы имеем о нем самое отдаленное представление. Что это будет – новое неравенство, о котором говорили в одном из докладов, или, наоборот, новый эгалитаризм, новое смешение всего, победа среднего европейца? Это будет какое-то новое глобальное государство, типа Европейского Союза или трансатлантического Запада, или всеобщий регионализм? Можно ли сформулировать консервативную повестку по отношению к процессу непонятно к чему ведущих изменений?

Российская идентичность и русская традиция на исходе эпохи глобализма

Проблемы идентичности и традиции приобретают всё большую актуальность, по мере того как глобализация обнаруживает свои пределы, а локальные и региональные процессы становятся всё более значимыми.

Позволю себе напомнить о событии, которое случилось несколько лет назад в Германии и получило много эмоциональных и противоречивых откликов. Речь идет о знаменитом заявлении Ангелы Меркель о конце эпохи мультикультурализма, сделанном в 2010 году на конференции молодежной организации Христианско-демократической партии в Потсдаме.

Отказ от политики мультикультурализма стали объяснять тем, что турки и пакистанцы не желают интегрироваться в европейское общество и расставаться со своей идентичностью. Мне представляется, что вопрос о миграции в данном случае вторичен. Скорее следует говорить о том, что мир потерял экономическую устойчивость, и в связи с этим уместно ставить вопрос о нерентабельности глобализации, которая, возможно, уже достигла своих пределов.

Что мы видим сегодня? Растущую популярность национал-консервативных партий на Западе. Рост фундаменталистских движений на Ближнем Востоке и рост националистических идей в Восточной Европе. Мир стоит на пороге регионализации, увеличения значения региональных союзов, рынков и валют. И всё это – в условиях осознания того, что США всё менее способны эффективно контролировать планетарные процессы. Глобальный проект как нечто единое понемногу сворачивается, но пока что к выгоде самих глобализаторов.

На этом фоне резко увеличивается спрос на идентичность и традицию. Идентичность, традиционализм получают право на открытое политическое высказывание. Они становятся гарантом устойчивости в нестабильном мире, вступившем в полосу турбулентности.

Что такое идентичность? В переводе на язык психологии – коллективная «Я-концепция», ответ общества на вопросы «кто мы?», «откуда и куда идем?», если угодно, осознание своей исторической миссии. Сегодня выигрывает в политическом споре тот, чья идентичность более прочная и устойчивая. Кризис идентичности или ее рыхлость, напротив, ведут к утрате политических и геополитических позиций.

Обратимся к русской традиции и российской идентичности. Казалось бы, что может быть проще – назвать ряд важных для общества культурных символов, исторических событий и знаковых фигур, ценностей и табу. А дальше заявить: вот это и есть наш гештальт (от нем. Gestalt – личность, образ, форма), наш коллективный опыт, основа национальной традиции. А внутреннее чувство общности по отношению ко всему перечисленному – наша идентичность.

Щипков Александр Владимирович, кандидат философских наук, директор Московского центра социальных исследований, главный редактор интернет-журнала «RELIGARE.ru», действительный государственный советник 3 класса. E-mail: av@schipkov.ru

Однако тема российской идентичности остается одной из самых проблемных в дискуссиях. Для того чтобы разобраться в ней, необходимо понимать, в чем заключается неизменный элемент русского коллективного сознания, – тот, что дает о себе знать при любых политических режимах. То есть в чем заключается ядро традиции.

Если следовать известной формуле Макса Вебера, таким ядром в России являются «православная этика и дух солидаризма». Речь идет не об искусственном усилении церковного влияния, а именно о христианской этике и, говоря современным языком, социальном государстве. В силу упомянутых принципов в России невозможен сценарий унитарного национализма. Русская и российская идентичность основана на религиозно-этической, а не на этнонациональной доминанте.

Одним из важных элементов российской идентичности является ирредентизм – идея воссоединения самого крупного на сегодняшний день из разделенных народов мира – русского. Воссоединения – но не насильственной «русификации» других этносов.

Условием окончательного складывания идентичности и рождения нации в России является преодоление исторических разрывов: например, поиск соединения «секулярного» и «религиозного» или преодоление конфликта между бывшими красными и белыми. Решение этих задач также соединяет части разделенного русского народа, но не в пространстве, как ирредентизм (например, возвращение Крыма), а во времени.

И еще одно важное условие: наличие общественного проекта. Ни одна большая страна не может жить и не живет «по обстоятельствам». Лишь соединение собственного образа с желаемым образом будущего позволяет традиции работать, а идентичности (субъектному измерению традиции) развиваться. Только в этом случае традиционализм не ведет к исторической инкапсуляции.

Ядро любой национальной традиции – общие ценности и модели взаимодействия людей в рамках этих ценностей. То есть социальная этика и морально-нравственный «код». Но такая этика, как правило, имеет религиозные истоки. Макс Вебер в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) утверждал, что любая религия связана с общественными устройствами, а не только с проблемой спасения души. Он говорил, что любая религия помимо сотериологической цели имеет и вполне конкретные общественные задачи и что любой религиозно-этический комплекс оказывает влияние на общественные отношения, включая экономику.

Сегодня веберовское утверждение – аксиома общественных наук. Из нее следует, что никакая общественная этика не может иметь других корней, кроме религиозных. Если связь с этими корнями прерывается, этика все равно остается в подсознании нации. Ее можно реконструировать методами гуманитарных исследований, а можно наблюдать воочию в кризисные и поворотные моменты истории. Например, во время Великой Отечественной войны очень многие советские солдаты, несмотря на официальный атеизм, обращались к вере.

Но как определить этический и культурный аспекты русской традиции на основе религиозного фактора?

Если придерживаться веберовской формулы, получится следующее определение: «православная этика и дух солидарности» (то есть справедливости, товарищества и взаимопомощи). Это – специфический русский этос. Важной его частью является идея справедливого общества. Перенос этого принципа из эпохи крестьянской общины в период строительства социального государства (пусть и с неоднозначными результатами) закономерен. Он отражает социальную проекцию евангельских архетипов в русском обществе посредством православия и православной церкви. Апостольское христианство, содержащее в

себе идеал общинной справедливости, и общественная справедливость в России – неразрывные понятия.

Идея справедливости играет в русской традиции роль категорического императива. Даже революцию 1917 года вчерашние крестьяне воспринимали не как диктат воинствующего безбожия, а как приход высшей справедливости. Подлинные корни идеи социальной справедливости в русской традиции – не в политэкономических тезисах марксистов, а в христианском сознании.

Культурный контекст также обнаруживает тесное взаимодействие светского и религиозного. Даже узкий слой российской интеллигентской культуры, где светская и религиозная линии кардинально разошлись еще в XVIII веке, испытывал это взаимопроникновение (вспомним произведения Гоголя, Достоевского, Лескова, Льва Толстого). А уж в остальном обществе – как говорится, «в народе» – взаимодействие, взаимообмен светского и религиозного осуществлялись постоянно. Выражения вроде «это не по-христиански», «креста на тебе нет!», «побойся Бога» часто можно услышать из уст нерелигиозных людей. Светское общество несет в самом себе нормы христианской этики.

Разумеется, и РПЦ, и духовенство других религий учитывает этот феномен социального начала в религии и работает с ним. В последние годы получили известность положения «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Аналогичный документ существует и действует в Римско-католической церкви. Здесь Россия следует мировым трендам.

В последнее время набирает силу процесс социализации РПЦ. В СССР такой процесс был невозможен, а в России 1990-х – замедлен. Между тем, например, в Польше социализация церкви прошла еще в 1980-х годах. После ухода коммунистов никто не мешал польскому католичеству вернуться в свою социальную нишу. Поэтому сегодня вся консервативная часть политического спектра Польши пропитана католическими идеями.

В других странах Европы и Америки социализация прошла еще раньше. В России она происходит с некоторой временной задержкой. Причина – слишком долгий период государственного атеизма, а также его сегодняшние рецидивы, от которых не свободна часть политической элиты.

Тем не менее процесс социализации православия и других традиционных религий в России исторически неизбежен. Он находится в русле мировых тенденций. В частности, этот процесс поддерживается запросом современного общества на «светскую религиозность», связанную с феноменом «постсекулярности», о которой в последние годы много говорят как на Западе, так и в России. Есть и еще один фактор, способствующий повышению роли религии в модели мира российской цивилизации. Он касается уже непосредственно Церкви, которой сегодня принадлежит особая роль в деле сохранения национальной традиции. РПЦ оказалась единственным институтом исторической России, который пережил советский период. Именно он связывает нацию живыми нитями с ее дореволюционной культурой. Историческая преемственность России все еще четко не определена, поэтому Церковь невольно стала хранителем всей национальной традиции, а не только церковной. Конечно, это роль скорее «временно исполняющего обязанности», и как только эти обязанности возьмут на себя другие общественные институты, РПЦ их уступит.

Сегодня духовенство не только РПЦ, но и всех традиционных религий, существующих в России, ответственно за то, чтобы религиозная этика и культура укреплялись независимо от отношения тех или иных людей собственно к религии. В этом случае можно рассчитывать на целостность и моральное здоровье российского общества в будущем, на межнациональный и межконфессиональный мир.

Христианская этика может стать точкой сборки значимых для России социокультурных содержаний. Этот фактор в сочетании с фактором русского языка позволяет дать более четкое смысловое наполнение понятию «русский мир», которое все еще не получило окончательного определения.

Аннотация. В докладе говорится о новом историческом запросе на традицию и идентичность, который возникает по мере того как процесс глобализации обнаруживает свои естественные пределы. Утверждается, что русская и российская идентичности основаны на религиозно-этической, а не на этнической доминанте. Одним из важных элементов российской идентичности следует считать ирредентизм (идею воссоединения самого крупного на сегодня разделенного народа мира – русского), который следует отличать от насильственной «русификации» других этносов. Ядро русской идентичности, если придерживаться известной веберовской формулы, – «православная этика и дух солидарности» (то есть справедливости, товарищества и взаимопомощи). Это и есть специфический русский этос. Практически идея справедливости играет в русской традиции роль категорического императива. По мнению автора, христианская этика может стать точкой сборки значимых для России социокультурных содержаний. Этот фактор в сочетании с фактором русского языка позволяет дать и более четкое смысловое наполнение понятию «русский мир», которое все еще не получило окончательного определения.

Ключевые слова: идентичность, православная этика, пределы глобализации, русский мир, солидарность, справедливость, традиция, этос.

Alexander Shchipkov, Ph.D. in Philosophy, Director, Moscow Centre for Social Studies; Editor-in-Chief, Online-journal ELIGARE.ru; Actual State Councillor, 3rd class.

Russian Identity and Russian Tradition at the End of the Globalization Era

Abstract. The report dwells on a new demand for tradition and identity, which emerges as globalization exhausts itself. The keynote of Russian identity is claimed to be religious and ethical, rather than ethnic. Irredentism - the reunification of the largest divided nation (Russian) – should be viewed as a key element of Russian identity. It should be distinguished from russification of other ethnic groups by force. To cite Weber's famous formula, the core of Russian identity is formed by "Orthodox ethics and solidarity spirit, that is equity, partnership and mutual assistance. This is a particular Russian ethos. In practice, justice plays the role of the categorical imperative in the Russian tradition. The author believes that meaningful socio-cultural ideas can be centred round Christian ethics. This factor, along with the Russian language, allows to make the "Russian World" concept more precise from the semantic point of view, as this notion still needs to be fully defined.

Keywords: Identity, Orthodox Ethics, Globalization Limits, Russian World, Solidarity, Justice, Tradition, Ethos.

Крымский вклад в Революцию геополитической справедливости и новая миссия России

События, получившие название Крымской весны, вызвали заметный международный резонанс. Они заставили говорить и думать о себе не только всю Россию, но и всю Европу, даже те ее закоулки, где до весны минувшего года не были в курсе о существовании нашего полуострова. За последнее время Крым стал узнаваем и неимоверно популярен в мире.

При этом заметно, как крымская тема расколола европейское общество на две непримиримые части. В одну попали приверженцы традиционных ценностей, критически настроенные к брюссельской бюрократии ЕС-скептики и регионалисты. Вторая состоит из нерушимого блока неолибералов и обитателей разного рода сфер, успешно паразитирующих на различных аспектах глобализации. Силы неравны: антикрымские находятся в Европе у власти, прокрымские – в оппозиции. Но стратегическая инициатива – у наших союзников.

Достаточно вспомнить, что в 2014 году в зоне ЕС, вслед за крымским, были предприняты три попытки проведения референдумов о самоопределении исторических регионов. Правда, осуществлена из них только одна, да и она завершилась отрицательным результатом. Тем не менее в ходе этих попыток можно было наблюдать, скажем, митингующих на улицах Венеции местных регионалистов, размахивающих крымскими флагами. По крымскому примеру заявляют о необходимости исправить историческую несправедливость Трансильвания и Южный Тироль. Каталонцам и шотландцам тоже есть чему поучиться у крымчан, если они намерены и в дальнейшем добиваться повышения статуса своих регионов путем всенародного волеизъявления.

Все эти события и тенденции свидетельствуют о том, что мы вступаем в полосу глобальной революции регионов, симптомы которой наблюдаются последние два-три десятка лет. В этот период вызревала ситуация, когда единицей мировой политики становится целостный регион, опирающийся на совокупную политическую волю сложившегося в его границах сообщества, а не национальные государства с их договорными или силовыми границами. Похоже, этот революционный процесс вступает в новую, решающую, фазу. В новых обстоятельствах уместно было бы назвать происходящее в его рамках Революцией геополитической справедливости. Теперь она направлена не только на переформатирование устаревших национальных проектов, но и против того мироустройства, в котором только одному государству принадлежало право определять судьбу регионов и целых государств. Именно против этой геополитической монополии выступила Россия, недвусмысленно заявившая о поддержке исторически справедливого, основанного на безусловно выраженной воле народа, ирредентистского порыва Крыма.

Такой шаг – большой риск для страны, которая сама является полиэтничной, поликонфессиональной федерацией. Этот шаг не мог быть предпринят без глубокой уверенности руководства страны в своей исторической правоте. Это – фактическое возвращение России на мировую арену в качестве сверхдержавы.

Никифоров Андрей Ростиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, член Общественной палаты Республики Крым. E-mail: nandrey@bk.ru

вы. Ведь статус сверхдержавы определяется не количеством ядерных ракет и не экономическим потенциалом. Хотя и ими тоже. Но главное – наличие своего проекта миропорядка, своя глобальная миссия. Теперь у России она имеется.

Европе этот проект предлагает вернуться к собственной идентичности: христианской, гуманистической и исконно-народной. Как представляется, это единственный шанс на культурно-историческую реанимацию континента. Разумеется, речь идет не о том, чтобы, освободив Европу от вашингтонского протектората, заменить его московским. Речь – о создании условий для равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Необходимым условием для этого является избавление Европы от навязчивой американской опеки.

Создание в Крыму Международного центра (или института) региональных проблем, осуществление через него исследовательских, образовательных, культурных и информационных программ – видится вполне резонным и целесообразным.

Крымскую весну можно рассматривать как первую фазу борьбы за новый миропорядок, за геополитическую справедливость. Такой курс был обозначен еще в Мюнхенской речи Путина и прочерчен российским президентом в его Крымской речи 18 марта 2014 года. Это и есть русский политический стиль, начало которого было положено еще Александром Невским в его знаменитом «Не в силе Бог, а в Правде!». Руководствуясь именно этим принципом, русские помогли Европе избавиться от тирании Наполеона в девятнадцатом веке и Гитлера – в двадцатом.

Собственно, в чем проблема отношений России и Европы? На мой взгляд, в том, что меняется своего рода внутренний баланс в одном и в другом пространстве. Причем баланс меняется по-разному, и в некоторых случаях Европа для нас вполне адекватный партнер, а в других с ней говорить особо не о чем – мы отвергаем ту жизнеотрицающую тенденцию, которая доминирует на современном Западе. Мы не приемлем то, что разрушает Европу как некую целостность, подрывает ее традиции, ее основы.

Мне было удивительно слышать здесь, что функция России – быть хранителем европейской ценностей. Россия уже дважды спасала Европу от нее самой, в какой-то степени возвращая ее к ее же европейским традициям, давая шанс на перезагрузку. Так было после наполеоновских войн, и в какой-то степени мы с этим столкнулись после Второй мировой войны – конечно, с поправкой на то, чем была сама Россия. Ведь ее псевдоним «Советский Союз» означал не только изменение формы, но и изменение сущности. И потому в первом случае мы получили Венский конгресс со Священным Союзом, а во втором – раскол Европы, «железный занавес» и все вытекающие из этого последствия. Но до того была Великая Победа и было освобождение Европы. И можно себе представить, куда зашла бы европейская цивилизация, не будь всего этого и существуй она в тех рамках, которые были заданы ей нацистским режимом.

Нередко в связи с идеологией и практикой консерватизма задают такой бытовой вопрос – а что вы, собственно, консервируете? Наш регион был на двадцать три года законсервирован в отрыве от большой России. И, судя по всему, эта консервация удалась – иначе мы не вернулись бы так легко и сравнительно безболезненно в состав Российского государства. О безболезненности и легкости я говорю, имея в виду морально-психологические и социально-политические аспекты, потому что существуют сферы, требующие серьезной адаптации. Но тем не менее во многих отношениях эти «консервы» оказались хорошего качества. Крым сейчас – уникальный объект изучения для социологов.

Аннотация. «Крымская весна» была проявлением усилившейся в последние десятилетия тенденции регионализации. Единицей мировой политики становится целостный регион, опирающийся на совокупную политическую волю сложившегося в его границах сообщества, а не национальные государства с их договорными или силовыми границами. Крымская тема расколола европейское общество на две непримиримые части: в одну попали регионалисты, приверженцы традиционных ценностей, в другую – неолiberaлы и все те, кто паразитирует на процессах глобализации. «Крымская весна» ознаменовала собой начало Революции геополитической справедливости.

Ключевые слова: «Крымская весна», регионализм, традиционные ценности.

Andrei Nikiforov, Ph.D. in History; Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Philosophy, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University; Member of the Public Chamber of the Republic of Crimea. E-mail: nandrey@bk.ru

The Crimean Contribution to the Revolutionary Restoration of Geopolitical Justice and the New Mission of Russia

Abstract. The “Crimean Spring” was a manifestation of the expanding regionalization, that the world has been witnessing in recent years. An integral region becomes the actor of world politics. The region relies on the collective political will of the regional community rather than on separate nation-states with their borders established by treaties or by force. The Crimean issue has provoked sharp divisions in European society, virtually splitting it in two parts: a group of regionalists, advocates of traditional values and a group of neo-liberals and all those who scrounge off globalization. The “Crimean Spring” marked the beginning of the revolutionary restoration of geopolitical justice.

Keywords: “Crimean Spring”, Regionalism, Traditional Values.

Б.В. Межуев. Мне представляется ценным само по себе это странное, парадоксальное словосочетание – «геополитическая справедливость». О нем следует подумать, ведь обычно считается, что

геополитика и справедливость – вещи малосовместимые. Геополитика исходит из интересов, в лучшем случае из требований порядка. Но соединение слов «геополитика» и «справедливость» всегда вызывает много вопросов.

Бердяев и русское/европейское самосознание: история как миф, религия как духовность и творческая свобода / *Berdiaev and the Russian/European Self: History as a Myth, Religion as Spirituality, and the Creative Freedom*

Абсолютно очевидной представляется мысль о том, что идеи Бердяева имеют ярко выраженную практическую составляющую, чем часто пренебрегали ранее. Бердяев не принадлежит к числу философов-теоретиков, чьи абстрактные идеи не могут быть воплощены на практике, он скорее практик, эмпирик. Многие его идеи применимы в современном контексте.

Для Бердяева свобода представляет собой моральный долг. Свобода и нравственность взаимосвязаны, и мы действуем в соответствии с определенными правилами и убеждениями.

Он полагал, что своим единством Европа обязана не только политике и экономике, но и единому понимаю морали, а также своему превосходству в вопросах понимания этики, которую Бердяев понимал как комплексное видение морали. Его видение превосходства не имеет ничего общего с тоталитарными или авторитарными идеями. По словам Бердяева, будущее Европы зависит от сохранения ею христианской духовной сущности. Без христианства у Европы нет будущего.

Бердяев разграничивает понятия «Европа» и «Запад», связывая «Запад» с «торговыми отношениями». Европа же представляется ему более сложным и масштабным явлением, которое нельзя понимать исключительно как некий географический или геостратегический регион. Более подробно об этом написано в книге «Защита Запада» (“D fense del’Occident”) Анри Массиса. Долг России – сохранить духовность для Европы. Россия является единственной европейской страной, которая не должна руководствоваться идеями эгоцентризма. Чтобы спасти Европу и подлинно европейские базовые концепты, то есть идеи, которые лежат в основе европейского общества, Россия должна сохранить духовную чистоту.

Некорректным является представление и о том, что Бердяев отрицал идею свободы. Напротив, «свобода» в его понимании отличается от таких понятий, как «беспорядок» («отсутствие порядка в политической сфере», «неупорядоченность в вопросах морали», «отсутствие национальной идеи») или «утрата ценностей». Он понимает ее иначе. Конечно, европейское общество – целиком или какая-либо его часть – могут следовать «неправильному» представлению о свободе. Но Бердяев связывал идею свободы с христианской идеей. В христианстве для него заключена суть чистоты и истины. Его видение свободы связано с представлением о том, что связующими для общества, народа, являются не

Хосе Хесус Санмартин Пардо, профессор политологии и государственного управления Департамента государственно-правовых исследований Университета Аликанте (Испания).

E-mail: jose.sanmartin@ua.es

José Jesús Sanmartín Pardo, Professor of Political Science and Public Administration, Department of State Legal Studies, University of Alicante (Spain). E-mail: jose.sanmartin@ua.es

только физические, культурные или географические факторы, но и общность ценностей, взглядов и чувств, убеждений и эмоций по отношению к значимым для страны историческим событиям и т.д. Мы формируемся не столько под воздействием неких обыденных явлений, сколько воплощаем в себе исторический опыт, общность морали и патриотической настрой.

Материализм является частью проблемы. Поэтому Бердяев выступал не только против коммунизма, но и против радикальных форм капитализма в Западной Европе, где главной ценностью являются деньги. В чем-то идеи Бердяева даже более патриотичны, чем идеи националистов. Он предположил, что при общности моральных и духовных ценностей возникают новые возможности для улучшения нашей собственной жизни и, что еще более важно, жизни в целом. Солидарность – одно из ключевых понятий в его философии. Его подход в корне отличается от авторитарных идей его современников. Например, фашисты и националисты использовали идеи многих писателей и философов своего времени, чтобы скрыть тоталитарный по сути характер своего подхода. В недавнем исследовании было установлено, что основы нацистской тоталитарной идеологии заложил американский радикальный мыслитель правого толка Мэдисон Грант. Эта идеология базируется на идеях расизма, превосходства белой расы, превосходства в вопросах морали и т.д. Выяснилось, что Мэдисон Грант оказал более значительное влияние на формирование национал-социализма в Германии, чем многие европейские мыслители.

Бердяев исходил из того, что мораль выходит за рамки исключительно политической жизни, а духовность является основным источником позитивной свободы. Политики служат обществу и людям, передавая им свои ценности и убеждения. Бердяев полагал, что необходимо содействовать формированию не только достойных граждан, но и достойных людей. В этом и заключено великое будущее для России как общества, основанного на демократических принципах, а также и для Европы, если ей удастся восстановить свою моральную идентичность.

Прочитав классические работы Марко Марковича и Владимира Вейдле. «Двадцатилетний период до революции 1917 года можно назвать «Серебряным веком» в русской культуре и общественной жизни» (В. Вейдле). Утверждение М. Марковича также немного противоречиво, но по сути истинно: «Бердяев обогатил русскую идею пророческим измерением (профетизмом): страх и надежда, пессимизм и борьба с нашими слабостями». Вейдле полагал, что произошедшие перемены положительно отразились не только на духовной сущности и ее многоаспектности в религиозных вопросах и интеллектуальном богатстве, но и на жизни и престиже российского государства. Защита, безопасность государства – крайне важный момент. Если есть народ, существует и государство. По Бердяеву, если придерживаться требований морали, то возрождение возможно после страшного кризиса. Переустройство российского общества будет опираться на два взаимосвязанных понятия – «честь» и «патриотизм». В этом для Бердяева суть истории и этики. Воскресение русского народа придет после победы над Антихристом (коммунистической властью). Вечность представляется для него «божественной реальностью». Метафизическое находится за пределами эмпирического познания. Общество должно уважать религию, а Россия должна оставаться христианской страной. Необходимо сохранять религию как выражение духовности. Без этого Европа не окрепнет. Соответственно, история есть взаимодействие между вечностью и сегодняшним днем, постоянная борьба между вечным и преходящим.

Бердяев считал, что уникальный русский консерватизм, имеющий в своей основе общие для всего российского общества (кроме некоторых меньшинств) ценности, обладает серьезными перспективами как базис развития. После рас-

пада Советского Союза многие россияне чувствовали себя политически, институционально осиротевшими. Такой консерватизм может стать созидательной силой в деле укрепления российских институтов. И залогом этому станет возрождение чувства солидарности, глубоко христианского по своей сути, как полагал Бердяев.

Блестящий русский мыслитель оставил открытым путь к лучшему обществу, шаг за шагом, через совершенствование демократических институтов и с опорой на консервативные ценности.

Перевод с английского Н.В. Панич

Б.В. Межуев. В докладе Бориса Игоревича Макаренко была поставлена проблема: российский консерватизм нередко обвиняют в том, что он лишь наполовину консерватизм, а на другую половину – левый. Словосочетание «левый консерватизм» хотя и выглядит оксюмороном, но по сути очень точно соответствует тому, о чем говорим мы, когда пытаемся представить собственные взгляды. В предшествующих выступлениях какие главные слова присутствовали? «Справедливость» или «солидарность». Термины, которые

едва ли, особенно «справедливость», можно назвать типичными для западного, особенно современного, англосаксонского консерватизма. Может быть, в этом есть и что-то позитивное для России. Может быть, консервативная справедливость – это и есть то, что Россия привносит в мир консервативного забвения двух ценностей – традиции и справедливости.

Следующий докладчик соединяет в себе левые и консервативные взгляды – Сергей Феликсович Черняховский.

Консервация и конструирование: поиск философии будущего в советской политической мысли

Известен тезис о том, что консерватизм подчас актуализируется тогда, когда консервировать из реальности оказывается нечего. Однако остаются и отчасти превращаются в материальную силу воспоминания, стиль, образы, которые боль утраты требует вернуть и привнести в измененную реальность. И когда мы говорим о консервации под таким углом зрения, мы не имеем в виду остановить ход истории и ход изменений.

Подспудно имеется в виду именно тезис Бердяева, приведенный полтора года назад в послании Федеральному Собранию Путиным. Тезис о том, что консерватизм мешает не движению вперед, а обрушению назад. То есть в этом отношении консервация рассматривается как начало конструктивности – конструктивности именно в смысле конструирования, строительства на принятой ценностной и смысловой базе. То есть субъект сознательного строительства, конструирования стремится сохранить то, что для него привычно, значимо и доказало свою ценность, и на основе этого сконструировать то общество, которое возьмет с собой все лучшее из реально накопленного.

Если мы посмотрим на базовую утопическую доктрину, давшую название явлению утопии, то есть «Утопию» Томаса Мора, которая стала исходной основой коммунистического проекта, то наряду с традиционной трактовкой, в первую очередь как утопической модели коммунизма, есть богатая традиция в исследовательской мысли, согласно которой та утопия была консервативной, являя собой попытку вернуться – Томас Мор был очень религиозным человеком – во времена несколько более ранние и смоделировать, как можно, не ломая существующий мир, разумно организовать общество. Кстати, по Морю, в этом коммунистическом обществе признавалось право на исповедание любого религиозного воззрения – кроме атеизма, который предполагалось запретить. Если мы посмотрим на мировоззрение первых коммунистических утопистов, то увидим интересную картину: Мор жизнь свою отдал за католическую веру, Кампанелла – монах, Уинстенли – религиозный пуританин, Мелье – священник, Мабли – воспитанник ордена иезуитов. Почему? Дело не в том, что, как иногда говорят, коммунизм рождается из религиозных постулатов, хотя в своем обращении к началам справедливости и коммунизм, и христианство оказываются родственны. Дело в том, что Утопия появляется на стыке эпох. Это, конечно, отрицание старого мира – но это и отрицание того, что первичным образом идет ему на смену.

Утопия возникает тогда, когда есть некий устоявшийся мир, со своими плюсами и минусами. И идет «вал прогресса», наступает новый мир. И этот но-

Черняховский Сергей Феликсович, доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: serfecher@mail.ru

вый мир, который, казалось бы, является тем, что мы назвали бы сейчас прогрессом, несет с собой те или иные моменты разрушения. Во времена Мора на место традиционных, относительно духовных отношений приходит мир частной собственности с выгодой, или, в иной терминологии, мир Традиции заменяется миром Модерна, аграрное общество сменяется обществом индустриальным – или: феодализм сменяется капитализмом.

В свое время В.Г. Графский выделял три основные формы обсуждения природы властных отношений: произведения политико-философские (диалоги Платона и трактаты Аристотеля – до «Философии права» Гегеля), политико-наставительные (биографии Плутарха, «Артхашастра» Каутильи – до «Государя» Макиавелли) и, особенно, мифопоэтические, художественно-образные, к которым он причисляет и древние мифы, и классические произведения политической мысли, подобные «Утопии» Т. Мора или «Новому прекрасному миру» О. Хаксли¹.

И конструирование, в чем-то вырастающее из идеи сохранения, берет с собой то, что оно хочет сохранить, берет то из наступающего, что неизбежно надо принять, но выстраивает альтернативу. Было аграрное традиционное общество. Начинает рождаться индустриальность с частной собственностью.

Получается, что не Зло сменяется Добром – а одна комбинация Добра и Зла сменяется другой комбинацией Добра и Зла. И утопия отвечает своим проектом: соединить Добро старое с Добром новым, от прошлого взять доброе, удалив злое, от будущего принять Добро, перешагнув через соединенное с ним Зло. Это конструирование пытается сказать: да, индустриальное общество мы принимаем, но с некоторой альтернативой тому виду, который приходит. И пытается представить, на самом деле, его новую, следующую фазу.

Утопия – ведь это не то, чего не может быть, утопия, по мысли Мора, – это то, чего нет, но что реально могло бы быть. Мор писал «Утопию», как и Макиавелли «Государя», не просто так, он писал это для Генриха сначала VII, потом VIII как проект того, каким образом улучшить английскую жизнь. Там все было рационально продумано и опиралось на традиции старой Англии.

Что значит создать утопию? *Не признавать, что мы живем в лучшем из миров; – принять вызов, согласившись на построение нового мира.*

Кто сможет сказать, что вряд ли возможно что-либо более романтическое, чем утопия? Но утопия – вовсе не благостная идиллия. Утопия – вызов, который бросают, принимают и отстаивают. И за который платят. Утопия – это не несуществующее и невозможное. Утопия – это то, чего нет в данное время и в данном месте. А значит то, что может быть создано. Иногда очень большой ценой.

Политика в конечном счете сводится к творению утопии – и созданию почвы для ее возникновения. *Утопия управляет политикой.* Все крупнейшие движения и акты исторического творчества были осуществлены потому, что существовала некая утопия, которая приводила в действие миллионные массы – единственного реального субъекта истории.

Утопия обладает способностью менять реальность – значит, она реальна и реалистична. Реальность создает Утопию. Значит, она ее требует, она с ней – одной крови. И поэтому *нет в конечном счете полной противоположности «реальной политики» и «политической утопии».*

Что можно признать реальной политикой? То, что рождается из реальности и творит реальность. Тогда прежде всего утопия – это реальная политика. Что значит быть настоящим романтиком в любом деле? Это, как говорилось в культовом советском фильме «Чародеи»: «Видеть цель. Не замечать препятствий. Верить в себя».

¹ См.: *Графский В.Г.* Представления о власти в историко-теоретической перспективе // История политической мысли и современность. М., 1983. С. 44–45.

На определенных этапах межцивилизационного перехода, как от аграрного общества к индустриальному, так и от индустриального к постиндустриальному, мы сталкиваемся с этапами великих утопических запросов, которые имеют три основных формата.

Первый. Возникает необходимость предложить некий идеальный политический конструкт – политическому сознанию в принципе свойственно это качество идеального альтернативного конструирования, причем зачастую опережающего.

Второй. Нет достаточного количества фактических данных и знаний, чтобы дать этот конструкт в рамках чистой рациональности.

Третий. Сама идея государства, общественного устройства, начинает выступать как идея эстетическая. В раннее Новое время, в период классицизма, государство понималось как идеальное государство, как определенная эстетическая категория, как начало прекрасного.

Мы можем говорить о двух таких периодах запроса. Первый хорошо нам известен – до XIX века. Второй – начало второй половины XX века – в значительной степени связан с политической мыслью советской, но нашедшей иную концептуальную форму выражения, чем академическая наука. Когда сейчас пытаются говорить о поисках в сфере советской политической философии и философии вообще, кто-то восторгается Ильенковым, кто-то – Момджаном.

Борис Межуев в недавней книге¹ прекрасно показал, как многие советские философы, искавшие развития теории, уходили в культурологию, уходили от реальных политических поисков.

Период 50–70-х годов XX века, время начала перехода от индустриального общества к постиндустриальному, тоже является периодом Великого утопического запроса. В этот период наряду с академической политической философией родилась другая ветвь политической философии – наряду с тем, что было в университетских центрах и что развивал Александр Митрофанович Ковалев в Московском университете, – появилась ветвь великих советских утопий, выраженных в научной фантастике 1950–1960-х годов.

Анализ этого направления политической философии требует отдельного внимания. Однако особо следует назвать четыре имени и четыре утопических проекта. Это прежде всего Георгий Мартынов, который первым начал писать, а потом отложил такую утопию («Гость из Бездны»). Это Иван Ефремов с его «Туманностью Андромеды». Это Стругацкие с их миром Полудня. И это Георгий Гуревич с его книгой «Мы – из Солнечной системы». Все они были связаны с конструкцией и философией будущего и тех проблем, которые могут возникнуть в грядущем, и различаются по ряду категорий и разделений будущей проблематики. То есть они рассматривают модели от альтернативной политической организации коммунистического общества до системы этических противоречий. Наиболее яркую картину дают Стругацкие. Они сказали в «Полудне» – «Вот это великое общество» – и, развивая свое построение и свой анализ, выдвинули постулат: великое не может быть мертвым, а жизнь всегда несет в себе противоречия. И они стали рисовать картину противоречий идеального общества.

«Попытка к бегству», «Далекая радуга», «Обитаемый остров», последующие произведения, рисующие мир Полудня, показывают: в этом мире будут свои проблемы, и к ним нужно быть готовыми.

Почему их любимой фразой была: «И сказали мне, что дорога эта ведет к океану смерти, я убоился и повернул обратно, и с тех пор стелются передо мной все глухие, кривые, окольные тропы»? Потому что они говорят: «Да, это общество для сегодняшнего дня идеальное, но для завтрашнего оно не будет

¹ Межуев Б.В. Перестройка-2. Опыт повторения. М.: Весь Мир, 2014.

идеальным, там будут огромнейшие проблемы, которые нам придется решать. Но если мы не пойдем этим путем, то получим проклятые миры: мир Саракша, мир планеты Гиганда, мир Града обреченного и так далее. И тут человеку придется выбирать: либо тупик, движение по кругу, либо путь к новым проблемам».

Они показали, по существу, что если человек испугается понимания неидеальности своего идеала и остановится в своем движении к нему, то окажется в тупике, будет обречен на постоянное блуждание в лабиринтах отжившего. Испугавшийся будущего его же и недостоин – как, впрочем, и настоящего.

Мы часто используем слова «футурология», «прогнозирование», «утопия» и гораздо реже – «философия будущего», с которыми в академической науке связаны имена Моисеева и Панарина. В чем отличие между прогнозированием и философией будущего? Прогнозирование рисует мир, как автоматически в своем развитии воспроизводящий существующие постулаты и подчиненный им. Философия будущего строит мир, предполагающий возможность изменения существующих постулатов, возможность подчинить его выбору своих предпочтений. Об этом и писал Панарин: «Давайте сначала сконструируем постулаты, которые мы из прошлого переносим в будущее, и развиваем общество дальше».

В очень интересной книге по теории искусства «Балет и драма» трактуется принципиальное различие этих видов искусства: балет – это синхронное искусство, показывающее ситуацию в статике, драма – динамическое, показывающее развитие ситуации в динамике. В первом случае сюжет малозначим, важен показ ситуации с разных сторон. Драма – дает развитие.

В этом отношении, представляется целесообразным – в том числе и в поисках, связанных с консерватизмом, – искать статику: что же говорили те или иные консерваторы в тот или иной момент в той или иной работе. Это – как балет интеллектуального поиска. Но это именно то, в чем утонула советская общественная мысль, которая вместо развития и поиска нового занималась выяснением, что еще сказали Маркс, Ленин, Лассаль, Плеханов...

Проблема же заключается в том, а что мы хотим сконструировать, что из прошлого мы хотим взять в будущее и построить ту картину, которая отвечает на наш запрос идентификации и сбережения – но сбережения в развиваемом нами мире.

И тут главный момент – остаться самими собой, сохранить свои ценности и тождества, создав новый облик мира. Это – центральный момент поиска. Вновь вспомним Бердяева: задача консерватизма не мешать движению в будущее, а уберечь от упадка в прошлое.

«Ваша совесть подвигает вас на изменение порядка вещей, то есть на нарушение законов этого порядка, определяемых стремлениями масс, то есть на изменение стремлений масс по образу и подобию ваших стремлений. Это смешно и антиисторично. Ваш затуманенный и оглушенный совестью разум утратил способность отличать реальное благо масс от воображаемого, продиктованного вашей совестью. А разум нужно держать в чистоте. Не хотите, не можете – что ж, тем хуже для вас. И не только для вас. Вы скажете, что в том мире, откуда вы пришли, люди не могут жить с нечистой совестью. Что ж, перестаньте жить. Это тоже неплохой выход – и для вас, и для других...

Совесть действительно задает идеалы. Но идеалы потому так и называются, что находятся в разительном несоответствии с действительностью. Я ведь только это и хочу сказать, только это и повторяю: не следует нянчиться со своей совестью, надо почаще подставлять ее пыльному сквозняку новой действительности и не бояться появления на ней пятнышек и грубой корочки...

Действуйте. Только пусть ваша совесть не мешает вам ясно мыслить, а ваш разум не стесняется, когда нужно, отстранить совесть...».

А. и Б. Стругацкие «Обитаемый остров»

Мир и его базовые ценности сохраняет не тот, кто грезит и проповедует благость путей к достижению благой цели... В чем сохранение значимого, если желаемое однозначно привлекательно, сладостно и без напряжения достижимо?

Сохранение идентичности в том, чтобы видеть цель и грезить о ней, одновременно напрягая все мышцы и нервы, срывая ногти и ломая ноги – но не отказываться от движения к ней. Последнее – сущий реализм. Реализм – это средство утверждения романтизма.

Существует три типа политических деятелей. Первый – тот, кто рассматривает власть как средство осуществления Мечты, Проекта, Утопии. Второй – тот, для кого власть – смысл всей деятельности. Третий – для кого власть – средство достижения конкретных благ для себя и своего окружения.

Первый всегда одержит победу и над вторым, и над третьим. Второй – уступит первому и победит третьего. Есть, правда, еще и четвертый – тот, кто чувствует, что странным стечением обстоятельств получил в руки власть, и знает, что нужно что-либо совершить, – но вот не знает, что именно.

Средства не могут доминировать над целями. Не могут подчинять их себе. *Цель всегда выше и важнее средств.* Романтика и реалистичность в политике никогда не противоречат друг другу, если в стремлении к своим целям оставаться верным им и быть последовательным в действиях.

Сохранение – правильный выбор цели. Реалистичность – правильный выбор необходимых для их достижений средств. *Политика в известном смысле лишь тогда остается политикой, когда она является романтикой.* Потому что иначе она отказывается от центрального для самого себя компонента – полисности. От своей значимости для чего-то большего, нежели твои собственные интересы.

Sub specie aeternitatis

{ Дискуссия в Кантовской библиотеке }

Л.В. Поляков. Поскольку мы в гостях и наши хозяева много знают о том месте, в котором мы сегодня собрались, я попрошу хозяйку этого дома рассказать о нем.

И.С. Кузнецова. Уважаемые коллеги! Это здание, весь этот собор, до 1992 года лежало в руинах. Библиотека, в которой мы находимся, была восстановлена по фотографиям. Хотела бы рассказать о ее истории, потому что это необычно для Германии, чтобы в соборе находилась светская библиотека. В русской культуре такое принято – как вы помните, в Великом Новгороде в соборе хранилась библиотека, которая была как религиозной, так и светской. И в этом соборе до поры до времени не было никакой библиотеки. Но в XVII веке канцлер Восточной Пруссии Мартин фон Валленродт, выпускник Кенигсбергского университета, собрал большую по тем временам книжную коллекцию. Были у него отпечатанные книги и рукописные книги, были письма известных людей, например, Лютера. Собрав библиотеку, он перенес сильнейшее потрясение: в Кенигсберге очень часто бывали пожары, и в одном из них сгорел дворец герцогов Валленродтов, сгорела и библиотека. Мартин Валленродт убивался не столько по дворцу, сколько по библиотеке. Но затем собрался с духом и собрал вторую. В этом собрании тоже были манускрипты, инкунабулы, появилась и коллекция древних монет. Он завещал своим сыновьям сделать это собрание доступным для образования молодых людей. Герцог настолько дорожил библиотекой, что решил в завещании напугать сыновей: если они посмеют разбить собрание на части, его призрак восстанет из гроба и будет преследовать их. Впрочем, его сыновья были глубоко порядочными людьми. Один из них, Эрнст фон Валленродт, был ландмейстером Восточной Пруссии, он окончил университет, много путешествовал, бывал даже в Северной Африке и в Америке, привез сюда такую диковину, как шкура анаконды. И вот он решил, что надо отдать библиотеку университету – чтобы она оставалась в собственности Валленродтов, но ею пользовались преподаватели и студенты университета. Напомню, что собор принадлежал университету.

В университете не было места для библиотеки. Кант и другие профессора читали лекции на дому, поскольку в старой Альбертине были очень маленькие помещения. Тогда вспомнили об этом соборе. То, что вы видите, – лестница вниз, круглая башенка – были сделаны по заданию Валленродта. Внизу было написано: тот, кто собирается прийти в библиотеку, должен стряхнуть с обуви, с одежды грязь и дождевые капли, и, войдя в библиотеку, не портить книги ножом или ножницами. Работать здесь разрешалось во вторник и в четверг. Это было сделано в подражание Людовику XIV, который позволил пользоваться своей личной библиотекой придворным юристам. И вся обстановка библиотеки должна была напоминать библиотеку Людовика XIV, с такими же пальмовыми листьями и изображением рыцарей. Лучший резчик Кенигсберга Исаак Рига в течение девяти лет трудился над интерьером библиотеки.

В 1944 году британская авиация уничтожила 78% центра города. Когда вы поднимались, видели точный макет города на 1938 год – ничего, что представлено на этом макете, в августе 1944-го уже не существовало. При этом не был тронут ни один военный объект, не бомбили порт с кораблями и с базой горючего, никакие укрепления, форты англичане не бомбили – они предоставили это брать нашей армии.

Сгорела и библиотека. Впрочем, надо иметь в виду, что в 1909 году, когда было построено новое здание университета, семь тысяч книг передали университету и разместили их в старом здании. Поэтому там часть книг сохранилась. После войны их доставили в Подмоскowie, и в уже в 1980-х годах книги, имевшие штампы библиотеки Кенигсбергского университета, были возвращены. А знаменитая Серебряная библиотека из замка Кенигсберга была вывезена в район Алленштайна (нынешний Ольштын) и в настоящее время находится в Торунском университете.

Еще надо сказать, что в период, когда вся Восточная Пруссия принадлежала Российской империи, было очень серьезное отношение к этой библиотеке. Впервые была сделана полная опись, произведена каталогизация. Здесь имелись редкие вещи – крупнейшая в Европе

библиотека лютневой музыки, рукопись первых «Страстей по Матфею», большой пассион, который написал кенигсбергский композитор, капельмейстер герцога Иоганна Георга, Иоганн Себастиани. А через пятьдесят лет появился второй пассион – «Страсти по Матфею» Иоганна Себастьяна Баха. В марте прошлого года пассион звучал у нас в большом зале, привезли из Тюрингии старинные музыкальные инструменты, то есть было полное подлинное исполнение, что произвело совершенно ошеломляющее впечатление. Вот такая история Валленродтской библиотеки.

Л.В. Поляков. Большое спасибо. Хорошее введение к нашей сегодняшней сессии. В самом дальнем углу я заметил деревянную дощечку, на которой написано «Работа – лучший способ наслаждаться жизнью. Иммануил Кант». Давайте же наслаждаться жизнью в том смысле, в котором завещал Кант. Приглашаю Бориса Вадимовича Межуева, чтобы он познакомил нас с новым замыслом, который уже начал осуществляться.

Посмертная маска И. Канта.
Художник – Андреас Йохан Фридрих Кнорре
(1763–1841),
профессор Кенигсбергской
художественной школы

Б.В. Межуев. Издание, которое вы держите в руках, это наше общее с вами начинание – информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения», который называется «Самопознание». Надеюсь, что в дальнейшем это издание будет пополняться статьями участников Чтений. Я представлю коллег, с которыми мы работали в данном издании и на сайте «Русская idea»: Василий Ванчугов, Любовь Ульянова, Кирилл Бенедиктов. Мы в течение нескольких недель подготовили и издали эти три номера, многие материалы были ранее опубликованы на сайте «Русская idea».

Первый номер был посвящен сакральной географии и, в частности, значению Крыма в истории России, второй – Ивану Ильину, третий – Константину Леонтьеву.

Что касается Крыма, то благодаря в первую очередь изысканиям Любови Ульяновой мы смогли узнать, как вообще обстоит дело с аналогичными исторически значимыми феноменами в других странах, есть ли какие-то аналогичные места памяти в других странах. Оказывается, существует целая наука о сакральных местах памяти. В первом номере частично опубликовано интервью с одним из представителей этой науки Питером Берком, полностью оно выйдет у нас на сайте. Выяснилось также, что вопрос о том, в какой степени Крым является сакральным местом, значимым для российского исторического и религиозного самосознания, обсуждался уже с начала XIX века, когда начались археологические раскопки в Крыму, в Херсонесе.

Мы намерены были зафиксировать современное состояние науки о Константине Леонтьеве, об Иване Ильине. Поэтому во втором и третьем выпусках мы предлагаем свежие публикации обоих мыслителей. В частности, еще не известную читателям лекцию Ильина о Максе Штирнере. К концу года выйдет 30-й том собрания сочинений Ильина, подготовленный Юрием Трофимовичем Лисицей, в котором будет опубликована эта лекция. В номере о Леонтьеве вы прочтете впервые полностью опубликованную переписку Константина Николаевича с Всеволодом Сергеевичем Соловьевым, братом Владимира Сергеевича Соловьева.

Эти материалы предоставлены нам Алексеем Павловичем Козыревым, статью которого вы тоже можете прочесть в том же номере. Также весьма любопытна переписка с совершенно неизвестным человеком – Николаем Умановым, в которой Леонтьев проявляет себя в качестве учителя жизни, человека, который утешает унывающего консерватора. Леонтьев пытается поддержать в нем оптимизм и вдохновить на творчество. Эти письма предоставила нам крупнейший современный исследователь творчества Константина Леонтьева – Ольга Леонидовна Фетисенко. Ее книга «Гептастилисты», которой мы посвятили целый раздел этого выпуска альманаха, побудила нас дать название этому выпуску – «Леонтьев как воспитатель».

Анализируя феномен Ивана Ильина, мы обнаружили два интересных момента. Во-первых, этот человек считается воплощением русской державности, русского консерватизма, чуть ли не изоляционизма. Между тем это был один из самых европейских русских мыслителей, не говоря уже о том, что он был наполовину немец, что, впрочем, не оказало никакого влияния на его политическую позицию во время двух мировых войн – как рассказывает нам Егор Холмогоров в этом номере. Наоборот, Ильин был безусловным русским патриотом во время Первой мировой и особенно Второй мировой войн. Все домыслы относительно его якобы сочувствия национал-социализму в период войны – это миф, который мы в этом номере развенчиваем. Вместе с тем, он был человек, который никогда не отделял Россию от Европы, и именно здесь, в Калининграде, память о нем имеет особый смысл. Он всегда считал Россию европейским государством.

Это, кстати говоря, проблема, которая и стала предметом нашего рассмотрения и анализа в этом номере: можно ли быть бескомпромиссным российским государственным и вместе с тем быть европейцем? Например, Николай Данилевский ответил на этот вопрос отрицательно – совместить эти качества невозможно: ты или европеец, или государственный. Ильин дал на этот вопрос альтернативный ответ: можно быть европейцем не только в культурном, но и в цивилизационно-политическом смысле и

вместе с тем быть человеком, который не готов поступиться ни пядью российской земли, как известно из публицистических статей Ильина.

Ильин – русский европеец и в философском отношении. Дело не только в том, что он хорошо знал немецкую философию – он ее глубоко понимал, понимал немецкий дух, немецкую мысль, таинственную связь свободы и силы, что является важнейшим моментом философии Модерна в целом и немецкой философии как наиболее глубокой рефлексии на Модерн. Об этом мало кто писал в России, где предпочитали свободу от силы отделять: если свобода, то она какая-то бессильная, если сила, то лишенная свободы. Но, как мы знаем из Гегеля и из Канта, эти вещи связаны, особенно у Гегеля и еще в большей степени – у Фихте. Это были те мыслители, о которых Ильин писал с наибольшей любовью и, на мой взгляд, в политическом отношении он писал о них более глубокие статьи, чем славянофилы, подвергавшие немецкий идеализм односторонней критике как откровенный рационализм. Но после книги Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и после его статьи «Философия Фихте как религия совести» говорить о философии Гегеля, Фихте, Канта как об одностороннем рационализме уже будет односторонне и навязчиво. Разумеется, Ильин вывел русскую мысль на гораздо более глубокое понимание немецкой классики, чем то, что было распространено до него. Тема свободы и силы и образ философа, который связал их, причем связал на европейском материале, – это и есть основная тема второго выпуска нашего альманаха. Мне кажется, нам удалось доказать особость Ильина в русской мысли, хотя для меня лично остается открытым вопрос, кто прав – Данилевский или Ильин – в той дихотомии, которую я указал.

Теперь о Леонтьеве. Как подать Леонтьева сегодня, как о нем рассказать так, чтобы это было оригинально, интересно? Нам пришла на помощь книга Ольги Фетисенко «Гептастилисты», которая рассказывает о Леонтьеве как родоначальнике школы мысли, то есть как о человеке, который создал живую и парадоксальным образом не прервавшуюся школу консерватизма, эстетики жизни.

Один из парадоксов – какие мыслители XIX века сохраняют свое актуальное значение? Например, такой неоднозначный вопрос: главным оппонентом Леонтьева, главным его антагонистом в русской культуре XIX века был Лев Николаевич Толстой, и очевидно, что Толстой превосходил Леонтьева в тысячу раз по влиянию на общество. Но сегодня я не знаю ни одного толстовца, ни одного человека, который разделял бы толстовские убеждения и считал Толстого учителем своей жизни.

М.А. Маслин. В Институте философии есть Центр ненасилия.

Б.В. Межуев. Хорошая тема для начала дискуссии. Я не знал про Центр ненасилия. Мне кажется, имеет место переоценка государственности. Впрочем, может быть, это и не так плохо, учитывая, чем кончаются призывы к ненасилию в русской истории. А вот Леонтьев – живое явление, Леонтьев людей волнует. Знаю огромное количество людей, которые пленены Леонтьевым, многие из них сидят в этом зале. Я не из их числа, но мне было любопытно это зафиксировать. Это живое культурное явление, у Леонтьева сложилась в рамках русского консервативного мышления школа, которая существует до сегодняшнего дня. Не думаю, что ее представители верят в возможность осуществления идеи гептастилизма, но очевидно, что они сверяют свою мысль, свою жизнь, свои взгляды, в том числе и религиозные, с идеями Константина Николаевича Леонтьева.

Скажу об одном из таких людей, принимавшем активное участие в подготовке наших номеров, в том числе номера о Леонтьеве. Это Григорий Борисович Кремнев, один из замечательных людей нашего времени, блестящий знаток русской мысли, исследователь Константина Леонтьева. Мы имеем честь работать вместе с ним в нашей группе, но его сложно назвать в Калининград или в другие города в силу замкнутости образа жизни. Тем не менее его участие в подготовке номера было бесценным.

Вопрос – почему Леонтьев сохранил свое значение? Передаю слово следующему выступающему. Думаю, что Алексей Павлович Козырев, который тоже является блестящим знатком

творчества Константина Леонтьева, может больше рассказать об этом, потому что в отличие от меня он прожил с Леонтьевым, изучая его наследие, значительную часть жизни.

А.П. Козырев. Действительно, я имел большое удовольствие работать над номером «Самопознания». Это, наверное, самая быстрая моя публикация в жизни, так как Борис Вадимович сказал о том, что эти номера делаются, дней десять назад. Слава Богу, что у всех у нас, кто когда-то занимался и продолжает заниматься историей русской философии, есть еще какие-то закрома родины, какие-то запасники, где что-то хранится, что-то написанное в стол. И вот я понял, что у меня есть несколько корпусов леонтьевской переписки, которые я в свое время списывал в архивах, – Всеволод Соловьев, Николай Страхов, Мария Владимировна Леонтьева. И вот один из этих корпусов я решил предоставить вниманию читателей, назвав публикацию словами из письма Константина Леонтьева – «Я возмечтал быть примером, учителем...». Переписка с Всеволодом – это репетиция более позднего леонтьевского учительства, когда он жил в Оптиной пустыни и к нему приезжали молодые люди: Иосиф Фудель, Иван Кристи, Николай Уманов... И Василий Васильевич Розанов, который переписывался с ним на протяжении девяти месяцев и так и не успел познакомиться лично, потому что Леонтьев умер. Леонтьев видел в этих молодых людях своих преемников, тех, кто может как-то воспринять и донести его мысль. Переписка с Всеволодом Соловьевым, старшим братом нашего великого русского философа Владимира Сергеевича Соловьева, началась в 1876 году, то есть Леонтьев был еще относительно молод, хотя уже называл себя стариком, в сорок три года, будучи старше Всеволода всего-то на восемнадцать лет. Но отношения учительства уже сложились, и они заметны – Леонтьев пытается молодого литератора, критика наставить, что называется, на путь истинный, причем не просто идеологически объяснив ему какие-то вещи, связанные с византизмом и славянством, а привив эстетику жизни, вкус к жизни.

Что такое консерватизм Леонтьева для меня? Он весь заключен в одном письме к Губастову,

где Леонтьев пишет ему: «Приедешь в Стамбул, найди себе турчанку или еще лучше гречанку и сходи в турецкие бани, и сходи к мечети султана Баязида посмотреть на бои турецких мальчи-ков». Вот вкус к жизни, любовь к жизни, эстетика жизни. Консерватизм – это не что-то такое засушенное, мертвое, похожее на Савонаролу. Консерватизм – это учение о том, что жизнь разнообразна и полна в своих различных формах. Поэтому, может быть, не случайно один из лучших русских поэтов эмиграции Георгий Иванов напишет такие строчки уже в середине XX века:

А мы – Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики –
Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки.

Чему можно научиться у Леонтьева? Можно научиться триединому циклу развития, можно научиться стойкости в отстаивании своих политических, дипломатических и прочих убеждений, а можно научиться и большему – отношению к жизни. Комментируя его переписку, я очень увлекся, потому что спотыкался о такие мелочи, которые для меня самого открывали глубинные вещи. Приведу только один пример. Читаю у Леонтьева: «Мишле писал: “Россия сгнила, еще не успев созреть”». Где Мишле такое писал? И я начал искать. Оказывается, писал не Мишле, а маркиз де Кюстин. И оказывается, маркиз де Кюстин ссылался на Дидро, то есть Дидро приехал к Екатерине, прожил шесть месяцев на казенных харчах в Зимнем дворце и в благодарность Екатерине написал: «Россия сгнила, еще не успев созреть». Но оказывается, что Дидро этого тоже не писал. То есть все ссылались на Дидро, но Дидро сам сказал: «Я этого не писал, я этого не говорил». То есть фраза, которая циркулировала в литературе эпохи... Мадам де Сталь говорит: «Да нет, Россия не сгнила, просто вот русский народ очень впечатлительный и эмоциональный, а на самом деле все нормально».

Так классический слоган русофобии, который Константин Леонтьев употребляет в критическом аспекте, открывает целую картину из истории отношений России и Европы, которая

очень не однозначна, которая всегда наполнена какой-то тайной любовью, но и взаимной подозрительностью – то, о чем мы говорим в нашей сессии, посвященной ценностям и амбивалентностям восприятия ценностей в России и Европе.

Поэтому работа с Леонтьевым всегда питает, даже когда тебе кажется, что Леонтьев так прост, что его мысли можно изложить на одной странице. Как сказал Розанов в своих поздних статьях: «Что Леонтьев? Всё учение Леонтьева можно изложить на одной странице. Не о чем говорить». Но ты начинаешь погружаться в Леонтьева и через эти детали выходить на какие-то очень интересные перспективы, исследовательские перспективы и просто перспективы мысли и жизни.

В завершение хочу поприветствовать инициативу Фонда ИСЭПИ издавать этот журнал. Мне кажется, он должен быть более тиражным и, может быть, даже продаваемым в каких-то книжных магазинах. Потому что номер о Леонтьеве – просто фантастический, там собраны изумительные люди: Ольга Фетисенко, Николай Котрелев, Юрий Пуцаев. Мало того, что это очень хорошие исследователи, это всё мои учителя и друзья. Поэтому так приятно взять в руки этот выпуск журнала, где есть и Василий Ванчугов, который в каждом бюллетене «Самопознания» написал статью, и все его статьи очень качественные. Удивляюсь, как ему удается писать на таком уровне. Этот журнал назван именем книги Бердяева, которой мы все зачитывались в студенчестве. Леонид Владимирович – первый, кто издавал Бердяева в серии «Из истории отечественной философской мысли» (по постановлению политбюро ЦК КПСС в 1989 году), составитель первого тома Бердяева, который вышел тиражом, по-моему, сто тысяч экземпляров в издательстве «Правда». Мы все зачитывались «Самопознанием». И вот теперь «Самопознание» стало названием журнала. Думаю, Бердяев не обидится, мы общее дело делаем.

Л.В. Поляков. Согласен с Алексеем Павловичем: «Самопознание» – качественный научный журнал, который, надеюсь, займет достойное место в ряду остальных изданий.

Б.В. Межуев. Есть какая-то неслучайность в том, что мы презентуем альманах в Калининграде, – помимо всех тем, связанных с Кантом и с философией. Я не упомянул еще одного нашего постоянного сотрудника, уроженца и жителя этого города, Олега Шендерюка, который взял несколько интервью, опубликованных на сайте «Русская idea», и одно из них вошло в бюллетень «Самопознание».

К.С. Бенедиктов. Хочу сказать большое спасибо Фонду ИСЭПИ, потому что проект, который мы сегодня презентуем, был бы труднореализуем, если бы не было сайта «Русская idea» – именно там мы начали собирать коллектив авторов. И всех присутствующих в этом зале, кто еще не там, я приглашаю присоединиться к этому коллективу. Именно поэтому, когда возникла возможность выпустить три номера «Самопознания», у нас уже имелся большой задел, у нас уже были авторы. Мне кажется очень перспективной модель, когда существует сайт, на котором постоянно появляются новые материалы и привлекаются авторы, и рядом существует печатный орган.

Л.В. Поляков. Но перспектива эта зависит от нас, от того, как мы будем дальше работать. И, действительно, нельзя не отметить оригинальность идеи.

Прежде чем передать слово Олегу Анатольевичу Матвейчеву... Здесь упоминалась формула Леонтьева «Гептастилизм». Я не знаю, как наши переводчики справились с переводом, поскольку это два греческих слова – «семь» и «столп» (кстати, недавно был опубликован соответствующий фрагмент из Леонтьева – в книге Фетисенко), что означает «семь столпов оригинальной русской культуры». Вчера мы неоднократно затрагивали тему самобытности, определения своей идентичности, тему чрезвычайно важную для консервативного мышления. Константин Николаевич Леонтьев – один из тех русских консервативных мыслителей, которые занимались самопознанием России.

Призываю аудиторию обращаться не только к этому замечательному бюллетеню, но и к другому изданию Фонда ИСЭПИ – альманаху «Тетради по консерватизму». Во втором номере за 2015 год мы привели в том числе те

отрывки из книги Фетисенко, где содержится замечательный текст Леонтьева с разъяснением этих «семи столпов», семи оснований русской культурной идентичности. И поскольку я тоже участвовал в номере «Самопознания», посвященном Леонтьеву, хочу поблагодарить Бориса Вадимовича за то, что он пригласил меня.

Хотел бы еще внести поправку, связанную с темой Леонтьева и Ильина, с противоположностью – либо ты русский, либо ты государственный.

Реплика. Европейец...

Л.В. Поляков. Да, либо европейец, либо государственный. Характерная оговорка. Вижу, как Егор Станиславович грозно указывает пальцем. Слава Богу, что не своей регулярно падающей палкой.

Эта антиномия преодолевается тем, как это делал Данилевский, учитель Леонтьева в идее культурно-исторических типов. «Я не европейец, – писал Данилевский и повторял Леонтьев, – не потому что я так или иначе ставлю вопрос о государственничестве, а потому что я твердо знаю, что Европа – это особый культурно-исторический тип, особая цивилизация». Все понимают, что Данилевский и Леонтьев – предшественники Шпенглера, Тойнби и, в значительной степени, Хантингтона. И поэтому вопрос о государственничестве смещается как бы на второй этаж этой философско-исторической рефлексии. Потому что сначала нужно либо согласиться с тем, что, как потом позже писал Солженицын, «человечество квантуется нациями» и что именно уникальные национальные культуры образуют первичную структуру человечества. Либо сказать вместе с Владимиром Сергеевичем Соловьевым, что никаких этих квантов нет, а есть универсальное человечество, и давайте строить будущее, исходя из этого.

О.А. Матвейчев. Обобщать сделанные на наших Чтениях доклады непросто – в том числе потому, что они и их обсуждение продолжались в кулуарах, в кулуарном общении. Поэтому, как говорил Гегель, «если что-то невозможно сделать, то не стоит даже пытаться».

Сосредоточусь на одной, очень важной, как мне кажется, теме, которая является нервом современного консерватизма и имеет отноше-

ние к нашему ближайшему будущему, рефлексиям, тем возможным войнам, столкновениям, которые были. Эту дискуссию Егор Холмогоров уже начал вчера в своем выступлении на третьей секции – о возможных гражданских войнах, которые могут быть на почве семейных ценностей, на почве гендерной проблематики. Почему это возможно?

Напомню, что с начала Нового времени, с появления декартовского субъекта рядом с этим последним все время было свое Иное, своего рода бессубъектность, которая пыталась атаковать субъект на всех горизонтах – на уровне Бога как высшего субъекта, на уровне монарха как персонализации государства, на уровне мужа и отца как основания нуклеарной традиционной семьи.

Традиционная просвещенческая метафизика антисубъектна, и прежде она была по Богу. Появился атеизм. Шли разрушительные процессы, но параллельно всё каким-то образом восстанавливалось. Затем удар наносился в политической сфере: рубили головы королям, происходили революции, гражданские войны. Но после каждой революции следовала реставрация. Что просвещенческая идеология поняла в XX веке? И этим мы обязаны постмодернизму как квинтэссенции этой идеологии просвещения. В отличие от Хабермаса, я не считаю их антипросветителями, они продолжают эту антисубъектную традицию. Они поняли, что всё заключается в микропрактиках, что смерть «Кошея», субъектного «Кошея», находится на кончике маленькой иглы, то есть в семье. И если мы ломаем традиционную семью, тогда сломаются и монархии, и любые диктаторские режимы, и государство как таковое, а Бог затем сам по себе исчезнет. И наоборот, если мы оставим семью в покое, то будут воспроизводиться и государства, и всевозможные формы религиозного сознания.

Поэтому задачу разрушения семьи решали через многократное нанесение различных ударов: это и всевозможные феминистские движения, это и движения за аборт, и ювенальная юстиция. Дело уже доходит до уличных столкновений, когда во Франции эта тема становится одним из важнейших дискуссионных вопросов

внутренней политики. И как раньше не обходилось без революций с отрубанием голов, так и сейчас не обходится без революций. Мы видим, как молодежь из Англии, Франции едет воевать за ИГИЛ, мечтает о некоем шариатском обществе, находящемся в конфликте с разрушенной западной культурой. Это есть конфликт современности.

Л.В. Поляков. Хотел бы сделать ряд замечаний по поводу услышанного и еще добавить к тому, что уже сказано о Константине Леонтьеве. Полностью согласен с Алексеем Павловичем, охарактеризовавшим консерватизм Леонтьева как эстетический. Константин Николаевич не только мыслитель, не только политический деятель, но и блестящий русский дипломат, что в сегодняшнем политическом контексте крайне востребовано. Не исключаю, что наш министр иностранных дел является таким стихийным подражателем стилю Леонтьева, потому что периодически рубит правду матку так, как ни один другой дипломат не решился бы. Но...

М.А. Маслин. [Не слышно.]

Л.В. Поляков. Михаил Александрович напоминает, что Лавров открывал ту самую мемориальную доску в Стамбуле, где Константин Леонтьев служил консулом. Не только Леонтьев, но и один из классиков современного консерватизма Майкл Оукшот полагал, что умение наслаждаться жизнью здесь и сейчас – это консервативная идея. Его определение консерватизма именно как disposition – не политической идеологии, как у Хантингтона, – а как предрасположенности, как особой конструкции внутри нас, которая позволяет видеть реальность оптимистически, в аспекте удовольствия от того, что нам удается жить. Вот такая переключка русского и европейского консерватизма.

Теперь по поводу сильной гипотезы Олега Матвейчева, согласно которой раз в прошлом были религиозные войны, то и в будущем нас ждут войны. Ждать ли нам войн на почве решения проблем гендера и семьи? Есть такой термин – *culture wars*, культурные войны. То, что представил нам Олег Анатольевич, уже идет и иногда обретает насильственные формы. Эта апокалиптическая тема достойна обсуждения.

Например, один из лозунгов радикального феминизма, «чайлдфри», намечает человечеству вполне однозначную перспективу.

С.Ф. Черняховский. Хотел бы вернуться к одному из постоянных вопросов нашей общественной мысли – к спору о том, Россия – Европа или не Европа, а что-то другое. Почему-то по поводу, например, Польши подобный вопрос не встает: Польша – Европа или евро-балтийская страна? На мой взгляд, в такого рода спорах есть некая порочность. Ибо сама постановка вопроса предполагает понимание Европы как чего-то единого. На этих Бердяевских чтениях уже говорилось, что Португалия отличается от Швеции или Шотландии куда больше, чем Франция от России. Но дело даже не в этом. Конечно, в России есть специфика государственного устройства, хотя не так уж оно и отличается от европейских практик. Большие территории предполагают большую концентрацию ресурсов власти. Но я хотел бы обратить внимание на другое: это – разные Европы. Есть Европа, условно говоря, идущая от Рима, есть Европа, идущая от Афин, не от Византии. Византия, на мой взгляд, это нечто промежуточное и синтетическое. То есть корень у нас общий – Афины, но в одном случае «щупальце» пошло через Рим, а в другом случае – через Крым. Потому Россия и была всегда некоей альтернативной Европой, оставаясь Европой. Ломоносов когда-то писал о боспорских истоках русской государственности; об этом же говорил академик Рыбаков. Русская цивилизация уходит корнями в цивилизацию афинскую.

В этом отношении Россия должна думать не о приобщении к европейским ценностям, а об их сохранении, в противовес их разрушению в той, другой Европе. Россия может их сохранить, сохранить себя, только поддерживая классическую культуру во всем мире, создав своего рода культинтерн, поддерживая все течения, все страны, всех деятелей, которые ориентированы на сохранение классики.

В заключение три тезиса. Первый: каждый народ имеет право жить в соответствии с теми ценностями, которые для него исторически оказались значимыми. Второй: каждый народ и каждое государство имеют право противо-

действовать распространению культурных образцов, которые разрушают привычные и значимые для них ценности. Третий: каждое государство несет перед народом обязанность пресекать попытки использования культурной жизни для разрушения политического суверенитета страны. В этом отношении культурный суверенитет России подвергается двум группам угроз: объективным, связанным с постмодерном, с обществом потребления, социальной энтропией; и субъективным – направленной информационной агрессией, от которой Россия имеет право защищаться любыми средствами.

Е.С. Холмогоров. Хотел бы выразить протест по поводу того, что у нас второй день подряд не вполне корректно вспоминается Освальд Шпенглер. Мы два дня подряд говорим о закате Европы, забывая о том, что в оригинале эта книга называется – если переводить дословно и при этом литературно – «Закат вечерних земель», точнее «Упадок вечерних земель». У нас везде в публицистике звучит эта формулировка: дескать, сто лет назад Шпенглер предсказал закат Европы. Но Европа никуда не закатилась, в то время как Шпенглер говорил об упадке высокой европейской культуры, об упадке творческого духа, который выражается в специфических для Европы культурных формах, в музыке Баха, в готической архитектуре. Он говорит об упадке творческого начала, аналогичного тому, который в пятом – начале четвертого веков до нашей эры создал Грецию, который породил затем всемирную империю Александра Македонского, эллинизм и впоследствии – Римскую империю.

Напомню другую мысль Шпенглера. В его текстах, особенно во втором томе, существенное место занимает тема подъема России, в которой он предвидит – будем надеяться, справедливо – новую поднимающуюся культуру. И здесь хотел бы адресовать персонально вам, Леонид Владимирович: меня буквально трясет от фразы «Шпенглер, Тойнби, Хантингтон», потому что Шпенглер и Тойнби абсолютно противоположные мыслители. Тойнби создал концепцию фактически антишпенглеровскую, концепцию синхронно существующих и лишь частично различающихся цивилизаций. Наверное, все

любители компьютерных игр помнят, как можно поиграть за любую цивилизацию, которые будут синхронно развиваться. У Шпенглера ничего подобного нет, у него в один момент времени одна, максимум две культуры находятся на подъеме, в то время как все остальные – на спаде, в состоянии творческого вырождения. Для Шпенглера подъем западной культуры закончен, она остается только в имперской цивилизационной форме, в то время как русская культура только выходит на начальные рубежи своей метафизической судьбы. Мне как русскому консерватору хочется верить, что в будущем у России больше, чем в прошлом. Но возникает вопрос: как эта культура на подъеме будет взаимодействовать с той подавляющей цивилизацией, не уничтожит ли западная цивилизация поднимающуюся русскую культуру?

Быть может, наступит время, и в этом замечательном городе мы проведем Бердяевские чтения, посвященные Шпенглеру. Этот собор на территории России – идеальное место, чтобы поговорить о Шпенглере.

Л.В. Поляков. В ответ на обвинение, энергично сформулированное Егором Станиславовичем. Что я имел в виду, когда упомянул четыре фамилии подряд – Данилевский, Шпенглер, Тойнби и Хантингтон. От последнего тоже, наверное, должно трясти, хотя это тот человек, который, на мой взгляд, методологически наиболее четко и ясно в 1956 году в своей статье “Conservatism as Political Ideology” объяснил, что такое по крайней мере американский консерватизм. Я имел в виду, что за Данилевским копирайт, все остальные так или иначе использовали его идею. Это не значит, что они все говорили одно и то же или, наоборот, имели в виду принципиально разное, – просто они взяли идею и по-разному ее аранжировали. Но все исходило из того, что именно цивилизации образуют первичные субъекты исторического развития.

Отсюда и конкуренция на имперском уровне. Мне думается, что наша вековая мечта о Третьем Риме парадоксальным образом реализуется сегодня в Соединенных Штатах Америки. Очевидна их претензия на то, чтобы быть третьим и последним Римом, в буквальном смысле – Третий Рим стоит, а Четвертому не

бывать. Россия же нынешняя стремится, как птица-феникс, возродиться из пепла, из обломков, обрести, казалось бы, безнадежно утраченное прошлое и исполнить завет Шпенглера о том, что третье тысячелетие будет за Россией.

Л.Г. Ионин. Говоря о кризисе консерватизма, и мы, и наши разнообразные предшественники показывали, что у консерватизма нет определенного будущего, более того, у консерватизма не очень хорошее будущее по сравнению с либерализмом и социализмом. Что я имею в виду? Вчера я говорил о вещах, связанных с политической организацией нашего времени, в частности, речь шла о таком феномене, как «один человек – один голос». И с Леонидом Владимировичем мы потом обсуждали это и пришли к выводу, что это не наша, не консервативная игра и в ней консерватизм обречен. Вопрос в том, что можно сделать. Кажется, что введение цензов, движение в направлении какого-то сословного усложнения общества, в противоположность тотальному абстрагированию от всего, – это единственный путь. Но такой путь очень труден. Попробуйте сейчас всерьез говорить о введении правовой специфики для разных слоев – не выйдет ничего, это будет такой вброс социального адреналина, что вас просто раздавят.

Очень много говорилось о семье, о том, как важна семья, что там, где есть семья, там будет и царь, и Бог, и всё, что нужно человеку. Но ведь в семье-то мы тоже играем чужую игру – не говоря уже о феминизме или однополых браках. Есть два фактора – либеральный и социалистический.

Первый фактор. Для женщины обязательна самореализация, самореализация не в семье – в работе. Вот есть рынок труда, есть организация экономики, и труд в семье не является частью рынка труда. Труд в семье, как бы он ни был тяжел, социально недооценен. Женщина, работающая в семье, – неполноценный член общества. Уверен, что минимум 80% здесь присутствующих решает свои домашние хозяйственные проблемы, приглашая приходящую женщину, которая убирает дом, заботится о детях. Современная экономика побуждает делать так, что женщина должна заботиться о чужих

детях, получая за это деньги, а о ее детях будет заботиться другая женщина, которая тоже будет получать за это деньги, как воспитательница в детском саду, к примеру.

Второй фактор. Происходит огосударствление детей. В возрасте одного года ребенок уходит из семьи. Для меня это было неожиданностью, боюсь, что и для вас: не знаю, как во всей Германии, но в Берлине киндergarten обязателен, это не вопрос выбора. Это и есть огосударствление детей. Вы также, наверное, знаете, что сексуальное воспитание в Германии тоже обязательно с четырех лет. А ювенальная юстиция – это уже крайность. И радикальный феминизм – тоже крайность. Нынешняя семья – это не та семья, о которой можно говорить, рассуждая об изначальных семейных ценностях. Это уже чужая для консерваторов игра. Мы будем отстаивать современную русскую семью, но это та семья, которая сформирована либерализмом и социализмом.

Борис Игоревич Макаренко хорошо показал, что консерватизм на Западе имеет хотя бы частичный успех только в том случае, если он придерживается правил игры, организованных по либеральным и социалистическим принципам. И поэтому у консерватизма не очень хорошие перспективы: либо он перестает быть собой и тогда имеет шанс на политический успех, либо он проигрывает. А выход из этого – в тех самых культурных войнах, в которых очень трудно победить. Но они, очевидно, предстоят.

Л.В. Поляков. Леонид Григорьевич, большое спасибо. Михаил Витальевич, прошу перехватить у меня эстафетную палочку. У нас имеются заявки от наших коллег из Люксембурга, из Соединенных Штатов, из Испании, из Франции. И еще Сергей Владиславович Чугров хотел вступить в дискуссию.

М.В. Ремизов. Спасибо, Леонид Владимирович. По итогам второй вчерашней секции остались вопросы, которые мы не обсудили, но которые принципиально важны. Один из них Леонид Григорьевич сейчас заострил. Хотел бы сфокусировать остальные.

Первое: насколько вообще консерватизм уместно рассматривать в качестве партийно-полити-

ческой платформы. Мы говорили о субъектах консерватизма. Кто субъекты консерватизма в социальном смысле? У меня есть большие сомнения в том, что адекватными субъектами консервативного действия и консервативной мысли являются именно политические партии. Консерватизм как категория лежит глубже партийных идеологий. Как мне кажется, по своей сути это скорее мировоззрение, причем мировоззрение, которое призвано не столько стать флагом для каких-то партий, сколько интегрировать группы элит. То есть это не столько способ организовать партийно-политическую жизнь, вывесив консервативный флаг в этой партийно-политической жизни – потому что нужно будет слишком много времени посвящать обоснованию, что такое консерватизм, что мы будем консервировать, бороться со стереотипами, которые существуют в отношении понятия «консерватизм». Консерватизм – это скорее то, что касается внутреннего мировоззрения элит относительно базовых смыслов политической деятельности и общественной жизни. Такие школы мысли всегда идут поверх партийно-политических границ, в том числе в западных демократиях. Если у нас будет развиваться партийно-политическая система, они тоже будут идти поверх ее границ или скорее под ними.

Второе: что является предметом сохранения в качестве тех традиционных ценностей, о которых мы часто говорим. Насколько осмысленно словосочетание «традиционные ценности» в контексте общества позднего Модерна? Традиционной семьи нет уже давно, если понимать под традиционной семьей некую организованную жизнь рода, то есть большую семью, где существуют старшие, младшие, их взаимосвязи. То, что есть в городах на протяжении последних ста, полутора лет, это буржуазная нуклеарная семья, и она уже в свою очередь подвергается эрозии. Я не вижу в этом повода (как сказал бы Ницше) к резиньяции, к тому, чтобы отказаться от действия, демобилизоваться. Потому что в самом обществе Модерна я вижу, как говорил вчера, плод продуктивного синтеза, хотя и конфликтного, но в итоге во многом удавшегося синтеза идей Просвещения и консервативного реванша против этих идей.

И в этом обществе Модерна нам тоже есть что защищать. И нуклеарная семья, прошу прощения за такое неблагозвучное слово, тоже достойна того, чтобы ее защищать. Согласен с Олегом Матвейчевым: она тоже воспроизводит ту модель человеческой личности, которой мы дорожим в нашей цивилизации и против которой выступают идеологи Франкфуртской школы (Маркузе, Адорно) и контркультура 1968 года.

Третий вопрос касается уже не столько теории идеологии, а геокультурных, геоэкономических, геополитических взаимоотношений, как, например, водораздел между Россией и европейскими столицами, который возник после Крыма и является необратимым фактором на ближайшую перспективу. То есть как этот водораздел скажется на перспективах консервативной идеологии по обе стороны от него. Думаю, что, несмотря на закономерность, необходимость случившегося, появление этого водораздела – плохая новость для консерваторов, потому что для европейских консерваторов важна возможность утверждения европейской идентичности России. Почему? Потому что это определенным образом позиционирует саму европейскую идентичность, это позиционирует ее как идентичность наследования, а не идентичность утопического проектного выбора. Если Россия – это Европа, то Европа – это христианское, античное и тому подобное наследие, а не плоский европейский выбор, который делается на разного рода майданах. Проще говоря, если Россия – это Европа, то Европа – это не Брюссель.

Для нас же, для консерваторов в России, всегда болезненным, ощутимым является риск азиатизации нашей страны, ее поглощения собственным Востоком. Россия создалась как движение на восток, создалась культурой, имеющей европейский корень, европейское начало. Это было движение, в котором существует риск себя потерять. Если мы в этом движении потеряем свою ясную, северную европейскую идентичность, то мы вместе с ней потеряем и самих себя. Вот те вопросы, которые хотелось бы заострить, некоторые из них уже начали обсуждаться.

Арман Клесс. Хотел бы указать на некоторые предметные области, которые можно было рассмотреть на последующих встречах. Здесь многократно звучало имя Освальда Шпенглера, но вот Ортега-и-Гассет, кажется, не упоминался ни разу. Конечно, подход Шпенглера отличается от видения Тойнби или Хантингтона. Но столкновение цивилизаций может приводить не только к негативным последствиям – оно может воздействовать благоприятно. Для Шпенглера цивилизация олицетворяла вырождение культуры, в первую очередь из-за возрастающей роли денег.

Другая тема – феминизм, исследованием которого я занимаюсь десятки лет. Он восходит к эгалитаризму, эгалитарному обществу и ведет к возникновению нового тоталитарного общества. (Мною написаны тысячи страниц на эту тему, но они – на немецком языке и, возможно, когда-нибудь дождутся своего переводчика.) В книге «Демократия в Америке» Токвиль предсказывает состояние современного западного общества, говорит о его инфантилизации, даже оглуплении. Новый обскурантизм, отрицание законов природы, игнорирование биологической составляющей. Парадоксально, что сегодня мы наблюдаем фактически то же, что было сто лет назад во времена Лысенко.

Взять, к примеру, гомосексуализм. Странники гомосексуализма, сторонники идей эгалитаризма, говорят, это врожденное, с этим нельзя ничего поделать. Но те же люди говорят, что такого понятия, как «сексуальная идентичность», не существует, ее можно сформировать, создать, изменить. Они говорят, что детям нужны мать и отец, но потом сразу же говорят, что ребенок может расти и с однополыми родителями, и в неполной семье. Один парадокс за другим, их можно перечислять часами. У меня сейчас большое искушение – создать институт по биоэтике, учитывая, что мой нынешний институт почти прекратил существование. Биоэтика – это проблематика будущего. Люди хотят иметь идеальных детей, детей a-la carte, без недостатков. Если бы можно было, люди захотели бы выбрать уровень IQ, а также цвет волос и глаз. Это выходит за границы того,

о чем писали Хаксли, Оуэн или, например, Замятин в своей книге «Мы».

Размышляя о будущем консерватизма, можно обратиться к вопросу о прогрессе. Этот вопрос не нов. Существует ли прогресс, или происходит стагнация человечества? История – это игра с нулевой суммой?

Еще один вопрос – о природе человека. Можно ли с ней что-либо сделать, можно ли выйти за ее пределы, исправить, улучшить. Мы совсем не упоминали Руссо и его последователей. Было бы интересно остановиться на всем этом в контексте Бердяева. Что есть человеческая природа? Это вопросы добра и зла, агрессии. Обратитесь к работам основателя социобиологии Эдварда Уилсона. Если вы занимаетесь консерватизмом, то стоит сделать шаг назад.

Стоило бы поразмышлять о роли культуры в становлении природы человека. Взять, к примеру, США – страну без культуры, даже целую цивилизацию. Если и можно сказать, что там есть культура, то «низкая», а никак не «высокая». У них есть великие писатели, но культуры нет. Каковы перспективы у страны без культурных основ? Является ли это упадком? В переводе название книги Шпенглера звучит как *desau*, то есть «разложение». На самом деле речь идет об упадке, конце, *der Untergang*.

Хотел бы еще затронуть в двух словах вопрос о ценностях. Какие ценности основные? Нужно ли их ранжировать? Вспомним о понятии «сострадание». Для Шопенгауэра это понятие было одним из основных, а Ницше полностью отрицал его значимость. Для меня уважение к жизни, любой форме жизни – ключевое понятие, базовое для всей деятельности человека, во всех его устремлениях. В этом контексте встают вопросы абортов, эвтаназии, нашего отношения к животным. Нам следует задаться вопросом: пока мы мучаем, убиваем, едим животных, можем ли мы называться цивилизованными людьми? Думаю, нет. Всё это весьма болезненные вопросы.

Что сделать, чтобы прийти к более благопристойному обществу? На что будет опираться такое общество? Я – анархист, конечно, не такой, как Бакунин или Кропоткин, придержива-

юсь левых взглядов. Вы – консерваторы. Тем не менее нужно задаваться вопросами о необходимых изменениях¹.

М.В. Ремизов. Еще одно выступление, в котором подчеркнута значимость темы биоэтики, и хочется еще сильнее заострить вопрос. Леонид Григорьевич уже говорил об этом. И я тоже поддержал необходимость обсуждения темы – о какой семье мы говорим как о предмете консервации. Но ведь сегодня есть часть европейских, условно, консерваторов, которые видят в качестве предмета охранения, сохранения уже в современной Европе результаты гендерной революции. Они говорят, что мы должны выступать охранителями перед лицом, скажем так, исламистской угрозы или угрозы новых меньшинств, которые исповедуют коммунитаристские принципы и которые живут по другим принципам семейного жизнеустройства. Они говорят, что перед лицом этой угрозы мы должны сохранять те результаты гендерной революции, которые имели место в наиболее продвинутых, прогрессивных европейских столицах. И это тоже одна из опций современного европейского консерватизма. Вопрос: сможет ли она быть эффективной в столкновении с коммунитаризмом этнических меньшинств и в конечном счете с исламизмом? То есть вопрос: «Я Шарли или я не Шарли?» – это серьезный вопрос для консерваторов. И те европейские консерваторы, с которыми я общался, отвечают на этот вопрос по-разному.

Пол Гренье. Прежде всего хочу сказать огромное спасибо организаторам за то, что меня пригласили. Я получил от этой встречи гораздо больше, чем ожидал. Хотя вообще ничего не ожидал, потому что никого из вас не знал; никто из моих знакомых коллег в США – страноведов, профессоров политологии – ничего не знали про ИСЭПИ, но тема очень интересна для меня – Бердяевские чтения. На такую конференцию могли бы приехать гораздо более интересные люди. Они приехали бы, если знали, кто и что здесь будет. Думаю, было бы не сложно собрать очень интересных гостей. Это главное, о чем я хочу говорить, – каким должен быть следующий шаг.

¹ Перевод с английского Н.В. Панич.

Хотел бы поделиться одним интересным наблюдением. За последний год произошло нечто удивительное в американском интеллектуальном мире. У нас совсем не много интересных журналов – “Atlantic Monthly”, “Harper’s” или даже “New York Times Magazine”. Они раньше могли что-то написать очень сложное, что-то серьезное. Так вот, они практически исчезли. Сейчас очень сильно понизился интеллектуальный уровень дискуссий в Америке. Под влиянием Интернета многие журналы стали почти как комиксы.

Тем не менее есть такие журналы, как “First Things” («Первоначальные принципы» – не знаю, как это лучше перевести), где, бывает, весьма серьезные люди что-то печатают. Раньше я не очень любил этот журнал. Его основатели Джон Нойхаус и Майкл Новак с моей точки зрения относились со слишком большим оптимизмом к возможности сочетания христианства с американским либеральным капитализмом. Но вот что интересно, именно “First Things” – думаю, именно из-за гендерных вопросов, из-за глобального обсуждения темы гомосексуальных браков – именно эти люди пришли в ужас и сказали: «Ничего себе! Христианства здесь больше нет. Мы всегда пропагандируем Америку как христианскую страну. Никакого христианства здесь скоро не будет. Сейчас мы стали меньшинством в опасности, чуть ли не криминальным – потому что мы не признаем гомосексуальный брак». Это удивительно для меня. Засомневались именно те люди, которые всегда пропагандировали, что Америка – это образцовая *христианская* капиталистическая страна.

Но, пожалуй, самые интересные люди для вас – это люди из журнала “Communio” при Католическом университете, такие мыслители, как Дэвид Шиндлер-старший и Дэвид Шиндлер-младший, как Майкл Хэнби, как Адриан Уалкер. И Аллан Карлсен говорит вещи, очень похожие на то, что я услышал сегодня утром.

Еще есть “The American Conservative”, там тоже интересные люди. У меня есть небольшая организация, для которой я пишу, – “Solidarity Hall”. Там тоже есть те, кто был бы в восторге от встречи с такими людьми, как вы. Джон

Мэдайл (John Medaille), например, автор потрясающей книги об экономике.

Обязательно надо продолжить и расширить этот разговор. В Америке это в основном католические интеллектуалы, которые могут на нужном уровне на эти темы говорить.

Еще важный момент. Не обязательно иметь дело только с консерваторами. Нужны люди, которые понимают, как и вы все, и как Соловьев это понимал, что настоящий разум – это сочетание и Греции, и христианства, то есть это и вера, и разум. Богословие и философия – это единое целое. А с людьми, которые не признают, что это единое целое, контакт очень труден.

М.В. Ремизов. Спасибо, господин Гренье. Надеюсь, что вы сможете выступить для Бердяевских чтений своего рода гидом, шерпой применительно к американской интеллектуальной среде. Доктор Маффетоне, пожалуйста.

Себастиано Маффетоне. Вновь хотел бы поблагодарить организаторов за предоставленную возможность приехать на эту конференцию.

На меня, как и на предыдущего докладчика, произвело впечатление данное обсуждение. Для начала я хотел бы остановиться на двух недавно упомянутых философах – О. Шпенглере и М. Оукшоте. Кстати, Оукшот был моим преподавателем, я лично знал его. Полагаю, что в большей или меньшей степени понимаю, что он имел в виду.

Не думаю, что Шпенглер особо важен для консерваторов. Чтобы пояснить, что имею в виду, задам вопрос. Вы знаете, кто сейчас активно обращается к Шпенглеру? «Аль-Каида». Идеологические постулаты «Аль-Каиды» полны отсылок к идеям Шпенглера и Хайдеггера. Эти философы – не консерваторы, они придерживаются крайне правых взглядов. И их подход отличен от подхода консерваторов. В свою очередь, Оукшот является консерватором в полном смысле этого слова.

Для консерваторов, как полагают в Италии либералы, важно отходить от позиций, подобных фашистским, в сторону идей, выдвинутых Оукшотом. Какой же линии он придерживался?

Он созвучен Бёрку, Юнгу. В Европе примерно той же линии придерживаются Ортега, упомянутый моим коллегой, отчасти французский философ Бергсон и итальянец Бенедетто Кроче. Этот распространенный подход подходит близко к немецкой исторической линии. И есть еще один важный предшественник Оукшота – Аристотель. Если прочесть его книгу «Полития», где он вступает в полемику с Платоном, то очевидно, что его аргументация построена фактически на консервативных принципах.

Мое утверждение состоит в следующем. Стоит различать понятия «в принципе» и «на практике». То, что вы в принципе поддерживаете, может быть трудно реализуемым на практике. В этом – глубинный смысл аргументации консерваторов. Для Оукшота в этом заключался основной аргумент консерваторов. Перед нами стоит множество сложных проблем, и многие либералы считают, что их можно разрешить на практике столь же легко, как и в теории. Обычно консерваторы выступают против более сложных теорий, потому что есть локальные проблемы. В этом для меня и заключается суть консерватизма. И это приводит к возникновению важного вопроса, требующего серьезного осмысления. Какую традицию стоит считать нормальной, то есть достойной сохранения и следования? Потому что, безусловно, мы должны проникаться духом традиций, но не все традиции одинаково хороши. Это представляет огромную проблему.

Давайте поразмышляем. Итальянец-южанин внешне намного больше похож на араба, чем на финна. Но давайте рассмотрим, каким образом финны и жители Саудовской Аравии обращаются с женщинами. Полагаю, что традиции финнов лучше традиций жителей Саудовской Аравии.

Поэтому подлинной проблемой для консерваторов, на мой взгляд, является проблема сочетания двух компонентов. Во-первых, уважения к традициям, что, безусловно, важно. Это аксиома для консерваторов. Во-вторых, понимания, что не все традиции одинаковы. Равноправие женщин важнее порабощения женщин. Обе традиции суть почвенные, обе мы должны уважать – и арабскую, и финскую. Но я полагаю,

что финская лучше. В этом и заключается большая проблема.

Другая связанная с нею проблема заключается в следующем: Аристотель, когда писал «Политию», думал о политике, Афинской политике, но наследие Аристотеля не стоит мерить современными событиями в Греции. Наследие Аристотеля – это всемирная философия. Наследие Гоббса... Наследие Канта... Мы живем в кантовском мире – наследие Канта принадлежит не только Калининграду, оно принадлежит миру.

Соответственно, утверждение, что российское [философское] наследие принадлежит только России, скорее всего ошибочно, потому что оно равносильно предположению, что это наследие применимо только в России. Учитывая, какие высокие стандарты были заложены, вы могли бы быть более амбициозными. Конечно, начинать можно с России, но нельзя на ней останавливаться. Это только начало пути, движение по которому благотворно повлияет и на всех остальных, не только на русских¹.

М.В. Ремизов. Спасибо, доктор Маффетоне. Пользуясь возможностью проявить предвзятость, хочу защитить Шпенглера. Мы сильно обедним консервативную мысль, если оставим только Оукшотта, и все, что правее до Шпенглера, выбросим. Да, Шпенглер и фашизм – такая тема существует. Можно поставить вопрос, насколько ответствен изобретатель ядерной бомбы за ее применение. Но в данном случае вопрос даже в другом: насколько ответствен тот, кто предсказал изобретение ядерного оружия, за его применение. Потому что связь Шпенглера и фашизма не в том, что Шпенглер был фашистом, нет, а в том, что он, прочувствовав дух эпохи, сказал, что грядет эпоха железа и крови, грядет эпоха тотальных мобилизаций. И он это предсказание вывел из довольно консервативной по духу философской методологии, из социально-философского органицизма, то есть органицистского представления об обществе, которое он благодаря своему выдающемуся таланту – скорее художественному, чем даже философскому – наложил на морфологию мировых культур.

¹ Перевод с английского Н.В. Панич.

Сергей Владиславович, да? Пожалуйста. Главный редактор «Полиса». Затем я передам слово Борису Вадимовичу Межуеву для модерации. У нас остается буквально полчаса, чтобы он смог расставить свои акценты.

С.В. Чугров. Я очень благодарен и руководству ИСЭПИ, и ректору Балтийского федерального университета Андрею Павловичу Клемешеву за счастье быть здесь, в этом удивительном месте. Я вел себя тихо и всеми силами старался не вступать в дискуссию. Моя миссия здесь совершенно другая: проанализировать всё сказанное и максимально адекватно отразить это в лучшем журнале всех времен и народов, в журнале «Полис. Политические исследования». Но сейчас не могу молчать.

Хотел бы возразить глубоко уважаемому мною Сергею Феликсовичу Черняховскому, изменить акцент. Напомню, было сказано, что Крым – это наша культурно-цивилизационная ценность. Согласен на девяносто девять процентов, хотя там было почти четыре века османского господства. Но мы же свою историю ценим больше, чем османскую. Еще процитирую: нужно его защищать всеми возможными средствами. Потом было сказано, что наряду с Крымом есть еще два таких центра – это Новгород (на сто процентов согласен) и Киев, который тоже наш. У нас тут не политический клуб, но и нам надо быть предельно аккуратными в расставлении таких акцентов. Сказать, что Киев – наш, – это ужасно, это неправильно. Киев – это наше общее. Нам надо очень аккуратно формулировать, когда речь идет о наших украинских братьях. Надо тысячи раз повторять, что Киев – это наше общее, наше культурно-цивилизационное общее, и тогда через десять, двадцать, тридцать лет уйдет то состояние враждебности по отношению к российскому народу, которое сейчас возникло в Киеве.

Что же касается цепочки Данилевский – Тойнби – Шпенглер – Хантингтон, мне кажется, это разные, яркие, противоположные грани одной и той же проблемы, и цепочка эта очень логична. Я не знал первых троих, но мне повезло почти два семестра работать ассистентом Сэма Хантингтона. Хочу сказать, что у него были внутренние противоречия,

он несколько раз менял свою точку зрения в 1992-м, 1993-м, и 1994 годах, когда я был рядом с ним. Более того, мне его жена Барбара как-то сказала, что до того, как позавтракать, он каждый день писал пять страниц, и писал вещи совершенно разные. Внутри любого ученого бывают какие-то противоречия. Мне хотелось бы, чтобы мы в тоне дискуссионной атмосферы высказывали абсолютно разные точки зрения, спорили, и спорили дружелюбно, креативно. И, кажется, это удалось. Поэтому еще раз спасибо. Было безумно интересно и было по-разному.

М.В. Ремизов. Передавая бразды правления Борису, хочу уже со своей стороны поблагодарить организаторов. Мне кажется, опыт удался – опыт не просто диалога о европейской идентичности России, о российско-европейских отношениях, но опыт диалога об этом в контексте консервативной традиции мысли. Убежден, что именно российско-европейский диалог имеет перспективу вот на таких треках философских школ, школ мысли, там, где разделительные линии очень условны. О чем сегодня говорил Борис применительно к Ильину, и Андрей Рачинский упомянул, когда мы сидели рядом, что, вообще говоря, и во Франции рецепция немецкой философии в XX веке прошла через русского Александра Кожева. И именно на треках различных школ философской, социально-политической мысли мы сохраняем почву для диалогов, в ближайшие годы в гораздо большей степени, чем в том, что касается геополитики, геоэкономики.

А.В. Рачинский. Во-первых, хотел бы поблагодарить за приглашение, для меня это большая радость и большая честь. Большая честь, потому что, с одной стороны, можно поговорить о главном. Большая радость, потому что (мы с моим приятелем Эммануэлем Леруа только что это обсудили) такое собрание абсолютно невозможно во Франции, например. Я работал в восьми французских университетах, плюс немало в британских и итальянских. За тридцать лет жизни и работы во Франции я не встретил и двух человек, которых мог бы собрать за столом, чтобы поговорить на темы, которые мы обсуждали. А ведь мимо меня прошли сотни

преподавателей, не говоря уже о студентах. Повторяю, не знаю и двух человек (знаю одного, он румын), с которыми можно было обсуждать эти темы спокойно, не брызгая слюной. Как Эммануэль мне сказал, та свобода, которую он наблюдает здесь, она больше невозможна. То есть Европа не там, Европа – здесь. Именно так я отвечаю на тот вопрос, который поставил – Европа ли Россия, или Россия ли Европа. Европа – здесь, там Европы нет. Вот это и удивительно.

Является ли русская культура частью европейской? Да, безусловно, конечно. Но какая культура Европы без Чехова, без Чайковского, без Достоевского? Но Россия больше, чем Европа. Европа может быть частью России, но Россия не может быть частью Европы. Сейчас Европа только здесь. Шпенглеровская Европа закатилась. Она докатилась. И европейцы это прекрасно понимают, что Европы нет. Я – русский, я – не европеец. Консервативная европейская страна – это Россия. Здесь происходит консервация европейской культуры. Вот пример, скажем (мы сейчас с Михаилом тоже говорили), немецкой философии. Немецкую философию до XX века не знали ни в одной европейской стране, кроме Германии. Во Франции никто никогда не читал Гегеля, потому что никто не знал немецкого языка. Единственный автор, который знал немецкий язык, была баронесса мадам де Сталь.

Реплика. Был один такой Мишле.

А.В. Рачинский. Но он был не философ все-таки. В Италии, в Испании немецкую философию не читали. Конечно, я упрощаю, не хочу сейчас вдаваться в подробности, но немецкую философию знали в России. Единственная страна, которая изучала, знала, интересовалась немецкой философией, была Россия. То есть она была ближе в этом смысле, чем, например, Испания, Италия. Скажем, немецкую музыку во Франции не исполняли. Вагнера вообще до XX века во Франции не исполняли, по разным политическим причинам. Его стали исполнять недавно.

Мы воспринимаем Европу неким монолитом, что вот есть некая Европа и есть Россия. Россия, несомненно, Европа по своей культуре, но Россия больше, чем Европа.

И последнее. Для европейцев сейчас, для французов, например, для историков, нет ни малейшего сомнения, что этнические истоки Европы находятся в России. Родина индоевропейцев – это Россия. В этом нет ни малейшего сомнения. И не важно, что Гимбутас по этому поводу думала, что, дескать, Европа начинается с Атиллы. Европа начинается не с Александра Македонского. Александр Македонский Европой не интересовался, он пошел не в Италию, он пошел в Индию. И вообще, греков Европа не интересовала абсолютно. Греческое наследие в Европе – большой миф. Россия – в гораздо большей степени наследница Греции.

У меня пожелания, во-первых, выработать некоторую методику нашего дискурса; во-вторых, расширить сферу интересов – говорить не только о семье, о семейных ценностях, а и о таких важных консервативных составляющих, как, например, язык. Я – шишковист и считаю, что русский язык и его понятийный аппарат нужно сохранять и расширять. А вместо этого происходит порча, уничтожение русского языка. Или – музыка. Происходит уничтожение мелоса как национальной составляющей, нет русской музыки, нет русской песни. Дальше – нет русской архитектуры, происходит ее уничтожение. Идентичность строится не только на философской основе. Поэтому мы должны заняться методикой и расширить сферу наших исследований.

Б.В. Межуев. Позволю себе высказаться по нескольким моментам нашей дискуссии. Конечно, когда мы говорим о консерватизме, имеет место доля не столько омонимии, сколько полисемии, многозначности. Мы употребляем термин «консерватизм» в двух смыслах. Есть рассказ Альбера Камю «Иона, или Художник за работой», и там известная фраза, которая осталась после художника – то ли объединение, то ли отъединение – одна буква меняет смысл, но остается неизвестной. Я не знаю, как по-французски.

Реплика. Solitaire/Solidaire.

Б.В. Межуев. Solitaire/Solidaire. Вот это слово «консерватизм» такую же роль сейчас играет. С одной стороны, это идеология или философия отъединения от Европы. Мы с помощью слова «консерватизм» пытаемся маркировать

свою попытку пойти какой-то своей дорогой, отличной от пути Европейского Союза. И надо сказать, что для этого не обязательно идти под консервативными знаменами. В свое время Россия, будучи Советским Союзом, отошла от Европы под знаменами совсем другой идеологии, левой, крайне авангардистской. Слово «консерватизм» в Советском Союзе несло в себе презрительные коннотации. Не помню ни одного случая, чтобы в СССР слово «консерватор» употреблялось в положительном смысле.

С другой стороны, совершенно обратный смысл – отъединившись, объединиться. Потому что одновременно обнаруживается, что есть какая-то иная, консервативная Европа, состоящая из людей, которые тоже отрицательно, негативно относятся к проекту Европейского Союза. Это люди разных убеждений, но это преимущественно консерваторы. И с помощью такого маркера, слова «консерватизм», можно найти единство с другой, иной Европой.

Сама по себе двойственность этой задачи, объединения и отъединения, порождает проблемы, связанные с нашим консерватизмом. Мы одновременно хотим доказать, что мы – нечто отдельное, непохожее, и тогда мы выбираем таких консерваторов, которые совершенно не похожи на европейских консерваторов – в частности, того же Шпенглера. А с другой стороны, мы идем обратным путем и пытаемся сказать: нет, мы такие же консерваторы. И тут мы прибегаем к попытке выстраивания некоторых мостов с европейскими (и американскими, кстати, тоже) единомышленниками, которые употребляют этот термин.

И последнее – что мы защищаем? Я убежден, что мы защищаем не какую-то уникальную культуру. Убежден, что российская культура всегда использовала и будет использовать западные формы, обращаться к западным образцам и пытаться освоить западные стили. Всякий расцвет русской культуры почти всегда приходится на заимствование – либо философии, либо символистской поэзии, либо музыки – когда Россия пытается внести в западную форму собственное содержание. Кстати, Шпенглер в этом видел недостаток русской культуры. Я вижу в этом ее достоинство. Я понимаю,

что конфликт не чисто политический, что он имеет сверхполитический контекст: да, политические интересы России и Европейского Союза, России и Евро-Атлантики в целом расходятся, но речь идет не только о политике. Тогда о чем? Проблема в том, что цивилизационные различия не всегда могут быть поняты через наличные проблемы. Католическая церковь отделилась от Православной, Вселенской церкви в результате спора о причастии, каким хлебом причащаться, пресным или кислым.

Реплика. Спор был о филиокве.

Б.В. Межуев. Нет, филиокве не расколото церковь. Раскол церкви произошел в XI веке в результате спора об опресноках. Филиокве не было главной причиной раскола. Главной причиной был вопрос о евхаристии, и мы до сих пор не очень понимаем основания этого спора, настолько они мистически глубоки, настолько они углублены в мистическую суть православного вероучения и литургической практики. Этот вроде бы чисто литургический спор расколото человечество. Протестантизм откололся от католицизма в результате спора о вере как о единственном пути спасения, в отличие от дел, которые не спасают. Этот вопрос сегодня тоже не кажется способным расколото цивилизацию. Цивилизация не раскололась в результате победы эпохи Просвещения, которая сняла этот конфликт как второстепенный, сделала его малозначимым, при этом подняв значимость секулярного проекта. Просвещение утвердило новую целостность Европы, расколото по профессиональному признаку, – и это был единственный общеевропейский проект – во всяком случае, до попыток объединить Европу на неких христианских основаниях, которые предпринимались, в том числе, при участии русских консерваторов, Александра I.

Что сегодня разделяет нас? Ясно, что спор о гей-браках – это знак, символ чего-то другого, чего-то большего. Это знак того консерватизма будущего, о котором мы спорили в последней секции. Мой ответ такой: спор идет о патриархальном начале. Не о неравенстве полов, не о какой-то попытке оспорить равноправие женщин, но, по сути, о том, в чем смысл патриархальной цивилизации, почему она была

основана на отцовстве, а не на материнстве и почему Бог для нас символически представлен в качестве мужчины, а не в качестве женщины. Почему первым лицом Святой Троицы является Бог-Отец, а не, скажем, Бог-Мать? В Европе сейчас в принципе нельзя обсуждать такие вещи, саму постановку такого вопроса немедленно примут за сексизм. И в каком-то смысле европейцы правы: христианство, как и все другие авраамические религии, безусловно, мужецентрично, другими словами, патриархально. И что стоит за этой патриархальностью – какая-то глубинная мудрость веков или просто природное доминирование сильного самца над физически более слабой самкой? По существу, это тот самый вопрос, который уже сегодня раскалывает наши цивилизации.

В.В. Ванчугов. Коллеги, буду краток. Задача такого рода мероприятий, организаций типа фабрик мысли в том, чтобы заниматься перебором идей, их комбинаторикой, составлением реестра, спектра возможных событий. Хотел бы обозначить еще одно возможное направление, которое мы упускаем (хорошо, если такой сценарий не реализуется, но мы должны его иметь в виду). В последнее время появляются работы, особенно в англоязычной среде, которые можно подвести под рубрику «Холодная война 2.0», то есть холодная война с новыми опциями. Вчера я не успел обозначить это в докладе – когда мы рассуждаем о типичном немце, типичном французе, ясно, что это некие мифологемы. Мы как бы проговариваем образы самих себя, какими нам хотелось и не хотелось быть. И когда мы говорим о Европе, мы тоже, в общем-то, продолжаем говорить о России, о ее положительных и отрицательных моментах. Так вот Европа и является сейчас ареной «холодной войны 2.0».

В связи с этим процитирую недавний ответ Джорджа Фридмана на вопрос: «Что является главной угрозой национальной безопасности Штатам, да и вообще всему миру? Не являются ли такой угрозой движение ИГИЛ и мусульманский экстремизм?». Фридман заявил, что эта проблема уже даже не вторичная, а третичная. Для людей, принимающих решения, это уже не угроза. Главная угроза – это возможное соз-

дание Большой Европы, это возможный союз России и Германии, чего Америка не должна допустить.

Таким образом, если холодная война первой формации – это негорячий конфликт между США и СССР, то сейчас имеет место опосредованное противостояние по поводу Большой Европы – нельзя позволить сформироваться этой Большой Европе. И поэтому, занимаясь изучением, постижением Европы, занимаясь самопознанием, пересматривая наше философское наследие, мы подходим к этому совершенно прагматично, используя его для актуальной политики, потому что по иронии судьбы часть идей, которые не получили развитие в свое время, оказываются востребованными спустя какое-то время. Мы активизируем наше творческое наследие ради актуальной политики. Необходимо быть готовыми к «холодной войне 2.0», которую придется вести в гуманитарной среде, в интеллектуальном пространстве.

Б.В. Межуев. Спасибо, Василий Викторович. Ирина Сергеевна расскажет нам потрясающий сюжет о родственных связях двух людей, в отношении которых я не мог даже представить, что они находятся в родственных связях.

И.С. Кузнецова. Дорогие коллеги, вы, наверное, помните, что единство мира Александр Македонский пытался организовать, в том числе, через браки. У Иммануила Канта был младший брат Иоганн, который, став священником, отправился работать в Российскую империю, в Ригу. У него были дети, среди них дочь Гертруда. Иоганн умер. В 1803 году Гертруда собралась выходить замуж за русского барона немецкого происхождения в Риге и попросила у Канта благословения. Иммануил Кант выразил большую радость по этому поводу – все-таки внучка бедного ремесленника становилась русской баронессой. Они переехали в Петербург, и там у них родилась дочь, которая впоследствии вышла замуж за Михаила Николаевича Лермонтова, двоюродного брата Михаила Юрьевича, который стал потом адмиралом. Их потомок – Юлия Лермонтова, знаменитый химик, первая у нас женщина-химик. Мои студенты-химики с радостью вспоминают, что у них в учебниках есть реакция Лер-

монтовой-Бутлерова. Вот такие замечательные связи существуют – у нас, можно сказать, вся Европа в родственниках.

Б.В. Межуев. Действительно, это интересный факт. Недавно мне про одного нашего коллегу говорили, что он потомок Канта (к сожалению, не помню, о ком шла речь). Я был удивлен, зная уединенный образ жизни великого философа, но мне сказали, что у Канта был брат и у брата есть потомки. И кто-то из наших, правда, не консерваторов, а либералов является потомком Канта. Может быть, кто-то вспомнит его имя, он довольно известен.

И.С. Кузнецова. Один из этих потомков, окончив Томский университет, строил «Уралмаш», и газета «Социалистическая индустрия» опубликовала статью: «Внучатый племянник Канта строит социализм».

Б.В. Межуев. Спасибо. У Владимира Францевича Эрна была статья «От Канта к Круппу». Он считал, что военное производство Германии происходит от Канта. Это еще раз доказывает, насколько славянофильская критика Канта носит односторонний характер. Не только германское, но и советское машиностроение имело кантианские корни.

БАДОВСКИЙ

Дмитрий Владимирович

кандидат политических наук, председатель совета директоров Фонда ИСЭПИ.

БАРСУКОВА

Анна Владимировна

кандидат исторических наук, начальник Управления международных связей и протокола Балтийского федерального университета имени И. Канта.

БЕНЕДИКТОВ

Кирилл Станиславович

главный редактор портала «Русская idea», писатель, политолог.

БИБИКОВА (Ульянова)

Любовь Владимировна

кандидат исторических наук, выпускающий редактор портала «Русская idea», старший преподаватель Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова.

ВАНЧУГОВ

Василий Викторович

доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора портала «Русская idea».

ВАСИЛЬЕВА

Ольга Юрьевна

доктор исторических наук, заместитель начальника Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

ВАСЛАВСКИЙ

Ян Ильич

кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории факультета политологии МГИМО, руководитель Международного аналитического центра «Rethinking Russia».

ВИНОКУРОВА

Екатерина Владимировна

специальный корреспондент Информационного агентства «Znak.com».

ГАМАН-ГОЛУТВИНА

Оксана Викторовна

кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО, президент Российской ассоциации политической науки.

ГРЕНЬЕ Пол

исследователь русской и сравнительной политической философии, эссеист, публицист. Один из основателей сообщества мыслителей-публицистов и издательства «Solidarity Hall».

ГРИБАНОВ

Андрей Константинович

председатель редакционной коллегии портала «Politanalitika.ru».

ГРОЗНЕЦКИЙ

Олег Борисович

доцент кафедры политики, социальных технологий и массовых коммуникаций Института социально-гуманитарных технологий и коммуникаций Балтийского федерального университета имени И. Канта, вице-президент «Корпорации Союз».

ДЕМЕНТЬЕВ

Илья Олегович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта.

ЖУКОВСКИЙ

Игорь Игоревич

кандидат политологических наук, доцент кафедры политики, социальных технологий и массовых коммуникаций Института социально-гуманитарных технологий и коммуникаций, проректор по международному сотрудничеству и общественным связям Балтийского федерального университета имени И. Канта.

ЗАЙНАШЕВ

Юрий Мирзанурович

обозреватель интернет-газеты «Взгляд».

ЗАКУТИН

Антон Алексеевич

магистрант факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики».

ЗАМАХИНА

Татьяна Андреевна

специальный корреспондент отдела политики «Российской газеты».

ЗУДИН

Алексей Юрьевич

политолог, член Экспертного совета Фонда ИСЭПИ.

ИОНИН

Леонид Григорьевич

доктор философских наук, профессор департамента теоретической экономики факультета экономических наук НИУ «Высшая школа экономики».

КЛЕМШЕВ

Андрей Павлович

доктор политических наук, профессор, ректор Балтийского федерального университета имени И. Канта, член Общественной палаты РФ.

КЛЕСС Арман

доктор политологии, директор Люксембургского института европейских и международных исследований.

КОЗЫРЕВ

Алексей Павлович

кандидат философских наук, заместитель декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе, доцент кафедры истории русской философии.

КУЗНЕЦОВА

Ирина Сергеевна

доктор философских наук, профессор кафедры философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта.

КУЗЬМЕНКО

Виктория Игоревна

корреспондент интернет-издания «Лента.ру».

ЛЕРУА Эммануэль

юрист, советник лидера партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен, активист французской благотворительной организации, созданной для оказания помощи детям Донбасса.

ЛИХАЧЕВА

Анастасия Борисовна

заместитель директора по прикладным исследованиям Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики».

ЛУКЬЯНОВ

Федор Александрович

председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

МАКАРЕНКО

Борис Игоревич

профессор факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник лаборатории качественных и количественных методов анализа политических режимов (Центр фундаментальных исследований) НИУ «Высшая школа экономики», председатель правления Фонда «Центр политических технологий».

МАНОЛОВА

Ольга Александровна

фотокорреспондент Агентства гражданской журналистики «Ридус».

МАСЛИН

Михаил Александрович

доктор философских наук, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова.

МАТВЕЙЧЕВ

Олег Анатольевич

кандидат философских наук, профессор кафедры практической философии факультета философии НИУ «Высшая школа экономики».

МАФФЕТОНЕ Себастиано

профессор, декан факультета политологии Римского университета ЛУИСС.

МЕЖУЕВ

Борис Вадимович

кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель редакционного совета портала «Русская idea», заместитель главного редактора газеты «Известия».

МИНАКОВ

Аркадий Юрьевич

доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма.

МИХАЙЛОВ

Родион Владимирович

кандидат политических наук, заместитель председателя Экспертного совета Фонда ИСЭПИ.

НИКИФОРОВ

Андрей Ростиславович

кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, член Общественной палаты Республики Крым.

ПОВИЛАЙТИС

Владис Ионо

доктор философских наук, доцент кафедры философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта, главный редактор электронного издания «Ergo journal».

ПОЛЯКОВ

Леонид Владимирович

доктор философских наук, профессор, председатель редакционного совета альманаха «Тетради по консерватизму», заведующий кафедрой общей политологии факультета прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики».

ПОЛЯНСКИЙ

Дмитрий Викторович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта.

РАЧИНСКИЙ

Андрей Владиславович

доктор истории, доцент. Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO), Париж, Франция.

РЕМИЗОВ**Михаил Витальевич**

кандидат философских наук, президент Института национальной стратегии, председатель президиума Экспертного совета при Коллегии Военно-промышленной комиссии, член Экспертного совета при Правительстве РФ.

РУДАКОВ**Владимир Николаевич**

кандидат филологических наук, главный редактор журнала «Историк», член Экспертного совета Фонда ИСЭПИ.

САВИНЦЕВ**Вячеслав Игоревич**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта.

САНМАТИН ПАРДО Хосе Хесус

профессор политологии и государственного управления Департамента государственно-правовых исследований Университета Аликанте (Испания).

СИМОНОВ**Константин Васильевич**

кандидат политических наук, заведующий кафедрой «Прикладная политология», первый проректор по внешним коммуникациям Финансового университета при Правительстве РФ, генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности.

СКОЙБЕДА**Ульяна Борисовна**

обозреватель газеты «Комсомольская правда».

СОЛОД**Кирилл Вадимович**

исполнительный директор Фонда ИСЭПИ.

СТУДНЕВ**Григорий Сергеевич**

обозреватель Агентства гражданской журналистики «Ридус».

ФЁДОРОВ**Валерий Валерьевич**

кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ, заведующий базовой кафедрой ВЦИОМ факультета социологии НИУ «Высшая школа экономики».

ФОРМАНЧУК**Александр Андреевич**

руководитель регионального отделения Фонда ИСЭПИ в Крыму и городе Севастополе, сопредседатель Ассоциации политологов Крыма.

ХАМРАЕВ**Виктор Александрович**

специальный обозреватель газеты «Коммерсантъ».

ХАТУНЦЕВ**Станислав Витальевич**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Воронежского государственного университета.

ХОЛМОГОРОВ**Егор Станиславович**

публицист, главный редактор интернет-журналов «Русский обозреватель» и «Новые хроники».

ЦЫПЛЁНКОВ**Сергей Юрьевич**

руководитель регионального отделения Фонда ИСЭПИ в Калининграде, директор Калининградского социологического центра.

ЧЕРНЯХОВСКИЙ**Сергей Феликсович**

доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

ЧЕЧЕВИШНИКОВ**Александр Леонидович**

кандидат исторических наук, главный редактор альманаха «Тетради по консерватизму», заместитель директора Института международных исследований МГИМО.

ЧУГРОВ**Сергей Владиславович**

доктор социологических наук, главный редактор журнала «Полис», профессор кафедры международной журналистики факультета международной журналистики МГИМО.

ШАРОНОВ**Владимир Иванович**

директор ГТРК «Калининград».

ЩИПКОВ**Александр Владимирович**

кандидат философских наук, директор Московского центра социальных исследований, главный редактор интернет-журнала «RELIGARE.ru», действительный государственный советник 3 класса.

ЮРЧЕНКО**Сергей Васильевич**

доктор политических наук, профессор, проректор по международной деятельности и информационной политике Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

Альманах Фонда ИСЭПИ
Тетради по консерватизму
№ 3 2015

Редактор
Е.М. Кострова

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

Издатель
*Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических
и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)*
www.isepi.ru

Подписано в печать 21.07.2015. Формат 60х90 ¹/₈. Усл. печ. л. 21,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 978

Отпечатано в ООО «Богородский полиграфический комбинат»
142400, Московская обл., г. Ногинск, ул. Индустриальная, д. 40б